

Владимир Клавдиевич Арсеньев
Дерсу Узала (сборник)
Серия «Сибириада»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14654283

Владимир Арсеньев. Дерсу Узала (сборник): Вече; Москва; 2010
ISBN 978-5-4444-1066-0, 978-5-4444-8288-9, 978-5-9533-4604-7

Аннотация

В книгу вошли лучшие произведения знаменитого путешественника, исследователя Дальнего Востока В. К. Арсеньева (1872–1930) – «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала». В них рассказывается об экспедициях 1902–1906 годов и 1907 года, руководителем которых и был сам автор.

В первом произведении мы знакомимся со старым и опытным следопытом гольдом Дерсу Узала. Он знает и уважает тайгу и ее обитателей, он разговаривает с великим духом леса и безо всяких карт ведет через глухомань и буреломы молодых ученых, приоткрывая завесу тайны и неповторимой красоты сибирской природы.

О дальнейших приключениях автора и его верного проводника и товарища Дерсу повествует второй роман. Именно по нему был снят знаменитый одноименный фильм Акиры Куросавы, получивший международное признание.

Содержание

По Уссурийскому краю	5
Глава 1. Стеклянная падь	5
Глава 2. Встреча с Дерсу	10
Глава 3. Охота на кабанов	14
Глава 4. Происшествие в корейской деревне	20
Глава 5. Нижнее течение Лефу	23
Глава 6. Пурга на озере Ханка	31
Глава 7. Сборы в дорогу и снаряжение экспедиции (1906 год)	37
Глава 8. Вверх по Уссури	48
Глава 9. Через горы к деревне Кокшаровке	54
Глава 10. Долина Фудзина	61
Глава 11. Сквозь тайгу	68
Глава 12. Великий лес	74
Глава 13. Через Сихотэ-Алинь к морю	79
Глава 14. Залив Ольги	89
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Владимир Арсеньев Дерсу Узала (сборник)

© ООО «Издательский дом «Вече», 2010

По Уссурийскому краю

Глава 1. Стеклянная падь

В 1902 году во время одной из командировок с охотничьей командой я пробирался вверх по реке Цимухе¹, впадающей в Уссурийский залив около села Шкотова. Мой отряд состоял из шести человек сибирских стрелков и четырёх лошадей с вьюками. Цель моей командировки заключалась в обследовании Шкотовского района в военном отношении и в изучении перевалов в горном узле Да-дянь-шань², откуда берут начало четыре реки: Циму, Майхе, Даубихе³ и Лефу. Затем я должен был осмотреть все тропы около озера Ханка и вблизи Уссурийской железной дороги.

Горный хребет, о котором здесь идёт речь, начинается около Имана и идёт к югу параллельно реке Усури в направлении от северо-северо-востока к юго-юго-западу так, что на запад от него будет река Сунгача и озеро Ханка, а на восток – река Даубихе. Далее он разделяется на две ветви. Одна идёт к юго-западу и образует хребет Богатую Гриву, протянувшийся вдоль всего полуострова Муравьёва-Амурского, а другая ветвь направляется к югу и сливается с высокой грядой, служащей водоразделом между реками Даубихе и Сучаном⁴.

Верхняя часть Уссурийского залива называется бухтой Майтун. Бухта эта раньше значительно глубже вдавалась в материк. Это бросается в глаза с первого взгляда. Береговые обрывы ныне отодвинуты в глубь страны километров на пять. Устье реки Тангоузы⁵ раньше было на месте нынешних озёр Сан⁶ и Эль-Поуза⁷, а устье реки Майхе⁸ находилось немного выше того места, где теперь пересекает её железная дорога. Вся эта площадь в 22 квадратных километра представляет собой болотистую низину, заполненную наносами рек Майхе и Тангоузы⁹. Среди болот сохранились ещё кое-где озёрки с водой; они указывают, где были места наиболее глубокие. Этот медленный процесс отступления моря и нарастания суши происходит ещё и теперь. Эта же участь постигнет и бухту Майтун. Она и теперь уже достаточно мелководна. Западные берега её слагаются из порфиров, а восточные – из третичных отложений: в долине Майхе развиты граниты и сиениты, а к востоку от неё – базальты.

Село Шкотово находится около устья реки Цимухе, на правом берегу. Основание его относится к 1864 году. В 1868 году его сожгли хунгузы, но на другой год оно возродилось снова. Пржевальский в 1870 году в нём насчитал шесть дворов и тридцать четыре души обоёго пола¹⁰. Я застал Шкотово довольно большим селом¹¹.

Здесь мы провели двое суток, осматривали окрестности и снаряжались в далёкий путь. Река Цимухе, длиной в 30 километров, течёт в широтном направлении и имеет с правой сто-

¹ Хе(хэ) – суффикс в значении «речка» – приставляется ко всем именам собственным небольших рек, протекающих по районам, населённым мелкими народностями – гольдами, орочами и др. Ци(Цзи?) – му-хе – славная река.

² Да-цзянь-шань – большие остроконечные горы.

³ Дао-бин-хэ – река, где было много сражений.

⁴ Су-чан – площадь, засеваемая растением су-цзы, из которого китайцы добывают так называемое травяное масло.

⁵ Тан-гоу-цзы – болотистая падь.

⁶ Сан – разлившееся озеро.

⁷ Эр-цзо-цзы – вторая заводь.

⁸ Майхе – река, где сеют много пшеницы.

⁹ Д. Н. Мушкетов. Геологическое описание района Сучанской ж. д. 1919.

¹⁰ Н. М. Пржевальский. Путешествие по Уссурийскому краю. 1869, с. 135–136.

¹¹ В 1902 г. в селении насчитывалось 88 семейств.

роны один только приток – Бейцу. Долину, по которой протекает река, здешние переселенцы называют Стеклопанной паду. Такое название она получила от китайской зверовой фанзы, в окне которой был вставлен небольшой кусочек стекла. Надо заметить, что тогда в Уссурийском крае не было ни одного стекольного завода, и потому в глухих местах стекло ценилось особенно высоко. В глубине гор и лесов оно было своего рода меновой единицей. Пустую бутылку можно было выменять на муку, соль, чумизу и даже на пушнину. Старожилы рассказывают, что во время ссор враги старались проникнуть друг к другу в дом и перебить стеклянную посуду. Немудрёно поэтому, что кусочек стекла в окне китайской фанзы¹² был роскошью. Это обратило внимание первых переселенцев, и они назвали Стеклопанной не только фанзу и речку, но и всю прилегающую местность.

От Шкотова вверх по долине Цимухе сначала идёт просёлочная дорога, которая после села Новороссийского сразу переходит в тропу. По этой тропе можно выйти и на Сучан, и на реку Кангоузу¹³ к селу Новонезину. Дорога несколько раз переходит с одного берега реки на другой, и это является причиной, почему во время половодья сообщение по ней прекращается.

Из Шкотова мы выступили рано, в тот же день дошли до Стеклопанной пади и свернули в неё. Река Бейца течёт на запад-юго-запад почти по прямому направлению и только около устья поворачивает на запад. Ширина Стеклопанной пади не везде одинакова: то она суживается метров до ста, то расширяется более чем на километр. Как и большинство долин в Уссурийском крае, она отличается удивительной равнинностью. Окаймляющие её горы, поросшие корявым дубняком, имеют очень крутые склоны. Границы, где равнина соприкасается с горами, обозначены чрезвычайно резко. Это свидетельствует о том, что здесь были большие денудационные процессы. Долина раньше была гораздо глубже и только впоследствии выполнялась наносами реки.

По мере того как мы углублялись в горы, растительность становилась лучше. Дубовое редколесье сменилось густыми смешанными лесами, среди которых было много кедра. Путеводной нитью нам служила маленькая тропинка, проложенная китайскими охотниками и искателями женьшеня. Дня через два мы достигли того места, где была Стеклопанная фанза, но нашли здесь только её развалины. С каждым днём тропинка становилась всё хуже и хуже. Видно было, что по ней давно уже не ходили люди. Она заросла травой и во многих местах была завалена буреломом. Вскоре мы её совсем потеряли. Встречались нам и зверовые тропы; мы пользовались ими, пока они тянулись в желательном для нас направлении, но больше шли целиной. На третий день к вечеру мы подошли к хребту Да-дянь-шань, который идёт здесь в меридиональном направлении и имеет высоту в среднем около 700 метров. Оставив людей внизу, я поднялся на одну из соседних вершин, чтобы оттуда посмотреть, далеко ли ещё осталось до перевала. Сверху хорошо были видны все горы. Оказалось, что водораздел был в двух или трёх километрах от нас. Стало ясно, что к вечеру нам не дойти до него, а если бы мы и дошли, то рисковали заночевать без воды, потому что в это время года горные ключи в истоках почти совсем иссыкают. Я решил встать на бивак там, где остались лошади, а завтра идти к перевалу.

Обыкновенно свой маршрут я никогда не затягивал до сумерек и останавливался на бивак так, чтобы засветло можно было поставить палатки и заготовить дрова на ночь. Пока стрелки возились на биваке, я пользовался свободным временем и отправлялся осматривать ближайшие окрестности. Постоянным моим спутником в такого рода экскурсиях был Поликарп Олентьев – отличный человек и прекрасный охотник. Ему было тогда лет двадцать шесть. Он был среднего роста и хорошо сложен. Русые волосы, крупные черты лица

---

¹² Решётчатые окна в китайских фанзах оклеиваются тонкой бумагой.

¹³ Гань-гоу-цзы – сухая падь (долина).

и небольшие усы дадут читателю некоторое представление о его лице. Олентьев был оптимист. Даже в тех случаях, когда мы попадали в неприятные положения, он не терял хорошего настроения и старался убедить меня, что «всё к лучшему в этом лучшем из миров». Сделав нужные распоряжения, мы взяли с ним ружья и пошли на разведку.

Солнце только что успело скрыться за горизонтом, и в то время, когда лучи его золотили вершины гор, в долинах появились сумеречные тени. На фоне бледного неба резко выделялись вершины деревьев с пожелтевшими листьями. Среди птиц, насекомых, в сухой траве – словом, всюду, даже в воздухе, чувствовалось приближение осени.

Перейдя через невысокий хребет, мы попали в соседнюю долину, поросшую густым лесом. Широкое и сухое ложе горного ручья пересекало её поперёк. Тут мы разошлись. Я пошёл по галечниковой отмели налево, а Олентьев – направо. Не прошло и двух минут, как вдруг в его стороне грянул выстрел. Я обернулся и в это мгновение увидел, как что-то гибкое и пёстрое мелькнуло в воздухе. Я бросился к Олентьеву. Он поспешно заряжал винтовку, но, как на грех, один патрон застрял в магазинной коробке, и затвор не закрывался.

– Кого ты стрелял? – спросил я его.

– Кажется, тигра, – отвечал он. – Зверь сидел на дереве. Я хорошо прицелился и, наверное, попал.

Наконец застрявший патрон был вынут. Олентьев вновь зарядил ружьё, и мы осторожно двинулись к тому месту, где скрылось животное. Кровь на сухой траве указывала, что зверь действительно был ранен. Вдруг Олентьев остановился и стал прислушиваться. Впереди, немного вправо от нас, слышался храп. Сквозь заросли папоротников ничего нельзя было видеть. Большое дерево, поваленное на землю, преграждало нам путь. Олентьев хотел было уже перелезть валежник, но раненое животное предупредило его и стремительно бросилось навстречу. Олентьев второпях выстрелил в упор, даже не приставляя приклада ружья к плечу, – и очень удачно. Пуля попала прямо в голову зверя. Он упал на дерево и повис на нём так, что голова и передние лапы свесились по одну сторону, а задняя часть тела – по другую.

Убитое животное сделало ещё несколько конвульсивных движений и начало грызть землю. В это время центр тяжести переместился, оно медленно подалось вперёд и грузно свалилось к ногам охотника.

С первого же взгляда я узнал маньчжурскую пантеру¹⁴, называемую местными жителями барсом. Этот великолепный представитель кошачьих был из числа крупных. Длина его тела от носа до корня хвоста равнялась 1,4 метра. Шкура пантеры, ржаво-жёлтая по бокам и на спине и белая на брюхе, была покрыта чёрными пятнами, причём пятна эти располагались рядами, как полосы у тигра. С боков, на лапах и на голове они были сплошные и мелкие, а на шее, спине и хвосте – крупные, кольцевые.

В Уссурийском крае пантера держится только в южной части страны, и главным образом в Суйфунском, Посьетском и Барабашевском районах. Главной пищей ей служат пятнистые олени, дикие козули и фазаны. Животное это крайне хитрое и осторожное. Спасаясь от человека, пантера влезает на дерево и выбирает такой сук, который приходится против её следов на земле и, следовательно, как раз против луча зрения охотника. Растянувшись вдоль него, она кладёт голову на передние лапы и в этом положении замирает. Пантера отлично понимает, что со стороны головы её тело, прижатое к суку, менее заметно, чем сбоку.

Снятие шкуры с убитого животного отняло у нас более часа. Когда мы тронулись в обратный путь, были уже глубокие сумерки. Мы шли долго и наконец увидели огни бивака. Скоро между деревьями можно было различить силуэты людей. Они двигались и часто

---

¹⁴ Маньчжурская пантера – *Felis pardus orientalis* Schleg. Научные названия животных мной получены от консерватора музея во Владивостоке А. И. Черского.

заслоняли собой огонь. На биваке собаки встретили нас дружным лаем. Стрелки окружили пантеру, рассматривали её и вслух высказывали свои суждения. Разговоры затянулись до самой ночи.

На другой день мы продолжали наш путь. Долина суживалась и идти становилось труднее. Мы шли целиной и только заботились о том, чтобы поменьше кружить.

В полдень мы подошли к самому гребню. Подъём был крутой и трудный. Лошади карабкались на кручу изо всех сил; от напряжения у них дрожали ноги, они падали и, широко раскрыв ноздри, тяжело и порывисто дышали. Чтобы облегчить путь, пришлось идти зигзагами, часто останавливаться и поправлять вьюки. Наконец мы взобрались на хребет. Здесь дан был получасовой отдых. По хребту, поросшему лесом, надо идти всегда осторожно, надо часто останавливаться, осматриваться, иначе легко сбиться с пути, в особенности во время тумана. Помню, раньше я несколько раз таким образом блуждал. Чтобы не повторить ошибки, я приказал людям остановиться и, выбрав высокий кедр, не без труда взобрался на самую его вершину.

Сверху я увидел весь горный хребет Да-дянь-шань как на ладони. Он шёл на север с лёгким изгибом к востоку. Здесь он имел характер расплывчатый, неясный, а далее на восток, вероятно в верховьях Даубихе и Улахе¹⁵, был высок и величествен. Западные его склоны казались крутыми и обрывистыми, восточные – более пологими. Слева вдали виднелись Майхе и Цимухе, справа – сложный бассейн Сучана. С этой стороны местность была так пересечена, что я долго не мог сообразить, куда текут речки и к какому они принадлежат бассейну. Впереди, километрах в пяти, высилась какая-то куполообразная гора. Её-то я и наметил пунктом, где следовало второй раз ориентироваться.

На вершине хребта Да-дянь-шань растёт лес крупный, чистый, вследствие чего наше передвижение с вьюками происходило довольно быстро. В одном месте мы спугнули двух изюбров – самца и самку. Олени отбежали немного и остановились как вкопанные, повернув головы в нашу сторону. Один из казаков хотел было стрелять, но я остановил его. Продовольствия мы имели достаточно, а лошади были перегружены настолько, что захватить с собой убитых оленей мы всё равно не могли бы. Я несколько минут любовался изюбрами. Наконец самец не выдержал. Он издал короткий крик и, положив рога на спину, сильными прыжками пошёл наискось под гору.

Благородный олень, обитающий в Приамурском крае, называется изюбром. Это стройное и красивое животное имеет в длину 1,9, а в высоту – 1,4 метра. Вес тела достигает 197 килограммов. Шерсть изюбра летом светло-коричневая, зимой – серовато-бурая с бело-жёлтым зеркалом сзади. На длинной и сильной шее, украшенной у самцов гривой, помещается красивая голова с большими трубчатыми и подвижными ушами. Вилообразно расходящиеся рога имеют впереди два прямых бивня и несколько верхних отростков. Рога эти зимой спадают и весной вырастают вновь, и притом каждый раз одним отростком больше. Поэтому по числу отростков можно судить о возрасте оленя, считая один лишний год, когда он ходит безрогим (саек). Однако количеству отростков есть предел. Обыкновенно взрослый самец имеет их не более семи. В дальнейшем идёт только увеличение веса рогов, их размеров и толщины. Молодые весенние рога, наполненные кровью и ещё не затвердевшие, называются пантами.

В Уссурийском крае благородный олень обитает в южной части страны, по всей долине реки Усури и её притокам, не заходя за границу хвойных насаждений Сихотэ-Алиня. На побережье моря он встречается до мыса Олимпиады.

Летом изюбр держится по тенивым склонам лесистых гор, а зимой – по солнцепекам и в долинах, среди равнинной тайги, где полянки чередуются с перелесками. Любимый летний

---

¹⁵ У-ла-хэ – река, где растёт много травы «у-ла» (особый вид осоки), вкладываемой в китайскую охотничью обувь.

корм изюбра составляет леспедеца, а зимой – молодые побеги осины, тополя и низкорослой берёзы.

В полдень мы сделали большой привал. По моим соображениям, теперь мы должны были находиться недалеко от куполообразной горы.

В походе надо сообразоваться не столько с силами людей, сколько с силами вьючных животных. И в самом деле, они несут большие тяжести, поэтому при всякой более или менее продолжительной остановке надо облегчить их спины от груза.

Как только лошади были рассёдланы, их тотчас пустили на свободу. Внизу, под листьями, трава была ещё зелёная, и это давало возможность пользоваться кое-каким подножным кормом.

Глава 2. Встреча с Дерсу

После отдыха отряд наш снова тронулся в путь. На этот раз мы попали в бурелом и потому подвигались очень медленно. Часам к четырём мы подошли к какой-то вершине. Оставив людей и лошадей на месте, я сам пошёл наверх, чтобы ещё раз осмотреться.

Влезать на дерево непременно надо самому. Поручать это стрелкам нельзя. Тут нужны личные наблюдения. Как бы толково и хорошо стрелок ни рассказывал о том, что он заметил, на основании его слов трудно ориентироваться.

То, что я увидел сверху, сразу рассеяло мои сомнения. Куполообразная гора, где мы находились в эту минуту, – был тот самый горный узел, который мы искали. От него к западу тянулась высокая гряда, падавшая на север крутыми обрывами. По ту сторону водораздела общее направление долин шло к северо-западу. Вероятно, это были истоки реки Лефу.

Спустившись с дерева, я присоединился к отряду. Солнце уже стояло низко над горизонтом, и надо было торопиться разыскать воду, в которой и люди и лошади очень нуждались. Спуск с куполообразной горы был сначала пологий, но потом сделался крутым. Лошади спускались, присев на задние ноги. Вьюки лезли вперёд, и, если бы при сёдлах не было шлей, они съехали бы им на голову. Пришлось делать длинные зигзаги, что при буреломе, который валялся здесь во множестве, было делом далеко не лёгким.

За перевалом мы сразу попали в овраги. Местность была чрезвычайно пересечённая. Глубокие распадки, заваленные корчами, водотоки и скалы, обросшие мхом, – всё это создавало обстановку, которая живо напоминала мне картину Вальпургиевой ночи. Трудно представить себе местность более дикую и неприветливую, чем это ущелье.

Иногда случается, что горы и лес имеют привлекательный и весёлый вид. Так, кажется, и остался бы среди них навсегда. Иногда, наоборот, горы кажутся угрюмыми, дикими. И странное дело! Чувство это не бывает личным, субъективным, оно всегда является общим для всех людей в отряде. Я много раз проверял себя и всегда убеждался, что это так. То же было и теперь. В окружающей нас обстановке чувствовалась какая-то тоска, было что-то жуткое и неприятное, и это жуткое и тоскливое понималось всеми одинаково.

– Ничего, – говорили стрелки, – как-нибудь переночуем. Нам не год тут стоять. Завтра найдём место повеселее.

Не хотелось мне здесь останавливаться, но делать было нечего. Сумерки приближались, и надо было торопиться. На дне ущелья шумел поток, я направился к нему и, выбрав место поровнее, приказал ставить палатки.

Величавая тишина леса сразу огласилась звуками топоров и голосами людей. Стрелки стали таскать дрова, рассёдлывать коней и готовить ужин.

Бедные лошади. Среди камней и бурелома они должны были остаться голодными. Зато завтра, если нам удастся дойти до земледельческих фанз, мы их накормим как следует.

Сумерки в лесу всегда наступают рано. На западе сквозь густую хвою ещё виднелись кое-где клочки бледного неба, а внизу, на земле, уже ложились ночные тени. По мере того как разгорался костёр, ярче освещались выступавшие из темноты кусты и стволы деревьев. Разбуженная в осыпях пищуха подняла пронзительный крик, но вдруг испугалась чего-то, проворно спряталась в норку и больше не показывалась.

Наконец на нашем биваке стало все понемногу успокаиваться. После чая люди занялись каждый своим делом: кто чистил винтовку, кто поправлял седло или починял разорванную одежду. Такой работы всегда бывает много. Покончив со своими делами, стрелки стали ложиться спать. Они плотно прижались друг к другу и, прикрывшись шинелями, заснули как убитые. Не найдя корма в лесу, лошади подошли к биваку и, опустив головы, погрузились в дремоту. Не спали только я и Олентьев. Я записывал в дневник пройденный маршрут,

а он починал свою обувь. Часов в десять вечера я закрыл тетрадь и, завернувшись в бурку, лёг к огню. От жара, подымавшегося вместе с дымом кверху, качались ветки старой ели, у подножия которой мы расположились, и то закрывали, то открывали тёмное небо, усеянное звёздами. Стволы деревьев казались длинной колоннадой, уходившей в глубь леса и незаметно сливавшейся там с ночным мраком.

Вдруг лошади подняли головы и насторожили уши, потом они успокоились и опять стали дремать. Сначала мы не обратили на это особого внимания и продолжали разговаривать. Прошло несколько минут. Я что-то спросил Олентьева и, не получив ответа, повернулся в его сторону. Он стоял на ногах в выжидательной позе и, заслонив рукой свет костра, смотрел куда-то в сторону.

– Что случилось? – спросил я его.

– Кто-то спускается с горы, – отвечал он шёпотом. Мы оба стали прислушиваться, но кругом было тихо, так тихо, как только бывает в лесу в холодную осеннюю ночь. Вдруг сверху посыпались мелкие камни.

– Это, вероятно, медведь, – сказал Олентьев и стал заряжать винтовку.

– Стреляй не надо! Моя люди!.. – послышался из темноты голос, и через несколько минут к нашему огню подошёл человек.

Одет он был в куртку из выделанной оленьей кожи и такие же штаны. На голове у него была какая-то повязка, на ногах унты¹⁶, за спиной большая котомка, а в руках сошки и старая длинная берданка.

– Здравствуй, капитан, – сказал пришедший, обратясь ко мне. Затем он поставил к дереву свою винтовку, снял со спины котомку и, обтерев потное лицо рукавом рубашки, подсел к огню. Теперь я мог хорошо его рассмотреть. На вид ему было лет сорок пять. Это был человек невысокого роста, коренастый и, видимо, обладавший достаточной физической силой. Грудь у него была выпуклая, руки – крепкие, мускулистые, ноги немного кривые. Загорелое лицо его было типично для туземцев: выдающиеся скулы, маленький нос, глаза с монгольской складкой век и широкий рот с крепкими зубами. Небольшие русые усы окаймляли его верхнюю губу, и рыжеватая бородка украшала подбородок. Но всего замечательнее были его глаза. Тёмно-серые, а не карие, они смотрели спокойно и немного наивно. В них сквозили решительность, прямота характера и добродушие.

Незнакомец не рассматривал нас так, как рассматривали мы его. Он достал из-за пазухи кисет с табаком, набил им свою трубку и молча стал курить. Не спрашивая его, кто он и откуда, я предложил ему поесть. Так принято делать в тайге.

– Спасибо, капитан, – сказал он. – Моя шибко хочу кушай, моя сегодня кушай нету.

Пока он ел, я продолжал его рассматривать. У его пояса висел охотничий нож. Очевидно, это был охотник. Руки его были загрубелые, исцарапанные. Такие же, но ещё более глубокие царапины лежали на лице: одна на лбу, а другая на щеке около уха. Незнакомец снял повязку, и я увидел, что голова его покрыта густыми русыми волосами; они росли в беспорядке и свешивались по сторонам длинными прядями.

Наш гость был из молчаливых. Наконец Олентьев не выдержал и спросил пришельца прямо:

– Ты кто будешь?

– Моя гольд, – ответил он коротко.

– Ты, должно быть, охотник? – спросили его опять.

– Да, – отвечал он. – Моя постоянно охота ходи, другой работы нету, рыба лови понимай тоже нету, только один охота понимай.

– А где ты живёшь? – продолжал допрашивать его Олентьев.

---

¹⁶ Обувь типа олочей, сшитая из сохатиной или изюбровой кожи, выделанной под замшу.

– Моя дома нету. Моя постоянно сопка живи. Огонь клади, палатка делай – спи. Постоянно охота ходи, как дома живи?

Потом он рассказал, что сегодня охотился за изюбрами, ранил одну матку, но слабо. Идя по подранку, он наткнулся на наши следы. Они завели его в овраг. Когда стемнело, он увидел огонь и пошёл прямо на него.

– Моя тихонько ходи, – говорил он. – Думай, какой люди далеко сопках ходи? Посмотри – капитан есть, казак есть. Моя тогда прямо ходи.

– Тебя как зовут? – спросил я незнакомца.

– Дерсу Узала, – отвечал он.

Меня заинтересовал этот человек. Что-то в нём было особенное, оригинальное. Говорил он просто, тихо, держал себя скромно, не заискивающе. Мы разговорились. Он долго рассказывал мне про свою жизнь, и чем больше он говорил, тем становился симпатичнее. Я видел перед собой первобытного охотника, который всю свою жизнь прожил в тайге и чужд был тех пороков, которые вместе с собой несёт городская цивилизация. Из его слов я узнал, что средства к жизни он добывал ружьём и потом выменивал предметы своей охоты на табак, свинец и порох и что винтовка ему досталась в наследство от отца. Потом он рассказал мне, что ему теперь пятьдесят три года, что у него никогда не было дома, он вечно жил под открытым небом и только зимой устраивал себе временную юрту из корья или бересты. Первые проблески его детских воспоминаний были: река, шалаш, огонь, отец, мать и сестрёнка.

– Все давно помирай, – закончил он свой рассказ и задумался. Он помолчал немного и продолжал снова: – У меня раньше тоже жена была, сын и девчонка. Оспа все люди кончай. Теперь моя один остался...

Лицо его стало грустным от переживаемых воспоминаний. Я пробовал было его утешить, но что были мои утешения для этого одинокого человека, у которого смерть отняла семью, это единственное утешение в старости? Он ничего мне не отвечал и только ещё более поник головой. Хотелось мне как-нибудь выразить ему своё сочувствие, что-нибудь для него сделать, и я не знал, что именно. Наконец я надумал: я предложил ему обменять его старое ружьё на новое, но он отказался, сказав, что берданка ему дорога как память об отце, что он к ней привык и что она бьёт очень хорошо. Он потянулся к дереву, взял своё ружьё и стал гладить рукой по ложу.

Звезды на небе переместились и показывали далеко за полночь. Часы летели за часами, а мы все сидели у костра и разговаривали. Говорил больше Дерсу, а я его слушал, и слушал с удовольствием. Он рассказывал мне про свою охоту, про то, как раз он попал в плен к хунхузам, но убежал от них. Рассказывал про свои встречи с тиграми, говорил о том, что стрелять их нельзя, потому что это боги, охраняющие женьшень от человека, говорил о злых духах, о наводнениях и т. д.

Один раз на него напал тигр и сильно изранил. Жена искала его несколько дней подряд и по следам нашла, обессиленного от потери крови. Пока он болел, она ходила на охоту.

Потом я стал его спрашивать о том месте, где мы находимся. Он сказал, что это истоки реки Лефу и что завтра мы дойдём до первого жилища звероловов.

Один из спящих стрелков проснулся, удивлённо посмотрел на нас обоих, пробормотал что-то про себя и заснул снова.

На земле и на небе было ещё темно, только в той стороне, откуда подымались все новые звёзды, чувствовалось приближение рассвета. На землю пала обильная роса – верный признак, что завтра будет хорошая погода. Кругом царил торжественная тишина. Казалось, природа отдыхала тоже.

Через час восток начал алеть. Я посмотрел на часы, было шесть часов утра. Пора было будить очередного артельщика. Я стал трясти его за плечо. Стрелок сел и начал потягиваться.

Яркий свет костра резал ему глаза – он морщился. Затем, увидев Дерсу, проговорил, усмехнувшись:

– Вот диво, человек какой-то!... – и начал обуваться.

Небо из чёрного сделалось синим, а потом серым, мутным. Ночные тени стали жаться в кусты и овраги. Вскоре бивак наш опять ожил; заговорили люди, очнулись от оцепенения лошади, заверещала в стороне пищуха, ниже по оврагу ей стала вторить другая; слышался крик дятла и трещоточная музыка желны. Тайга просыпалась. С каждой минутой становилось всё светлее, и вдруг яркие солнечные лучи снопом вырвались из-за гор и озарили весь лес. Наш бивак принял теперь другой вид. На месте яркого костра лежала груда золы; огня почти не было видно; на земле валялись порожные банки из-под консервов; там, где стояла палатка, торчали одни жерди и лежала примятая трава.

Глава 3. Охота на кабанов

После чая стрелки начали выючить коней. Дерсу тоже стал собираться. Он надел свою котомку, взял в руки сошки и берданку. Через несколько минут отряд наш тронулся в путь. Дерсу пошёл с нами.

Ущелье, по которому мы шли, было длинное и извилистое. Справа и слева к нему подходили другие такие же ущелья. Из них с шумом бежала вода. Распадок¹⁷ становился шире и постепенно превращался в долину. Здесь на деревьях были старые затёски, они привели нас на тропинку. Гольд шёл впереди и всё время внимательно смотрел под ноги. Порой он нагибался к земле и разбирал листву руками.

– Что такое? – спросил я его.

Дерсу остановился и сказал, что тропа эта не конная, а пешеходная, что идёт она по соболиным ловушкам, что несколько дней тому назад по ней прошёл один человек и что, по всей вероятности, это был китаец.

Слова гольда нас всех поразили. Заметив, что мы отнеслись к нему с недоверием, он воскликнул:

– Как ваша понимай нету? Посмотри сам!

После этого он привёл такие доказательства, что все мои сомнения отпали разом. Всё было так ясно и так просто, что я удивился, как этого раньше я не заметил. Во-первых, на тропе нигде не было видно конских следов, во-вторых, по сторонам она не была очищена от ветвей; наши лошади пробирались с трудом и всё время задевали вьюками за деревья. Повороты были так круты, что кони не могли повернуться и должны были делать обходы; через ручьи следы шли по бревну, и нигде тропа не спускалась в воду; бурелом, преграждавший путь, не был прорублен; люди шли свободно, а лошадей обводили стороной. Все это доказывало, что тропа не была приспособлена для путешествий с вьюками.

– Давно один люди ходи, – говорил Дерсу как бы про себя. – Люди ходи кончай, дождь ходи. – И он стал высчитывать, когда был последний дождь.

Часа два шли мы по этой тропе. Мало-помалу хвойный лес начал заменяться смешанным. Всё чаще и чаще стали попадаться тополь, клён, осина, берёза и липа. Я хотел сделать второй привал, но Дерсу посоветовал пройти ещё немного.

– Наша скоро балаган найти есть, – сказал он и указал на деревья, с которых была снята кора.

Я сразу понял его. Значит, поблизости должно быть то, для чего это корьё предназначалось. Мы прибавили шагу и через десять минут на берегу ручья увидели небольшой односкатный балаган, поставленный охотниками или искателями женьшеня. Осмотрев его кругом, наш новый знакомый опять подтвердил, что несколько дней тому назад по тропе прошёл китаец и что он ночевал в этом балагане. Прибитая дождём зола, одинокое ложе из травы и брошенные старые наколенники из дабы¹⁸ свидетельствовали об этом.

Теперь я понял, что Дерсу не простой человек. Передо мной был следопыт, и невольно мне вспомнились герои Купера и Майн-Рида.

Надо было покормить лошадей. Я решил воспользоваться этим, лёг в тени кедра и тотчас же уснул. Часа через два меня разбудил Олентьев. Проснувшись, я увидел, что Дерсу наколол дров, собрал бересты и всё это сложил в балаган.

Я думал, что он хочет его спалить, и начал отговаривать от этой затеи. Но вместо ответа он попросил у меня щепотку соли и горсть рису. Меня заинтересовало, что он хочет с ними

---

¹⁷ Местное название узкой долины.

¹⁸ Очень прочная синяя материя, из которой китайцы шьют себе одежду.

делать, и я приказал дать просимое. Гольд тщательно обернул берестой спички, отдельно в бересту завернул соль и рис и повесил все это в балагане. Затем он поправил снаружи корьё и стал собираться.

– Вероятно, ты думаешь вернуться сюда? – спросил я гольда. Он отрицательно покачал головой. Тогда я спросил его, для кого он оставил рис, соль и спички.

– Какой-нибудь другой люди ходи, – отвечал Дерсу, – балаган найди, сухие дрова найди, спички найди, кушай найди – пропади нету!

Помню, меня глубоко поразило это. Я задумался... Гольд заботился о неизвестном ему человеке, которого он никогда не увидит и который тоже не узнает, кто приготовил ему дрова и продовольствие. Я вспомнил, что мои люди, уходя с биваков, всегда жгли корьё на кострах. Делали они это не из озорства, а так просто, ради забавы, и я никогда их не останавливал. Этот дикарь был гораздо человеколюбивее, чем я. Забота о путнике!... Отчего же у людей, живущих в городах, это хорошее чувство, это внимание к чужим интересам заглохло, а оно, несомненно, было ранее.

– Лошади готовы! Надо бы идти, – сказал подошедший Олентьев.

Я очнулся.

– Да, надо идти... Трогай! – сказал я стрелкам и пошёл вперёд по тропинке.

К вечеру мы дошли до того места, где две речки сливаются вместе, откуда, собственно, и начинается Лефу¹⁹. Здесь она шириной 6–8 метров и имеет быстроту течения 120–140 метров в минуту. Глубина реки неравномерная и колеблется от 30 до 60 сантиметров.

После ужина я рано лёг спать и тотчас уснул.

На другой день, когда я проснулся, все люди были уже на ногах. Я отдал приказание седлать лошадей и, пока стрелки возились с вьюками, успел приготовить планшет и пошёл вперёд вместе с гольдом.

От места нашего ночлега долина стала понемногу поворачивать на запад. Левые склоны её были крутые, правые – пологие. С каждым километром тропа становилась шире и лучше. В одном месте лежало срубленное топором дерево. Дерсу подошёл, осмотрел его и сказал:

– Весной рубили; два люди работали: один люди высокий – его топор тупой, другой люди маленький – его топор острый.

Для этого удивительного человека не существовало тайн. Как ясновидящий, он знал всё, что здесь происходило. Тогда я решил быть внимательнее и попытаться самому разобраться в следах. Вскоре я увидел ещё один порубленный пень. Кругом валялось множество щепок, пропитанных смолой. Я понял, что кто-то добывал растопку. Ну а дальше? А дальше я ничего не мог придумать.

– Фанза близко, – сказал гольд как бы в ответ на мои размышления.

Действительно, скоро опять стали попадаться деревья, оголённые от коры (я уже знал, что это значит), а метрах в двухстах от них на самом берегу реки среди небольшой полянки стояла зверовая фанза. Это была небольшая постройка с глинобитными стенами, крытая корьём. Она оказалась пустой. Это можно было заключить из того, что вход в неё был припёрт колом снаружи. Около фанзы находился маленький огородик, изрытый дикими свиньями, и слева – небольшая деревянная кумирня, обращённая как всегда лицом к югу.

Внутренняя обстановка фанзы была грубая. Железный котёл, вмазанный в низенькую печь, от которой шли дымовые ходы, согревающие каны (нары), два-три долблёных корытца, деревянный ковш для воды, железный кухонный резак, металлическая ложка, метёлочка для промывки котла, две запylённые бутылки, кое-какие брошенные тряпки, одна или две ска-

---

¹⁹ Ле-фу-хэ – река счастливой охоты.

меечки, масляная лампа и обрывки звериных шкур, разбросанные по полу, составляли все её убранство.

Отсюда вверх по Лефу шли три тропы. Одна была та, по которой мы пришли, другая вела в горы на восток, и третья направлялась на запад. Эта последняя была многохоженная, конная. По ней мы пошли дальше. Люди закинули лошадям поводья на шею и предоставили им самим выбирать дорогу. Умные животные шли хорошо и всячески старались не зацеплять вьюками за деревья. В местах болотистых и на каменистых россыпях они не прыгали, а ступали осторожно, каждый раз пробуя почву ногой, прежде чем поставить её как следует. Этой сноровкой отличаются именно местные лошади, привыкшие к путешествиям в тайге с вьюками.

От зверовой фанзы река Лефу начала понемногу загибать к северо-востоку. Пройдя ещё километров шесть, мы подошли к земледельческим фанзам, расположенным на правом берегу реки, у подножия высокой горы, которую китайцы называют Тудинза²⁰.

Неожиданное появление военного отряда смутило китайцев. Я велел Дерсу сказать им, чтобы они не боялись нас и продолжали свои работы.

Мне хотелось посмотреть, как живут в тайге китайцы и чем они занимаются.

Звериные шкуры, растянутые для просушки, изюбровые рога, сложенные грудой в амбаре, панты, подвешенные для просушки, мешочки с медвежьей желчью²¹, олени выпоротки²², рысьи, куньи, собольи и беличьи меха и инструменты для ловушек – всё это указывало на то, что местные китайцы занимаются не столько земледелием, сколько охотой и звероловством. Около фанз были небольшие участки обработанной земли. Китайцы сеяли пшеницу, чумизу и кукурузу. Они жаловались на кабанов и говорили, что недавно целые стада их спускались с гор в долины и начали травить поля. Поэтому пришлось собирать овощи, не успевшие дозреть, но теперь на землю осыпались жёлуди, и дикие свиньи удалились в дубняки.

Солнце стояло ещё высоко, и я решил подняться на гору Тудинзу, чтобы оттуда осмотреть окрестности. Вместе со мной пошёл и Дерсу. Мы отправились налегке и захватили с собой только винтовки.

Гора Тудинза представляет собой массив, круто падающий в долину реки Лефу и изрезанный глубокими падами с северной стороны. Пожелтевшая листва деревьев стала уже осыпаться на землю. Лес повсюду начинал сквозить, и только дубняки стояли ещё одетые в свой наряд, поблекший и полузасохший.

Гора была крутая. Раза два мы садились и отдыхали, потом опять лезли вверх.

Кругом вся земля была изрыта. Дерсу часто останавливался и разбирал следы. По ним он угадывал возраст животных, пол их, видел следы хромого кабана, нашёл место, где два кабана дрались и один гонял другого. С его слов всё это я представил себе ясно. Мне казалось странным, как это раньше я не замечал следов, а если видел их, то, кроме направления, в котором уходили животные, они мне ничего не говорили.

Через час мы достигли вершины горы, покрытой осыпями.

Здесь мы сели на камни и стали осматриваться.

На востоке высился высокий водораздел между бассейном Лефу и водами, текущими в Даубихе. Другой горный хребет тянулся с востока на запад и служил границей между Лефу и рекой Майхе. На юго-востоке, там, где оба эти хребта сходились вместе, высилась куполообразная гора Да-дянь-шань.

---

²⁰ Ту-дин-цзы – земляная вершина.

²¹ Употребляется китайцами как лекарство от трахомы.

²² Плоды стельных маток тоже идут на изготовление лекарства для надорвавшихся от работы.

Отсюда, с вершины Тудинзы, нам хорошо был виден весь бассейн верхнего течения Лефу, слагающийся из трёх речек одинаковой величины. Две из них сливаются раньше и текут от востока-северо-востока, третья, та, по которой мы шли, имела направление меридиональное. Истоки каждой из них состоят из нескольких горных ручьёв, сливающихся в одно место. В топографическом отношении горы верхнего Лефу представляют собой плоские возвышенности с чрезвычайно крутыми склонами, покрытые густым смешанным лесом с большим преобладанием хвой.

Близ земледельческих фанз река Лефу делает небольшую излучину, чему причиной является отрог, выдвинувшийся из южного массива, Затем она склоняется к югу, и, обогнув гору Тудинзу, опять поворачивает к северо-востоку, какое направление и сохраняет уже до самого своего впадения в озеро Ханка. Как раз против Тудинзы река Лефу принимает в себя ещё один приток – реку Отрадную. По этой последней идёт вьючная тропа на Майхе.

– Посмотри, капитан, – сказал мне Дерсу, указывая на противоположный склон пади. – Что это такое?

Я взглянул в указанном направлении и увидел какое-то тёмное пятно. Я думал, что это тень от облака, и высказал Дерсу своё предположение. Он засмеялся и указал на небо. Я посмотрел вверх. Небо было совершенно безоблачным: на беспредельной его синеве не было ни одного облачка. Через несколько минут пятно изменило свою форму и немного передвинулось в сторону.

– Что это такое? – спросил я гольда, в свою очередь.

– Тебе понимай нету, – отвечал он. – Надо ходи посмотри.

Мы стали спускаться вниз. Скоро я заметил, что пятно тоже двигалось нам навстречу. Минут через десять гольд остановился, сел на камень и указал мне знаком, чтобы я сделал то же.

– Наша тут надо дожидай, – сказал он. – Надо тихо сиди, чего-чего ломай не надо, говори тоже не надо.

Мы стали ждать. Вскоре я опять увидел пятно. Оно возросло до больших размеров. Теперь я мог рассмотреть его составные части. Это были какие-то живые существа, постоянно передвигающиеся с места на место.

– Кабаны! – воскликнул я.

Действительно, это были дикие свиньи. Их было тут более сотни. Некоторые животные отходили в сторону, но тотчас опять возвращались назад. Скоро можно было рассмотреть каждое животное отдельно.

– Один люди шибко большой, – тихонько проговорил Дерсу. Я не понял, про какого «человека» он говорил, и посмотрел на него недоумевающе.

Посредине стада, как большой бугор, выделялась спина огромного кабана. Он превосходил всех своими размерами и, вероятно, имел около 250 килограммов веса. Стадо приближалось с каждой минутой. Теперь ясно были слышны шум сухой листвы, взбиваемой сотнями ног, треск сучьев, резкие звуки, издаваемые самцами, хрюканье свиней и визг поросят.

– Большой люди близко ходи нету, – сказал Дерсу. И я опять его не понял.

Самый крупный кабан был в центре стада, множество животных бродило по сторонам и некоторые отходили довольно далеко от табуна, так что, когда эти одиночные свиньи подошли к нам почти вплотную, большой кабан был ещё вне выстрела. Мы сидели и не шевелились. Вдруг один из ближайших к нам кабанов поднял кверху своё рыло. Он что-то жевал. Я как сейчас помню большую голову, настороженные уши, свирепые глаза, подвижную морду с двумя носовыми отверстиями и белые клыки. Животное замерло в неподвижной позе, перестало есть и уставилось на нас злобными вопрошающими глазами. Наконец оно поняло опасность и издало резкий крик. Вмиг все стадо с шумом и фырканием броси-

лось в сторону. В это мгновение грянул выстрел. Одно из животных грохнулось на землю. В руках Дерсу дымилась винтовка.

Ещё несколько секунд в лесу был слышен треск ломаемых сучьев, затем всё стихло.

Кабан, обитающий в Уссурийском крае – вид, близкий к японской дикой свинье, – достигает 295 килограммов веса и имеет наибольшие размеры: 2 метра в длину и 1 метр в высоту. Общая окраска животного бурая; спина и ноги чёрные, поросята всегда продольно-полосатые. Тело его овальное, несколько сжатое с боков и поддерживается четырьмя крепкими ногами. Шея короткая и очень сильная; голова клиновидная; морда оканчивается довольно твёрдым и подвижным «пяточком», при помощи которого дикая свинья копает землю. Кабан относится к бугорчато-зубным, но кроме корневых зубов самцы вооружены ещё острыми клыками, которые с возрастом увеличиваются, загибаются назад и достигают длины 20 сантиметров. Так как кабан любит тереться о стволы елей, кедров и пихт, жёсткая щетина его бывает часто запачкана смолой. Осенью во время холодов он валяется в грязи. От этого к щетине его примерзает вода, сосульки все увеличиваются и образуют иногда такой толстый слой льда, что он служит помехой его движениям.

Область распространения диких свиней в Уссурийском крае тесно связана с распространением кедра, ореха, лещины и дуба. Северная граница этой области проходит от низов Хунгари, через среднее течение Анюя, верхнее – Хора и истоки Бикина, а оттуда идёт через Сихотэ-Алинь на север к мысу Успения. Одиночные кабаны попадаются и на реках Копи, Хади и Тумнину. Животное это чрезвычайно подвижное и сильное. Оно прекрасно видит, отлично слышит и имеет хорошее обоняние. Будучи ранен, кабан становится весьма опасен.

Беда неразумному охотнику, который без мер предосторожности вздумает пойти по подранку. В этих случаях кабан ложится на свой след, головой навстречу преследователю. Завидев человека, он с такой стремительностью бросается на него, что последний нередко не успевает даже приставить приклад ружья к плечу и выстрелить.

Кабан, убитый гольдом, оказался двухгодовалой свиньёй.

Я спросил старика, почему он не стрелял секача.

– Его старый люди, – сказал он про кабана с клыками. – Его худо кушай, мясо мало-мало пахнет.

Меня поразило, что Дерсу кабанов называет «людьми». Я спросил его об этом.

– Его всё равно люди, – подтвердил он, – только рубашка другой. Обмани понимай, сердись понимай, кругом понимай! Всё равно люди...

Для меня стало ясно. Воззрение на природу этого первобытного человека было анимистическое, и потому все окружающее он очеловечивал.

На горе мы пробыли довольно долго. Незаметно кончился день. У облаков, столпившихся на западе, края светились так, точно они были из расплавленного металла. Сквозь них прорывались солнечные лучи и веерообразно расходились по небу.

Дерсу наскоро освежевал убитого кабана, взвалил его к себе на плечи, и мы пошли к дому. Через час мы были уже на биваке.

В китайских фанзах было тесно и дымно, поэтому я решил лечь спать на открытом воздухе вместе с Дерсу.

– Моя думай, – сказал он, поглядывая на небо, – ночью тепло будет, завтра вечером – дождь...

Я долго не мог уснуть. Всю ночь мне мерещилась кабанья морда с раздутыми ноздрями. Ничего другого, кроме этих ноздрей, я не видел. Они казались мне маленькими точками. Потом вдруг увеличивались в размерах. Это была уже не голова кабана, а гора и ноздри – пещеры, и будто в пещерах опять кабаны с такими же дыроватыми мордами.

Странно устроен человеческий мозг. Из впечатлений целого дня, из множества разнообразных явлений и тысячи предметов, которые всюду попадают на глаза, что-нибудь одно,

часто даже не главное, а случайное, второстепенное, запоминается сильнее, чем всё остальное! Некоторые места, где у меня не было никаких приключений, я помню гораздо лучше, чем те, где что-нибудь случилось. Почему-то запомнились одно дерево, которое ничем не отличалось от других деревьев, муравейник, пожелтевший лист, один вид мха и т. д. Я думаю, что я мог бы вещи эти нарисовать подробно со всеми деталями.

Глава 4. Происшествие в корейской деревне

Утром я проснулся позже других. Первое, что мне бросилось в глаза, – отсутствие солнца. Все небо было в тучах. Заметив, что стрелки укладывают вещи так, чтобы их не промочил дождь, Дерсу сказал:

– Торопиться не надо. Наша днём хорошо ходи, вечером будет дождь.

Я спросил его, почему он так думает.

– Тебе сам посмотри, – ответил гольд. – Видишь, маленькие птицы туда-сюда ходи, играй, кушай. Дождь скоро – его тогда тихонько сиди, все равно спи.

Действительно, я вспомнил, что перед дождём всегда бывает тихо и сумрачно, а теперь – наоборот: лес жил полной жизнью; всюду перекликались дятлы, сойки и кедровки и весело посовистывали суетливые поползны.

Расспросив китайца о дороге, мы тронулись в путь.

После горы Тудинзы долина реки Лефу сразу расширяется от 1 до 3 километров. Отсюда начинались жилые места.

Часам к двум мы дошли до деревни Николаевки, в которой насчитывалось тогда тридцать шесть дворов. Отдохнув немного, я велел Олентьеву купить овса и накормить хорошенько лошадей, а сам вместе с Дерсу пошёл вперёд. Мне хотелось поскорей дойти до ближайшей деревни Казакевичево и устроить своих спутников на ночь под крышу.

Осенью в пасмурный день всегда смеркается рано. Часов в пять начал накрапывать дождь. Мы прибавили шаг. Скоро дорога разделилась надвое. Одна шла за реку, другая как будто бы направлялась в горы. Мы выбрали последнюю. Потом стали попадаться другие дороги, пересекающие нашу в разных направлениях. Когда мы подходили к деревне, было уже совсем темно.

В это время стрелки дошли до перекрёстка дорог и, не зная, куда идти, дали два выстрела. Опасаясь, что они могут заблудиться, я ответил им тем же. Вдруг в ближайшей фанзе раздался крик, и вслед за тем из окна её грянул выстрел, потом другой, третий, и через несколько минут стрельба поднялась по всей деревне. Я ничего не мог понять: дождь, крики, ружейная пальба... Что случилось, почему поднялся такой переполох? Вдруг из-за одной фанзы показался свет. Какой-то кореец нёс в одной руке керосиновый факел, а в другой берданку. Он бежал и кричал что-то по-своему. Мы бросились к нему навстречу. Неровный красноватый свет факела прыгал по лужам и освещал его искажённое страхом лицо. Увидев нас, кореец бросил факел на землю, выстрелил в упор в Дерсу и убежал. Разлившийся по земле керосин вспыхнул и загорелся дымным пламенем.

– Ты не ранен? – спросил я Дерсу.

– Нет, – сказал он и стал подымать факел. Я видел, что в него стреляют, а он стоял во весь свой рост, махал рукой и что-то кричал корейцам.

Услышав стрельбу, Олентьев решил, что мы подверглись нападению хунхузов. Оставив при лошадях двух коноводов, он с остальными людьми бросился к нам на выручку. Наконец стрельба из ближайшей к нам фанзы прекратилась. Тогда Дерсу вступил с корейцами в переговоры. Они ни за что не хотели открывать дверей. Никакие увещевания не помогли. Корейцы ругались и грозили возобновить пальбу из ружей.

Нечего делать, надо было становиться биваком. Мы разложили костры на берегу реки и начали ставить палатки. В стороне стояла старая развалившаяся фанза, а рядом с ней были сложены груды дров, заготовленных корейцами на зиму. В деревне стрельба долго ещё не прекращалась. Те фанзы, что были в стороне, отстреливались всю ночь. От кого? Корейцы и сами не знали этого. Стрелки и ругались и смеялись.

На другой день была назначена днёвка. Я велел людям осмотреть седла, просушить то, что промокло, и почистить винтовки. Дождь перестал; свежий северо-западный ветер разогнал тучи; выглянуло солнце.

Я оделся и пошёл осматривать деревню.

Казалось бы, что после вчерашней перепалки корейцы должны были прийти на наш бивак и посмотреть людей, в которых они стреляли. Ничего подобного. Из соседней фанзы вышло двое мужчин. Они были одеты в белые куртки с широкими рукавами, в белые ватные шаровары и имели плетёную верёвочную обувь на ногах. Они даже не взглянули на нас и прошли мимо. Около другой фанзы сидел старик и крутил нитки. Когда я подошёл к нему, он поднял голову и посмотрел на меня такими глазами, в которых нельзя было прочесть ни любопытства, ни удивления. По дороге навстречу нам шла женщина, одетая в белую юбку и белую кофту; грудь её была открыта. Она несла на голове глиняный кувшин с водой и шла прямо, ровной походкой, глядя вниз на землю. Поравнявшись с нами, кореянка не посторонилась и, не поднимая глаз, прошла мимо. И всюду, куда я ни приходил, я видел то удивительное равнодушие, которым так отличаются корейцы. «Страна утреннего спокойствия», – вспомнилось мне название, данное Корее. Это спокойствие очень похоже на тупость. Казалось, здесь не было жизни, а были только одни механические движения.

Корейцы живут хуторами. Фанзы их разбросаны на значительном расстоянии друг от друга, и каждая находится в середине своих полей и огородов. Вот почему небольшая корейская деревня сплошь и рядом занимает пространство в несколько квадратных километров.

Возвращаясь назад к биваку, я вошёл в одну из фанз. Тонкие стены её были обмазаны глиной изнутри и снаружи. В фанзе имелось трое дверей с решётчатыми окнами, оклеенными бумагой. Соломенная четырёхскатная крыша была покрыта сетью, сплетённой из сухой травы.

Корейские фанзы все одинаковы. Внутри их имеется глиняный кан. Он занимает больше половины помещения. Под каном проходят печные трубы, согревающие полы в комнатах и распространяющие тепло по всему дому. Дымовые ходы выведены наружу в большое дуплистое дерево, заменяющее трубу. В одной половине фанзы, где находятся каны, помещаются люди, в другой, с земляным полом, – куры, лошади и рогатый скот. Жилая половина дощатыми перегородками разделяется ещё на отдельные комнаты, устланные чистыми циновками. В одной комнате помещаются женщины с детьми, в других – мужчины и гости.

В фанзе я увидел ту самую женщину, которая переходила нам дорогу с кувшином на голове. Она сидела на корточках и деревянным ковшом наливала в котёл воду. Делала она это медленно, высоко поднимала ковш кверху и лила воду как-то странно – через руку в правую сторону. Она равнодушно взглянула на меня и молча продолжала своё дело. На кане сидел мужчина лет пятидесяти и курил трубку. Он не шевельнулся и ничего не ответил на моё приветствие. Я посидел с минуту, затем вышел на улицу и направился к своим спутникам. После обеда я отправился экскурсировать по окрестностям. Переправившись на другую сторону реки, я поднялся на возвышенность. Это была древняя речная терраса, высотой в 20 метров. Нижние слои её состоят из песчаников, верхний – из пористой лавы. Большие пустоты в лаве свидетельствовали о том, что в момент извержения она была сильно насыщена газами. Многие пустоты выполнены каким-то минералом чёрного и серо-синего цвета.

С высоты террасы мне открывался чудный вид на долину реки Лефу. Правый берег, где расположилась деревня Казакевичево, был низменный. В этих местах Лефу принимает в себя четыре притока: Малую Лефу и Пичинзу – с левой стороны и Ивановку и Лубянку – с правой. Между устьями двух последних, на такой же древней речной террасе, расположилось большое село Ивановское, насчитывающее около двухсот дворов²³. Дальше долина

---

²³ Основание селения относится к 1883 г.

Лефу становится расплывчатой. Пологие холмы, мало возвышающиеся над общим уровнем, покрыты дубовым и чёрно-берёзовым редколесьем.

Часа два я бродил по окрестностям и наконец опять подошёл к обрыву.

День склонялся к вечеру. По небу медленно ползли лёгкие розовые облачка. Дальние горы, освещённые последними лучами заходящего солнца, казались фиолетовыми. Оголённые от листвы деревья приняли однотонную серую окраску. В нашей деревне по-прежнему царило полное спокойствие. Из длинных труб фанз вились белые дымки. Они быстро таяли в прохладном вечернем воздухе. По дорожкам кое-где мелькали белью фигуры корейцев. Внизу, у самой реки, горел огонь. Это был наш бивак.

Когда я возвращался назад, уже смеркалось. Вода в реке казалась чёрной, и на спокойной поверхности её отражались пламя костра и мигающие на небе звезды. Около огня сидели стрелки: один что-то рассказывал, другие смеялись.

– Ужинать! – крикнул артельщик. Смех и шутки сразу прекратились.

После чая я сел у огня и стал записывать в дневнике свои наблюдения. Дерсу разбирал свою котомку и поправлял костёр.

– Мало-мало холодно, – сказал он, пожимая плечами.

– Иди спать в фанзу, – посоветовал я ему.

– Не хочу, – ответил он, – моя всегда так спи.

Затем он натыкал позади себя несколько ивовых прутьев и обтянул их полотнищами палатки, потом постелил на землю козью шкуру, сел на неё и, накинув себе на плечи кожаную куртку, закурил трубку. Через несколько минут я услышал лёгкий храп. Он спал. Голова его свесилась на грудь, руки опустились, погасшая трубка выпала изо рта и лежала на коленях. . . «И так всю жизнь, – подумал я. – Каким тяжёлым трудом, ценой каких лишений добывал себе этот человек средства к жизни!» Но тотчас я поймал себя на другой мысли: едва ли бы этот зверолов согласился променять свою свободу. Дерсу по-своему был счастлив.

В стороне глухо шумела река; где-то за деревней лаяла собака; в одной из фанз плакал ребёнок. Я завернулся в бурку, лёг спиной к костру и сладко уснул.

На другой день чуть свет мы все были уже на ногах. Ночью наши лошади, не найдя корма на корейских пашнях, ушли к горам на отаву. Пока их разыскивали, артельщик приготовил чай и сварил кашу. Когда стрелки вернулись с конями, я успел закончить свои работы. В восемь часов утра мы выступили в путь.

От описанного села Казакевичево²⁴ по долине реки Лефу есть две дороги. Одна из них, кружная, идёт на село Ивановское, другая, малохоженная и местами болотистая, идёт по левому берегу реки. Мы выбрали последнюю. Чем дальше, тем долина всё более и более принимала характер луговой.

По всем признакам видно было, что горы кончаются. Они отодвинулись куда-то в сторону, и на место их выступили широкие и пологие увалы, покрытые кустарниковой порослью. Дуб и липа дровяного характера с отмёрзшими вершинами растут здесь кое-где группами и в одиночку. Около самой реки – частые насаждения ивы, ольхи и черёмухи. Наша тропа стала принимать влево, в горы и увела нас от реки километра на четыре.

В этот день мы немного не дошли до деревни Ляличи²⁵ и заночевали в шести километрах от неё.

Вечером я сидел с Дерсу у костра и беседовал с ним о дальнейшем маршруте по реке Лефу. Гольд говорил, что далее пойдут обширные болота и бездорожье, и советовал плыть на лодке, а лошадей и часть команды оставить в Ляличах. Совет его был вполне благоразумный. Я последовал ему и только изменил местопребывание команды.

---

²⁴ Село Казакевичево основано в 1872 г.

²⁵ Основана в 1885 г.

Глава 5. Нижнее течение Лефу

На другое утро я взял с собой Олентьева и стрелка Марченко, а остальных отправил в село Черниговку с приказанием дожидаться там моего возвращения. При содействии старосты нам очень скоро удалось заполучить довольно сносную плоскодонку. За неё мы отдали двенадцать рублей деньгами и две бутылки водки. Весь день был употреблён на оборудование лодки. Дерсу сам приспособлял весла, устраивал из колышков уключины, налаживал сиденья и готовил шесты. Я любовался, как работа у него в руках спорилась и кипела. Он никогда не суетился, все действия его были обдуманы, последовательны, и ни в чём не было проволочек. Видно было, что он в жизни прошёл такую школу, которая приучила его быть энергичным, деятельным и не тратить времени понапрасну. Случайно в одной избе нашли готовые сухари. А больше нам ничего не надо было. Всё остальное – чай, сахар, соль, крупу и консервы – мы имели в достаточном количестве. В тот же вечер по совету гольда все имущество было перенесено в лодку, а сами мы остались ночевать на берегу.

Ночь выпала ветренная и холодная. За недостатком дров огня большого развести было нельзя, и потому все зябли и почти не спали.

Как я ни старался завернуться в бурку, но холодный ветер находил где-нибудь лазейку и знобил то плечо, то бок, то спину. Дрова были плохие, они трещали и бросали во все стороны искры. У Дерсу прогорело одеяло. Сквозь дремоту я слышал, как он ругал полено, называя его по-своему – «худой люди».

– Его постоянно так гори – все равно кричи, – говорил он кому-то и при этом изобразил своим голосом, как трещат дрова. – Его надо гоняй.

После этого я слышал всплеск по реке и шипение головешки. Очевидно, старик бросил её в воду. Потом мне удалось как-то согреться, и я уснул.

Ночью я проснулся и увидел Дерсу, сидящего у костра. Он поправлял огонь. Ветер раздувал пламя во все стороны. Поверх бурки на мне лежало одеяло гольда. Значит, это он прикрыл меня, вот почему я и согрелся. Стрелки тоже были прикрыты его палаткой. Я предлагал Дерсу лечь на моё место, но он отказался.

– Не надо, капитан, – сказал он. – Тебе спи, моя буду караулить огонь. Его шибко вредный, – он указал на дрова.

Чем ближе я присматривался к этому человеку, тем больше он мне нравился. С каждым днём я открывал в нём новые достоинства. Раньше я думал, что эгоизм особенно свойствен дикому человеку, а чувство гуманности, человеколюбия и внимания к чужому интересу присуще только европейцам. Не ошибся ли я? Под эти мысли я опять задремал и проспал до утра.

Когда совсем рассвело, Дерсу разбудил нас. Он согрел чай и изжарил мясо. После завтрака я отправил команду с лошадьми в Черниговку, затем мы спустили лодку в воду и тронулись в путь.

Подгоняемая шестами, лодка наша хорошо шла по течению. Километров через пять мы достигли железнодорожного моста и остановились на отдых. Дерсу рассказал, что в этих местах он бывал ещё мальчиком с отцом, они приходили сюда на охоту за козами. Про железную дорогу он слышал от китайцев, но никогда её раньше не видел.

После краткого отдыха мы поплыли дальше. Около железнодорожного моста горы кончились. Я вышел из лодки и поднялся на ближайшую сопку, чтобы в последний раз осмотреться во все стороны. Красивая панорама развернулась перед моими глазами. Сзади, на востоке, толпились горы: на юге были пологие холмы, поросшие лиственным редколесьем; на севере, насколько хватал глаз, расстилалось бесконечное низменное пространство, покрытое травой. Сколько я ни напрягал зрение, я не мог увидеть конца этой низины. Она

уходила вдаль и скрывалась где-то за горизонтом. Порой по ней пробегал ветер. Трава колыхалась и волновалась, как море. Кое-где группами и в одиночку росли чахлые берёзки и другие какие-то деревья. С горы, на которой я стоял, реку Лефу далеко можно было проследить по ольшаникам и ивнякам, растущим по её берегам в изобилии. Вначале она сохраняет своё северо-восточное направление, но, не доходя сопки, видневшихся на западе километрах в восьми, поворачивает на север и немного склоняется к востоку. Бесчисленное множество протоков, слепых рукавов, заводей и озерков окаймляет её с обеих сторон. Низина эта казалась безжизненной и пустынной. Ярко блестящие на солнце в разных местах лужи свидетельствовали о том, что долина Лефу в дождливый период года легко затопляется водой.

На всём этом пространстве Лефу принимает в себя с левой стороны два притока: Сандуган²⁶ и Хунухезу²⁷. Последняя протекает по такой же низменной и болотистой долине, как и сама Лефу.

К полудню мы доехали ещё до одной возвышенности, расположенной на самом берегу реки, с левой стороны. Сопка эта высотой 120–140 метров покрыта редколесьем из дуба, берёзы, липы, клёна, ореха и акаций. Отсюда шла тропинка, вероятно, к селу Вознесенскому, находящемуся западнее, километрах в двенадцати.

Во вторую половину дня мы проехали ещё столько же и стали биваком довольно рано.

Долгое сидение в лодке наскучило, и потому всем хотелось выйти и размять онемевшие члены. Меня тянуло в поле. Олентьев и Марченко принялись устраивать бивак, а мы с Дерсу пошли на охоту. С первого же шага буйные травы охватили нас со всех сторон. Они были так высоки и так густы, что человек в них казался утонувшим. Внизу, под ногами, – трава, спереди и сзади – трава, с боков – тоже трава и только сверху – голубое небо. Казалось, что мы шли по дну травяного моря. Это впечатление становилось ещё сильнее, когда, взобравшись на какую-нибудь кочку, я видел, как степь волновалась. С робостью и опаской я опять погружался в траву и шёл дальше. В этих местах так же легко заблудиться, как и в лесу. Мы несколько раз сбивались с дороги, но тотчас же спешили исправить свои ошибки. Найдя какую-нибудь кочку, я взбирался на неё и старался рассмотреть что-нибудь впереди. Дерсу хватал вейник и полынь руками и пригибал их к земле. Я смотрел вперёд, в стороны, и всюду передо мной расстилалось бесконечное волнующееся травяное море.

Главными представителями этих трав будут: тростники высотой до 3 метров, вейник, полынь и др. Из древесных пород, растущих по берегам проток, можно отметить кустарниковую лозу, осину, белую берёзу, ольху и др.

Население этих болотистых степей главным образом пернатое. Кто не бывал в низовьях Лефу во время перелёта, тот не может себе представить, что там происходит. Тысячи тысяч птиц большими и малыми стаями тянулись к югу. Некоторые шли в обратном направлении, другие – наискось в сторону. Вереницы их то подымались кверху, то опускались вниз, и все разом, ближние и дальние, проектировались на фоне неба, в особенности внизу, около горизонта, который вследствие этого казался как бы затянутым паутиной. Я смотрел, как очарованный.

Выше всех были орлы. Распластав свои могучие крылья, они парили, описывая большие круги. Что для них расстояния? Некоторые из них кружились так высоко, что едва были заметны. Ниже их, но всё же высоко над землёй, летели гуси. Эти осторожные птицы шли правильными косяками и, тяжело вразброд махая крыльями, оглашали воздух своими сильными криками. Рядом с ними летели казарки и лебеди. Внизу, близко к земле, с шумом неслись торопливые утки. Тут были стаи грузной кряквы, которую легко можно было узнать по свистящему шуму, издаваемому её крыльями, и совсем над водой тысячами летели чирки

---

²⁶ Сань-дао-ган – увал, по которому проходит третья дорога, или третий увал на пути.

²⁷ Ху-ни-хэ-цзы – грязная речка.

и другие мелкие утки. Там и сям в воздухе виднелись канюки и пустельга. Эти представители соколов описывали красивые круги, подолгу останавливались на одном месте и, трепеща крыльями, зорко высматривали на земле добычу. Порой они отлетали в сторону, опять описывали круги и вдруг, сложив крылья, стремглав бросались книзу, но, едва коснувшись травы, снова быстро взмывали вверх. Грациозные и подвижные чайки и изящные проворные крачки своей снежной белизной мелькали в синеве лазурного неба. Кроншнепы летели легко, плавно и при полёте своём делали удивительно красивые повороты. Остроклювые крохали на лету посматривали по сторонам, точно выискивая место, где бы им можно было остановиться. Сивки-моряки держались болотистых низин. Лужи стоячей воды, видимо, служили для них вехами, по которым они и держали направление. И вся масса птиц неслась к югу. Величественная картина!

Вдруг совершенно неожиданно откуда-то взялись две козули. Они были от нас шагах в шестидесяти. В густой траве их почти не было видно – мелькали только головы с растопыренными ушами и белые пятна около задних ног. Отбежав шагов полтора, козули остановились. Я выпалил из ружья и промахнулся. Раскатистое эхо подхватило звук выстрела и далеко разнесло его по реке. Тысячи птиц поднялись от воды и с криком полетели во все стороны. Испуганные козули сорвались с места и снова пошли большими прыжками. Тогда прицелился Дерсу. И в тот момент, когда голова одной из них показалась над травой, он спустил курок. Когда дым рассеялся, животных уже не было видно. Гольд снова зарядил свою винтовку и не торопясь пошёл вперёд. Я молча последовал за ним. Дерсу огляделся, потом повернул назад, пошёл в сторону и опять вернулся обратно. Видно было, что он что-то искал.

– Кого ты ищешь? – спросил я его.

– Козулю, – отвечал он.

– Да ведь она ушла.

– Нет, – сказал он уверенно. – Моя в голову его попади.

Я принялся тоже искать убитое животное, хотя и не совсем верил гольду. Мне казалось, что он ошибся. Минут через десять мы нашли козулю. Голова её оказалась действительно простреленной. Дерсу взвалил её себе на плечи и тихонько пошёл обратно. На бивак мы возвратились уже в сумерки.

Вечерняя заря ещё пыталась бороться с надвигающейся тьмой, но не могла её осилить, уступила и ушла за горизонт. Тотчас на небе замигали звезды, словно и они обрадовались тому, что наконец-то солнце дало им свободу. Около протоки темнела какая-то роща. Деревьев теперь разобрать было нельзя: они все стали похожи друг на друга. Сквозь них виднелся свет нашего костра. Вечер был тихий и прохладный. Слышно было, как где-то неподалёку от нас с шумом опустилась в воду стая уток. По полёту можно было узнать, что это были чирки.

После ужина Дерсу и Олентьев принялись свежевать козулю, а я занялся своей работой. Покончив с дневником, я лёг, но долго не мог уснуть. Едва я закрывал глаза, как передо мной тотчас появлялась качающаяся паутина: это было волнующееся травяное море и бесчисленные стаи гусей и уток. Наконец под утро я уснул.

На следующий день мы встали довольно рано, наскоро напились чаю, уложили свои пожитки в лодку и поплыли по Лефу.

Чем дальше, тем извилистее становилась река. Кривуны её (так местные жители называют извилины) описывают почти полные окружности и вдруг поворачивают назад, опять загибаются, и нет места, где река хоть бы немного текла прямо.

В нижнем течении Лефу принимает в себя с правой стороны два небольших притока: Монастырку и Черниговку. Множество протоков и длинных слепых рукавов идёт перпендикулярно к реке, наискось и параллельно ей и образует весьма сложную водную систему. Километров на восемь ниже Монастырки горы подходят к Лефу и оканчиваются здесь безымянной сопкой в 290 метров высоты. У подножия её расположилась деревня Халкидон. Это

было последнее в здешних местах селение. Дальше к северу до самого озера Ханка жилых мест не было.

Взятые с собой запасы продовольствия подходили к концу. Надо было их пополнить. Мы вытащили лодку на берег и пошли в деревню. Посредине её проходила широкая улица, дома стояли далеко друг от друга. Почти все крестьяне были старожилками и имели надел в сто десятин. Я вошёл в первую попавшуюся избу. Нельзя сказать, чтобы на дворе было чисто, нельзя сказать, чтобы чисто было и в доме. Мусор, разбросанные вещи, покочнувшийся забор, сорванная с петель дверь, почерневший от времени и грязи рукомошник свидетельствовали о том, что обитатели этого дома не особенно любили порядок. Когда мы зашли во двор, навстречу нам вышла женщина с ребёнком на руках. Она испуганно посторонилась и робко ответила на моё приветствие.

Я невольно обратил внимание на окна. Они были с двойными рамами в четыре стекла. Пространство же между ними почти до половины нижних стёкол было заполнено чем-то серовато-желтоватым. Сначала я думал, что это опилки, и спросил хозяйку, зачем их туда насыпали.

– Какие это опилки, – сказала женщина, – это комары.

Я подошёл поближе. Действительно, это были сухие комары. Их тут было по крайней мере с полкилограмма.

– Мы только и спасаемся от них двумя рамами в окнах, – продолжала она. – Они залезают между стёкол и там пропадают. А в избе мы раскладываем дымокуры и спим в комарниках.

– А вы бы выжигали траву в болотах, – сказал ей стрелок Марченко.

– Мы выжигали, да ничего не помогает. Комары-то из воды выходят. Что им огонь! Летом трава сырая, не горит.

В это время подошёл Олентьев и сообщил, что хлеб куплен. Обойдя всю деревню, мы вернулись к лодке. Тем временем Дерсу изжарил на огне козлятину и согрел чай. На берег за нами прибежали деревенские ребяташки. Они стояли в стороне и поглядывали на нас с любопытством.

Через полчаса мы тронулись дальше. Я оглянулся назад. Ребята по-прежнему толпились на берегу и провожали нас глазами. Река сделала поворот, и деревня скрылась из виду. Трудно проследить русло Лефу в лабиринте его проток. Ширина реки здесь колеблется от 15 до 80 метров. При этом она отделяет от себя в сторону большие слепые рукава, от которых идут длинные, узкие и глубокие каналы, сообщающиеся с озёрами и болотами или с такими речками, которые также впадают в Лефу значительно ниже. По мере того как мы подвигались к озеру Ханка, течение становилось медленнее. Шесты, которыми стрелки проталкивали лодку вперёд, упираясь в дно реки, часто завязали, и настолько крепко, что вырывались из рук. Глубина Лефу в этих местах весьма неровная. То лодка наша натыкалась на мели, то проходила по глубоким местам, так что без малого весь шест погружался в воду.

Почва около берегов более или менее твёрдая, но стоит только отойти немного в сторону, как сразу попадёшь в болото. Среди зарослей скрываются длинные озёрки. Эти озёрки и кусты ивняков и ольшаников, растущие рядами, свидетельствуют о том, что река Лефу раньше текла иначе и несколько раз меняла своё русло.

К вечеру мы немного не дошли до реки Черниговки и стали биваком на узком перешейке между ней и небольшой протокой.

Сегодня был особенно сильный перелёт. Олентьев убил несколько уток, которые и составили нам превосходный ужин. Когда стемнело, все птицы прекратили свой лет. Кругом сразу воцарилась тишина. Можно было подумать, что степи эти совершенно безжизненны, а между тем не было ни одного озёрка, ни одной заводи, ни одной протоки, где не ночевали бы стада лебедей, гусей, крохалей, уток и другой водяной птицы.

Вечером Марченко и Олентьев улеглись спать раньше нас, а мы с Дерсу, по обыкновению, сидели и разговаривали. Забытый на огне чайник настойчиво напоминал о себе шипением. Дерсу отставил его немного, но чайник продолжал гудеть. Дерсу отставил его ещё дальше. Тогда чайник запел тоненьким голоском.

– Как его кричи! – сказал Дерсу. – Худой люди! – Он вскочил и вылил горячую воду на землю.

– Как «люди»? – спросил я его в недоумении.

– Вода, – отвечал он просто. – Ему могу кричи, могу плакать, могу тоже играй.

Долго мне говорил этот первобытный человек о своём мировоззрении. Он видел живую силу в воде, видел её тихое течение и слышал её рёв во время наводнений.

– Посмотри, – сказал Дерсу, указывая на огонь, – его тоже всё равно люди.

Я взглянул на костёр. Дрова искрились и трещали. Огонь вспыхивал то длинными, то короткими языками, то становился ярким, то тусклым; из угольев слагались замки, гроты, потом все это разрушалось и созидалось вновь. Дерсу умолк, а я долго ещё сидел и смотрел на «живой огонь».

В реке шумно всплеснула рыба. Я вздрогнул и посмотрел на Дерсу. Он сидел и дремал. В степи по-прежнему было тихо. Звезды на небе показывали полночь. Подбросив дров в костёр, я разбудил гольда, и мы оба стали укладываться на ночь.

На следующий день мы все проснулись очень рано. Вышло это как-то случайно, само собой.

Как только начала заниматься заря, пернатое царство поднялось на воздух и с шумом и гамом снова понеслось к югу. Первыми снялись гуси, за ними пошли лебеди, потом утки, и уже последними тронулись остальные перелётные птицы. Сначала они низко летели над землёй, но по мере того как становилось светлее, поднимались всё выше и выше.

До восхода солнца мы успели отплыть от бивака километров восемь и дошли до горы Чайдинзы²⁸, покрытой ильмом и осиной. У подножия её протекает небольшая речка Сяохеза²⁹. Здесь долина реки Лефу становится шириной более 40 километров. С левой стороны её на огромном протяжении тянутся сплошные болота. Лефу разбивается на множество рукавов, которые имеют десятки километров длины. Рукава разбиваются на протоки и, в свою очередь, дают ответвления. Эти протоки тянутся широкой полосой по обе стороны реки и образуют такой лабиринт, в котором очень легко заблудиться, если не держаться главного русла и польститься на какой-нибудь рукав в надежде сократить расстояние. Кроме упомянутой Сяохезы, в Лефу впадают ещё две речки: Люганка – с правой стороны и Сеузгу³⁰ – с левой. Дальше до самого озера Ханка никаких притоков нет.

Мы плыли по главному руслу и только в случае крайней нужды сворачивали в сторону, с тем чтобы при первой же возможности выйти на реку снова. Протоки эти, заросшие лозой и камышами, совершенно скрывали нашу лодку. Мы плыли тихо и нередко подходили к птицам ближе, чем на ружейный выстрел. Иногда мы задерживались нарочно и подолгу рассматривали их.

Прежде всего я заметил белую цаплю с чёрными ногами и жёлто-зелёным клювом. Она чинно расхаживала около берега, покачивала в такт головой и внимательно рассматривала дно реки. Заметив лодку, птица подпрыгнула два раза, грузно поднялась на воздух и, отлетев немного, снова спустилась на соседней протоке. Потом мы увидели выпь. Серовато-жёлтая окраска перьев, грязно-жёлтый клюв, жёлтые глаза и такие же жёлтые ноги делают её удивительно непривлекательной. Эта угрюмая птица ходила сторбившись по песку и всё

---

²⁸ Чай-дин-цзы – вершина, где есть дрова.

²⁹ Сяо-хэ-цзы – маленькая речка.

³⁰ Сяо-цзы-гау – долина семьи Сяо.

время преследовала подвижного и хлопотливого кулика-сороку. Кулик отлетал немного, и, как только садился на землю, выпь тотчас же направлялась туда шагом и, когда подходила близко, бросалась бегом и старалась ударить его своим острым клювом. Заметив лодку, выпь забилась в траву, вытянула шею и, подняв голову кверху, замерла на месте. Когда лодка проходила мимо, Марченко выстрелил в неё, но не попал, хотя пуля прошла так близко, что задела рядом с ней камышины. Выпь не шелохнулась. Дерсу рассмеялся...

– Его шибко хитрый люди. Постоянно так обмани, – сказал он.

Действительно, теперь выпь нельзя уже было заметить, окраска её оперения и поднятый кверху клюв совершенно затерялись в траве.

Дальше мы увидели новую картину. Низко над водой около берега на ветке лозняка уединённо сидел зимородок. Эта маленькая птичка с большой головой и с большим клювом, казалось, дремала. Вдруг она ринулась в воду, нырнула и снова показалась на поверхности, держа в клюве маленькую рыбку. Проглотив добычу, зимородок сел на ветку и опять погрузился в дремоту, но, услышав шум приближающейся лодки, с криком понёсся вдоль реки. Яркой синевой мелькнуло его оперенье. Отлетев немного, он уселся на куст, потом отлетел ещё дальше и наконец совсем скрылся за поворотом.

Раза два мы встречали болотных курочек-лысух – чёрных ныряющих птичек с большими ногами, легко и свободно ходивших по листьям водяных растений. Но в воздухе они казались беспомощными. Видно было, что это не их родная стихия. При полёте они как-то странно болтали ногами. Создавалось впечатление, будто они недавно вышли из гнезда и ещё не научились летать как следует.

Кое-где в стоячих водах держались поганки с торчащими в сторону ушами и с воротничками из цветных перьев. Они не улетали, а спешили спрятаться в траве или нырнуть в воду.

Погода нам благоприятствовала. Был один из тех тёплых осенних дней, которые так часто бывают в Южно-Уссурийском крае в октябре. Небо было совершенно безоблачное, ясное; лёгкий ветерок тянул с запада. Такая погода часто обманчива, и нередко после неё начинают дуть холодные северо-западные ветры, и чем дольше стоит такая тишь, тем резче будет перемена.

Часов в одиннадцать утра мы сделали большой привал около реки Люганки. После обеда люди легли отдыхать, а я пошёл побродить по берегу. Куда я ни обращал свой взор, я всюду видел только траву и болото. Далеко на западе чуть-чуть виднелись туманные горы. По безлесным равнинам кое-где, как оазисы, темнели пятна мелкой кустарниковой поросли.

Пробираясь к ним, я спугнул большую болотную сову – «ночную птицу открытых пространств», которая днём всегда прячется в траве. Она испуганно шарахнулась в сторону от меня и, отлетев немного, опять опустилась в болото. Около кустов я сел отдохнуть и вдруг услышал слабый шорох. Я вздрогнул и оглянулся. Но страх мой оказался напрасным. Это были камышовки. Они порхали по тростникам, поминутно подёргивая хвостиком. Затем я увидел двух крапивников. Миловидные рыжевато-пёстрые птички эти всё время прятались в зарослях, потом выскакивали вдруг где-нибудь с другой стороны и скрывались снова под сухой травой. Вместе с ними была одна камышовка-овсянка. Она всё время лазала по тростникам, нагибала голову в сторону и вопрошающе на меня посматривала. Я видел здесь ещё много других мелких птиц, названия которых мне были неизвестны.

Через час я вернулся к своим. Марченко уже согрел чай и ожидал моего возвращения. Утолив жажду, мы сели в лодку и поплыли дальше. Желая пополнить свой дневник, я спросил Дерсу, следы каких животных он видел в долине Лифу с тех пор, как мы вышли из гор и начались болота. Он отвечал, что в этих местах держатся козули, енотовидные собаки, барсуки, волки, лисицы, зайцы, хорьки, выдры, водяные крысы, мыши и землеройки.

Во вторую половину дня мы прошли ещё километров двенадцать и стали биваком на одном из многочисленных островов.

Сегодня мы имели случай наблюдать на востоке теневой сегмент земли. Вечерняя заря переливалась особенно яркими красками. Сначала она была бледная, потом стала изумрудно-зелёной, и по этому зелёному фону, как расходящиеся столбы, поднялись из-за горизонта два светло-жёлтых луча. Через несколько минут лучи пропали. Зелёный свет зари сделался оранжевым, а потом красным. Самое последнее явление заключалось в том, что багрово-красный горизонт стал тёмным, словно от дыма. Одновременно с закатом солнца на востоке появился теневой сегмент земли. Одним концом он касался северного горизонта, другим – южного. Внешний край этой тени был пурпуровый, и чем ниже спускалось солнце, тем выше поднимался теневой сегмент. Скоро пурпуровая полоса слилась с красной зарёй на западе, и тогда наступила тёмная ночь.

Я смотрел и восторгался, но в это время услышал, что Дерсу ворчит:

– Понимай нету!

Я догадался, что это замечание относилось ко мне, и спросил его, в чём дело.

– Это худо, – сказал он, указывая на небо. – Моя думай, будет большой ветер.

Вечером мы долго сидели у огня. Утром встали рано, за день утомились и поэтому, как только поужинали, тотчас же легли спать. Предраассветный наш сон был какой-то тяжёлый. Во всём теле чувствовались истома и слабость, движения были вялые. Так как это состояние ощущалось всеми одинаково, то я испугался, думая, что мы заболели лихорадкой или чем-нибудь отравились, но Дерсу успокоил меня, что это всегда бывает при перемене погоды. Нехотя мы поехали и нехотя поплыли дальше. Погода была тёплая; ветра не было совершенно; камыши стояли неподвижно и как будто дремали. Дальние горы, виденные дотоле ясно, теперь совсем утонули во мгле. По бледному небу протянулись тонкие растянутые облачка, и около солнца появились венцы. Я заметил, что кругом уже не было такой жизни, как накануне. Куда-то исчезли и гуси, и утки, и все мелкие птицы. Только на небе парили орланы. Вероятно, они находились вне тех атмосферных изменений, которые вызвали среди всех животных на земле общую апатию и сонливость.

– Ничего, – говорил Дерсу. – Моя думай, половина солнца кончай, другой ветер найди есть.

Я спросил его, отчего птицы перестали летать, и он прочёл мне длинную лекцию о перелёте.

По его словам, птицы любят двигаться против ветра. При полном штиле и во время тёплой погоды они сидят на болотах. Если ветер дует им вслед, они зябнут, потому что холодный воздух проникает под перья. Тогда птицы прячутся в траве. Только неожиданный снегопад может принудить пернатых лететь дальше, невзирая на ветер и стужу.

Чем ближе мы подвигались к озеру Ханка, тем болотистее становилась равнина. Деревья по берегам протоков исчезли, и их место заняли редкие, тощие кустарники. Замедление течения в реке тотчас сказалося на растительности. Появились лилии, кувшинки, курслеп, водяной орех и т. д. Иногда заросли травы были так густы, что лодка не могла пройти сквозь них, и мы вынуждены были делать большие обходы. В одном месте мы заблудились и попали в какой-то тупик. Олентьев хотел было выйти из лодки, но едва вступил на берег, как провалился и увяз по колено. Тогда мы повернули назад, вошли в какое-то озеро и там случайно нашли свою протоку. Лабиринт, заросший травой, остался теперь позади, и мы могли радоваться, что отделались так дешево. С каждым днём ориентировка становится все труднее и труднее.

Раньше по деревьям можно было далеко проследить реку, теперь же нигде не было даже кустов, вследствие этого на несколько метров вперёд нельзя было сказать, куда свернёт протока, влево или вправо.

Предсказание Дерсу сбылось. В полдень начал дуть ветер с юга. Он постепенно усиливался и в то же время менял направление к западу. Гуси и утки снова поднялись в воздух и полетели низко над землёй.

В одном месте было много плавникового леса, принесённого сюда во время наводнений. На Лефу этим пренебрегать нельзя, иначе рискуешь заночевать без дров. Через несколько минут стрелки разгружали лодку, а Дерсу раскладывал огонь и ставил палатку.

До озера Ханка оставалось немного. Я знал, что река здесь отклоняется к северо-востоку и впадает в восточный угол залива Лебяжьего, названного так потому, что во время перелётов здесь всегда держится много лебедей. Этот залив длиной от 6 до 8 и шириной около одного километра. Он очень мелководен и соединяется с озером узкой протокой. Таким образом, для того чтобы достигнуть озера на лодке, нужно было пройти ещё километров пятнадцать, а напрямик целиной – не более двух с половиной или трёх. Было решено, что завтра мы вместе с Дерсу пойдём пешком и к сумеркам вернёмся назад. Олентьев и Марченко должны были остаться на биваке и ждать нашего возвращения.

Вечером у всех было много свободного времени. Мы сидели у костра, пили чай и разговаривали между собой. Сухие дрова горели ярким пламенем. Камыши качались и шумели, и от этого шума ветер казался сильнее, чем он был на самом деле. На небе лежала мгла, и сквозь неё чуть-чуть виднелись только крупные звёзды. С озера до нас доносился шум прибоя. К утру небо покрылось слоистыми облаками. Теперь ветер дул с северо-запада. Погода немного ухудшилась, но не настолько, чтобы помешать нашей экскурсии.

Глава 6. Пурга на озере Ханка

Озеро Ханка (по-гольдски Кенка) имеет несколько яйцевидную форму. Оно расположено (между 44°36' и 45°2' северной широты) таким образом, что закруглённый овал его находится на севере, а острый конец – на юге. С боков этот овал немного сжат. Наибольшая ширина озера равна 60 километрам, наименьшая – 30. В окружности оно около 260 километров и в длину – 85. Это даёт площадь в 2400 квадратных километров.

На севере Ханка имеет ещё один придаток – озеро Малое Ханка (по-китайски Сяо-Ху и по-гольдски – Дабуку). Оно длиной в 15, шириной 25 километров и отделено от большого озера только песчаной косой, по которой в прежнее время пролегал путь из Маньчжурии в Уссурийский край. Верхняя часть озера Ханка (приблизительно четвертая) принадлежит Китаю. Граница между обоими государствами проходит здесь по прямой линии от устья реки Тур (по-китайски Бай-мин-хе³¹) к реке Сунгаче (по-китайски Сун-ачан³²), берущей начало из озера Ханка в точке, имеющей следующие географические координаты: 45°27' северной широты к 150°10' восточной долготы от Ферро на высоте 86 метров над уровнем моря.

При Ляосской династии озеро Ханка называлось Бэйцинхай, а в настоящее время – Ханка, Хинкай и Синкайху, что значит Озеро процветания и благоденствия. Надо полагать, что название озера Ханка произошло от другого слова, именно от слова «ханхай», что значит «впадина». Этим именем китайцы называют всякое пониженное место, будет ли это сухая или заполненная водой котловина. Так они называют, например, западную часть пустыни Такла-Макан. Озеро Ханка с окрестными болотами действительно представляет собой впадину, и потому название Ханхай вполне ему соответствует.

Сплошные топи и болота на севере, западе и к югу от озера свидетельствуют о том, что раньше оно было значительно больше. Устье Лефу было где-нибудь около Халкидона, а может быть, и ещё южнее. Река Сунгача³³, вероятно, тоже не существовала, и озеро соединялось непосредственно с Уссури протокой. В настоящее время озеро Ханка выше уровня моря не более как на 50 метров. Средняя высота хребта, отделяющего Суйфунский³⁴ бассейн от озера, равняется 180 метрам. Этим объясняется обилие болот и топей по долинам рек внутреннего бассейна. Самый древний берег озера Ханка – западный. Здесь в обнажениях видна глина третичной формации. Самыми старыми посёлками на озере будут: Турий Рог и Камень-Рыболов. Ханка, как и все озера, через которые проходит река, находится в периоде обмеления.

Наибольшая глубина его равна 10 метрам. Этот медленный процесс заполнения озера песком и илом продолжается и теперь. Вследствие мелководья оно очень бурное. Небольшое волнение уже достигает дна, поэтому прибой создаётся не только у берегов, но и посредине.

Сделав нужные распоряжения, мы с Дерсу отправились в путь.

Мы полагали, что к вечеру возвратимся назад, и потому пошли налегке, оставив все лишнее на биваке. На всякий случай под тужурку я надел фуфайку, Дерсу захватил с собой полотнище палатки и две пары меховых чулок.

По дороге он часто посматривал на небо, что-то говорил с собой и затем обратился ко мне с вопросом:

---

³¹ Бай-мин-хэ – речка ста имён, т. е. река, на которой живут многие, китайская река (бо-мин, бан-мин – китайцы, весь народ).

³² Сунча-Ачан – вероятно, название маньчжурское, означающее «Пять связей» – пять сходящихся лучей, пять отрогов и т. д. Палладий – «Известия Русского географического о-ва», т. VII, с. 91.

³³ А. Мичи. Путешествие по Восточной Сибири, 1868, с. 339. Автор р. Сунгачу называет Зунгачан.

³⁴ Сунфунь – маньчжурское слово, означающее «шило». Название одного из маньчжурских народов, переселившихся на эту реку.

– Как, капитан, наша скоро назад ходи или нет? Моя думай, ночью будет худо. Я ответил ему, что до Ханки недалеко и что задерживаться мы там не будем.

Дерсу был сговорчив. Его всегда можно было легко уговорить. Он считал своим долгом предупредить об угрожающей опасности и, если видел, что его не слушают, покорялся, шёл молча и никогда не спорил.

– Хорошо, капитан, – сказал он мне в ответ. – Тебе сам посмотри, а моя как ладно, так и ладно.

Последняя фраза была обычной формой выражения им своего согласия.

Идти можно было только по берегам протоков и озерков, где почва была немного суше. Мы направились левым берегом той протоки, около которой был расположен наш бивак. Она долгое время шла в желательном для нас направлении, но потом вдруг круто повернула назад. Мы оставили её и, перейдя через болотце, вышли к другой узкой, но очень глубокой протоке. Перепрыгнув через неё, мы снова пошли камышами. Затем я помню, что ещё другая протока появилась у нас слева. Мы направились по правому её берегу. Заметив, что она погибает к югу, мы бросили её и некоторое время шли целиной, обходя лужи стоячей воды и прыгая на кочки. Так, вероятно, прошли мы километра три. Наконец я остановился, чтобы ориентироваться. Теперь ветер дул с севера, как раз со стороны озера. Тростник сильно качался и шумел. Порой ветер пригибал его к земле, и тогда являлась возможность разглядеть то, что было впереди. Северный горизонт был затянут какой-то мглой, похожей на дым. Сквозь тучи на небе неясно просвечивало солнце, и это казалось мне хорошим предзнаменованием. Наконец мы увидели озеро Ханка. Оно пенилось и бурлило.

Дерсу обратил моё внимание на птиц. Он заметил у них что-то такое, что стало его беспокоить. Это не был спокойный перелёт, это было торопливое бегство. Птица, как говорят охотники, шла валом и в беспорядке. Гуси летели низко, почти над самой землёй. Странный вид имели они, когда двигались нам навстречу и находились на линии зрения. В это время они были похожи на древних летучих ящеров. Ни ног, ни хвоста не было видно – виднелось что-то кургузое, махающее длинными крыльями и приближающееся с невероятной быстротой. Увидев нас, гуси сразу взмывали вверх, но, обойдя опасное место, опять выстраивались в прежний порядок и снова спускались к земле.

Около полудня мы с Дерсу дошли до озера. Грозный вид имело теперь пресное море. Вода в нём кипела, как в котле. После долгого пути по травяным болотам вид свободной водяной стихии доставлял большое удовольствие. Я сел на песок и стал глядеть в воду. Что-то особенно привлекательное есть в прибое. Можно целыми часами смотреть, как бьётся вода о берег.

Озеро было пустынным. Нигде ни одного паруса, ни одной лодки. Около часу мы бродили по берегу и стреляли птиц.

– Утка кончай ходи, – сказал Дерсу вслух. Действительно, перелёт птиц сразу прекратился. Чёрная мгла, которая дотоле была у горизонта, вдруг стала подыматься вверх. Солнца теперь уже совсем не было видно. По тёмному небу, покрытому тучами, точно вперегонки бежали отдельные белесоватые облака. Края их были разорваны и висели клочьями, словно грязная вата.

– Капитан, надо наша скоро ходи назад, – сказал Дерсу. – Моя маломало боится.

В самом деле, пора было подумать о возвращении на бивак. Мы переобулись и пошли обратно. Дойдя до зарослей, я остановился, чтобы в последний раз взглянуть на озеро. Точно разъярённый зверь на привязи, оно металось в своих берегах и вздымало вверх желтоватую пену.

– Вода прибавляй есть, – сказал Дерсу, осматривая протоку.

Он был прав. Сильный ветер гнал воду к устью Лефу, вследствие чего река вышла из берегов и понемногу стала затоплять равнину. Вскоре мы подошли к какой-то большой про-

токе, преграждавшей нам путь. Место это мне показалось незнакомым. Дерсу тоже не узнал его. Он остановился, подумал немного и пошёл влево. Протока стала заворачиваться и ушла куда-то в сторону. Мы оставили её и пошли напрямик к югу. Через несколько минут мы попали в топь и должны были возвратиться назад к протоке. Тогда мы повернули направо, наткнулись на новую протоку и перешли её вброд. Отсюда мы пошли на восток, но попали в трясину. В одном месте мы нашли сухую полоску земли. Как мост, тянулась она через болото. Ощупывая почву ногами, мы осторожно пробирались вперёд и, пройдя с полкилометра, очутились на сухом месте, густо заросшем травой. Топь теперь осталась позади.

Я взглянул на часы. Было около четырёх часов пополудни, а казалось, как будто наступили уже сумерки. Тяжёлые тучи опустились ниже и быстро неслись к югу. По моим соображениям, до реки оставалось не более двух с половиной километров. Одинокая сопка вдали, против которой был наш бивак, служила нам ориентировочным пунктом. Заблудиться мы не могли, могли только запоздать. Вдруг совершенно неожиданно перед нами очутилось довольно большое озеро. Мы решили обойти. Но оно оказалось длинным. Тогда мы пошли влево. Шагов через полтораста перед нами появилась новая протока, идущая к озеру под прямым углом. Мы бросились в другую сторону и вскоре опять подошли к тому же зыбучему болоту. Тогда я решил ещё раз попытаться счастья в правой стороне. Скоро под ногами стала хлюпать вода; дальше виднелись большие лужи. Стало ясно, что мы заблудились. Дело принимало серьёзный оборот. Я предложил гольду вернуться назад и разыскать тот перешеек, который привёл нас на этот остров. Дерсу согласился. Мы пошли обратно, но вторично его найти уже не могли.

Вдруг ветер сразу упал. Издали донёсся до нас шум озера Ханка. Начало смеркаться, и одновременно с тем в воздухе закружилось несколько снежинок. Штиль продолжался несколько минут, и вслед за тем налетел вихрь. Снег пошёл сильнее.

«Придётся ночевать», – подумал я и вдруг вспомнил, что на этом острове нет дров: ни единого деревца, ни единого кустика, ничего, кроме воды и травы. Я испугался.

– Что будем делать? – спросил я Дерсу.

– Моя шибко боится, – отвечал он.

Тут я только понял весь ужас нашего положения. Ночью во время пурги нам приходилось оставаться среди болот без огня и тёплой одежды. Единственная моя надежда была на Дерсу. В нём одном я видел своё спасение.

– Слушай, капитан! – сказал он. – Хорошо слушай! Надо наша скоро работай. Хорошо работай нету – наша пропал. Надо скоро резать траву.

Я не спрашивал его, зачем это было нужно. Для меня было только одно понятно – «надо скорее резать траву». Мы быстро сняли с себя все снаряжение и с лихорадочной поспешностью принялись за работу. Пока я собирал такую охапку травы, что её можно было взять в одну руку, Дерсу успевал нарезать столько, что еле обхватывал двумя руками. Ветер дул порывами и с такой силой, что стоять на ногах было почти невозможно. Моя одежда стала смерзаться. Едва успевали мы положить на землю срезанную траву, как сверху её тотчас заносило снегом. В некоторых местах Дерсу не велел резать траву. Он очень сердился, когда я его не слушал.

– Тебе понимай нету! – кричал он. – Тебе надо слушай и работай. Моя понимай.

Дерсу взял ремни от ружей, взял свой пояс, у меня в кармане нашлась верёвочка. Всё это он свернул и сунул к себе за пазуху. Становилось всё темнее и холоднее. Благодаря выпавшему снегу можно было кое-что рассмотреть на земле. Дерсу двигался с поразительной энергией. Как только я прекращал работу, он кричал мне, что надо торопиться. В голосе его слышались нотки страха и негодования. Тогда я снова брался за нож и работал до изнеможения. На рубашку мне навалилось много снега. Он стал таять, и я почувствовал, как

холодные струйки воды потекли по спине. Я думаю, мы собирали траву более часа. Пронзительный ветер и колючий снег нестерпимо резали лицо. У меня озябли руки. Я стал согревать их дыханием и в это время обронил нож. Заметив, что я перестал работать, Дерсу вновь крикнул мне:

– Капитан, работай! Моя шибко боится! Скоро совсем пропади!

Я сказал, что потерял нож.

– Рви траву руками, – крикнул он, стараясь пересилить шум ветра. Автоматически, почти бессознательно я ломал камыши, порезал руки, но боялся оставить работу и продолжал рвать траву до тех пор, пока окончательно не обессилел. В глазах у меня стали ходить круги, зубы стучали, как в лихорадке. Намокшая одежда коробилась и трещала. На меня напала дремота. «Так вот замерзают», – мелькнуло у меня в голове, и вслед за тем я впал в какое-то забытье. Сколько времени продолжалось это обморочное состояние – я не знаю. Вдруг я почувствовал, что меня кто-то трясёт за плечо. Я очнулся. Надо мной, наклонившись, стоял Дерсу.

– Становись на колени, – сказал он мне.

Я повиновался и упёрся руками в землю. Дерсу накрыл меня своей палаткой, а затем сверху стал заваливать травой. Сразу стало теплее. Закапала вода. Дерсу долго ходил вокруг, подгребал снег и утаптывал его ногами.

Я стал согреваться и затем впал в тяжёлое дремотное состояние. Вдруг я услышал голос Дерсу:

– Капитан, подвинься!

Я сделал над собой усилие и прижался в сторону. Гольд вполз под палатку, лёг рядом со мной и стал покрывать нас обоих своей кожаной курткой. Я протянул руку и нащупал на ногах у себя знакомую мне меховую обувь.

– Спасибо, Дерсу, – говорил я ему. – Покрывайся сам.

– Ничего, ничего, капитан, – отвечал он. – Теперь бояться не надо. Моя крепко трава вязки. Ветер ломай не могу.

Чем больше засыпало нас снегом, тем теплее становилось в нашем импровизированном шалаше. Капанье сверху прекратилось. Снаружи доносилось завывание ветра. Точно где-то гудели гудки, звонили в колокола и отпевали покойников. Потом мне стали грезиться какие-то пляски, куда-то я медленно падал, всё ниже и ниже, и наконец погрузился в долгий и глубокий сон... Так, вероятно, мы проспали часов двенадцать.

Когда я проснулся, было темно и тихо. Вдруг я заметил, что лежу один.

– Дерсу! – крикнул я испуганно.

– Медведи! – услышал я голос его снаружи. – Медведи! Вылезай. Надо своя берлога ходи, как чужой берлога долго спи.

Я поспешно вылез наружу и невольно закрыл глаза рукой. Кругом все белело от снега. Воздух был свежий, прозрачный. Морозило. По небу плыли разорванные облака; кое-где виднелось синее небо. Хотя кругом было ещё хмуро и сумрачно, но уже чувствовалось, что скоро выглянет солнце. Прибитая снегом трава лежала полосами. Дерсу собрал немного сухой ветоши, развёл небольшой огонёк и сушил на нём мои бутки.

Теперь я понял, почему Дерсу в некоторых местах не велел резать траву. Он скрутил её и при помощи ремней и верёвок перетянул поверх шалаша, чтобы его не разметало ветром. Первое, что я сделал, – поблагодарил Дерсу за спасение.

– Наша вместе ходи, вместе работай. Спасибо не надо.

И, как бы желая перевести разговор на другую тему, он сказал:

– Сегодня ночью много люди пропади.

Я понял, что «люди», о которых говорил Дерсу, были пернатые.

После этого мы разобрали травяной шатёр, взяли свои ружья и пошли искать перешеек. Оказалось, что наш бивак был очень близко от него. Перейдя через болото, мы прошли немного по направлению к озеру Ханка, а потом свернули на восток к реке Лефу.

После пурги степь казалась безжизненной и пустынной. Гуси, утки, чайки, крохали – все куда-то исчезли. По буро-жёлтому фону большими пятнами белели болота, покрытые снегом. Идти было славно, мокрая земля подмёрзла и выдерживала тяжесть ноги человека. Скоро мы вышли на реку и через час были на биваке.

Олентьев и Марченко не беспокоились о нас. Они думали, что около озера Ханка мы нашли жильё и остались там ночевать. Я переобулся напился чаю, лёг у костра и крепко заснул. Мне грезилось, что я опять попал в болото и кругом бушует снежная буря. Я вскрикнул и сбросил с себя одеяло. Был вечер. На небе горели яркие звёзды; длинной полосой протянулся Млечный Путь. Поднявшийся ночью ветер раздувал пламя костра и разносил искры по полю. По другую сторону огня спал Дерсу.

На другой день утром ударил крепкий мороз. Вода всюду замёрзла, по реке шла шуга. Переправа через протоки Лефу отняла у нас целый день. Мы часто попадали в слепые рукава и должны были возвращаться назад. Пройдя километра два нашей протокой, мы свернули в соседнюю – узкую и извилистую. Там, где она соединялась с главным руслом, высилась отдельная коническая сопка, покрытая порослью дубняка. Здесь мы и заночевали. Это был последний наш бивак. Отсюда следовало идти походным порядком в Черниговку, где нас ожидали остальные стрелки с конями. Уходя с бивака, Дерсу просил Олентьева помочь ему вытащить лодку на берег. Он старательно очистил её от песка и обтёр травой, затем перевернул вверх дном и поставил на катки. Я уже знал, что это делается для того, чтобы какой-нибудь «люди» мог в случае нужды ею воспользоваться.

Утром мы распрощались с Лефу и в тот же день после полудня пришли в деревню Дмитровку, расположенную по ту сторону Уссурийской железной дороги. Переходя через полотно дороги, Дерсу остановился, потрогал рельсы рукой, посмотрел в обе стороны и сказал:

– Гм! Моя это слышал. Кругом люди говорили. Теперь понимай есть.

В деревне мы встали по квартирам, но гольд не хотел идти в избу и, по обыкновению, остался ночевать под открытым небом. Вечером я соскучился по нём и пошёл его искать.

Ночь была хотя и тёмная, но благодаря выпавшему снегу можно было кое-что рассмотреть. Во всех избах топились печи. Беловатый дым струйками выходил из труб и спокойно подымался кверху. Вся деревня курилась. Из окон домов свет выходил на улицу и освещал сугробы. В другой стороне, «на задах», около ручья, виднелся огонь. Я догадался, что это бивак Дерсу, и направился прямо туда. Гольд сидел у костра и о чём-то думал.

– Пойдём в избу чай пить, – сказал я ему.

Он не ответил мне и в свою очередь задал вопрос:

– Куда завтра ходи?

Я ответил, что пойдём в Черниговку, а оттуда – во Владивосток, и стал приглашать его с собой. Я обещал в скором времени опять пойти в тайгу, предлагал жалованье... Мы оба задумались. Не знаю, что думал он, но я почувствовал, что в сердце моё закралась тоска. Я стал снова рассказывать ему про удобства и преимущества жизни в городе. Дерсу слушал молча. Наконец он вздохнул и проговорил:

– Нет, спасибо, капитан. Моя Владивосток не могу ходи. Чего моя там работай? Охота ходи нету, соболя гоняй тоже не могу, город живи – моя скоро пропади.

«В самом деле, – подумал я, – житель лесов не выживет в городе, и не делаю ли я худо, что сбиваю его с того пути, на который он встал с детства?»

Дерсу замолчал. Он, видимо, обдумывал, что делать ему дальше. Потом, как бы отвечая на свои мысли, сказал:

– Завтра моя прямо ходи. – Он указал рукой на восток. – Четыре солнца ходи, Даубихе найди есть, потом Улахе ходи, потом – Фудзин, Дзуб-Гын³⁵ и море. Моя слышал, там на морской стороне чего-чего много: соболь есть, олень тоже есть.

Долго мы ещё с ним сидели у огня и разговаривали. Ночь была тихая и морозная. Изредка набегающий ветерок чуть-чуть шелестел дубовой листвой, ещё не опавшей на землю. В деревне давно уже все спали, только в том доме, где поместился я со своими спутниками, светился огонёк. Созвездие Ориона показывало полночь. Наконец я встал, попрощался с гольдом, пошёл к себе в избу и лёг спать. Какая-то неприятная тоска овладела мной. За это короткое время я успел привязаться к Дерсу. Теперь мне жаль было с ним расставаться. С этими мыслями я и задремал.

На следующее утро первое, что я вспомнил, – это то, что Дерсу должен уйти от нас. Напившись чаю, я поблагодарил хозяев и вышел на улицу.

Стрелки были уже готовы к выступлению. Дерсу был тоже с нами.

С первого же взгляда я увидел, что он снаряжился в далёкий путь. Котомка его была плотно уложена, пояс затянут, унты хорошо надеты.

Отойдя от Дмитровки с километр, Дерсу остановился. Настал тяжёлый момент расставания.

– Прощай, Дерсу, – сказал я ему, пожимая руку. – Дай бог тебе всего хорошего. Я никогда не забуду того, что ты для меня сделал. Прощай! Быть может, когда-нибудь увидимся.

Дерсу попрощался со стрелками, затем кивнул мне головой и пошёл в кусты налево. Мы остались на месте и смотрели ему вслед. В двухстах метрах от нас высилась небольшая горка, поросшая мелким кустарником. Минут через пять он дошёл до неё. На светлом фоне неба отчётливо вырисовывалась его фигура с котомкой за плечами, с сошками и с ружьём в руках. В этот момент яркое солнце взошло из-за гор и осветило гольда. Поднявшись на гривку, он остановился, повернулся к нам лицом, помахал рукой и скрылся за гребнем. Словно что оторвалось у меня в груди. Я почувствовал, что потерял близкого мне человека.

– Хороший он человек, – сказал Марченко.

– Да, таких людей мало, – ответил ему Олентьев.

«Прощай, Дерсу, – подумал я. – Ты спас мне жизнь. Я никогда не забуду этого».

В сумерки мы дошли до Черниговки и присоединились к отряду. Вечером в тот же день я выехал во Владивосток, к месту своей постоянной службы.

---

³⁵ Так гольды называют Сихотэ-Алинь.

Глава 7. Сборы в дорогу и снаряжение экспедиции (1906 год)

Прошло четыре года. За это время произошли некоторые перемены в моём служебном положении. Я переехал в Хабаровск, где Приамурский отдел Русского географического общества предложил мне организовать экспедицию для обследования хребта Сихотэ-Алинь и береговой полосы в Уссурийском крае: от залива Ольги на север, насколько позволит время, а также верховьев рек Уссури и Имана. Моими помощниками были назначены Гранатман, Анофриев и Мерзляков. Кроме того, в состав экспедиционного отряда вошли шесть сибирских стрелков (Дьяков, Егоров, Загурский, Мелян, Туртыгин, Бочкарёв) и четыре уссурийских казака (Белоножкин, Эпов, Мурзин, Кожевников).

Кроме лиц, перечисленных в приказе, в экспедиции приняли ещё участие: бывший в это время начальником штаба округа генерал-лейтенант П. К. Рутковский и в качестве флориста – лесничий Н. А. Пальчевский. Цель экспедиции – естественно-историческая. Маршруты были намечены по рекам Уссури, Улахе и Фудзину по десятиверстной и в прибрежном районе – по сорокавёрстным картам издания 1889 года.

В то время все сведения о центральной части Сихотэ-Алиня были крайне скудны и не заходили за пределы случайных рекогносцировок. Что же касается побережья моря к северу от залива Ольги, то о нём имелись лишь отрывочные сведения от морских офицеров, посещавших эти места для промеров бухт и заливов.

Наши сборы в экспедицию начались в половине марта и длились около двух месяцев. Мне предоставлено было право выбора стрелков из всех частей округа, кроме войск инженерных и крепостной артиллерии. Благодаря этому в экспедиционный отряд попали лучшие люди, преимущественно сибиряки Тобольской и Енисейской губерний. Правда, это был народ немного угрюмый и малообщительный, но зато с детства привыкший переносить всякие невзгоды.

В путешествие просилось много людей. Я записывал всех, а затем наводил справки у ротных командиров и исключал жителей городов и занимавшихся торговлей. В конце концов в отряде остались только охотники и рыболовы. При выборе обращалось внимание на то, чтобы все умели плавать и знали какое-нибудь ремесло.

Кроме стрелков, в экспедицию всегда просится много посторонних лиц. Все эти «господа» представляют себе путешествие как лёгкую и весёлую прогулку. Они никак не могут понять, что это тяжёлый труд. В их представлении рисуются: караваны, палатки, костры, хороший обед и отличная погода.

Но они забывают про дожди, гнус³⁶, голодовки и множество других лишений, которым постоянно подвергается всякий путешественник, как только он минует селения и углубится в лесную пустыню.

Собираются ехать всегда многие, а выезжают на сборный пункт два или три человека. Уже накануне отъезда начинаешь получать письма примерно такого содержания: «Вследствие изменившихся обстоятельств ехать не могу. Желаю счастливого пути...» и т. д. На сборном пункте получаешь такие же телеграммы. Наконец прибывают двое. Один из них имеет вид воскресшего охотника, другой – скромный, серьёзный, ко всему присматривающийся. Первый много говорит, все зло критикует и с видом бывалого человека гордо едет впереди отряда, едет до тех пор, пока не надоест ему безделье и пока погода благоприятствует. Но лишь только спрыснет дождь или появятся комары, он тотчас поворачивает назад,

³⁶ Так сибиряки называют комаров и мошек.

проклиная тот день и час, когда задумал идти в путешествие. Второй участник экспедиции, которого я назвал «скромный», идёт молча и работает. К нему вскоре все привыкают. Такие люди всегда оставляют по себе хорошие воспоминания. Так было и в данном случае: собирались ехать многие, а поехали только те, кто был перечислен выше.

Теперь необходимо сказать несколько слов о том, как был организован вьючный обоз экспедиции. В отряде было двенадцать лошадей. Очень важно, чтобы люди изучили коней и чтобы лошади, в свою очередь, привыкли к людям. Заблаговременно надо познакомить стрелков с уходом за лошадей, познакомить с седловкой и с конским снаряжением, надо приучить лошадей к носке вьюков и т. д. Для этого команда собрана была дней за тридцать до похода.

Вьючные седла с нагрудниками и шлеями были хорошо пригнаны к лошадям и приспособлены как для перевозки тяжестей, так и для верховой езды. Впрочем, все участники экспедиции шли пешком, и лошадьми никто не пользовался. Особое внимание было обращено на седельные ленчики. Дужки их были сделаны высокими, полочки правильно разогнутыми и потники из лучшего войлока – толстые и мягкие. В таких случаях никогда не надо скупиться на расходы. Надо помнить, что раз упущено на месте сборов, того уже нельзя будет исправить в дороге. Крепкие недоуздки с железными кольцами, торбы и путы, ковочный инструмент и гвозди, запас подков (по три пары на каждого коня) и колокольчик для передовой лошади, которая на пастбище водит весь табун за собой, дополняли конское снаряжение. Кроме того, для каждой лошади были сшиты головные покрывала с наушниками. Без этих приспособлений кони сильно страдают от мошки. Она набивается в уши и разъедает их до крови.

Вьюками были брезентовые мешки и походные ящики, обитые кожей и окрашенные масляной краской. Такие ящики удобно переносимы на конских вьюках, помещаются хорошо в лодках и на нартах. Они служили нам и для сидений и столами. Если не мешать имуществу в ящиках и не перекидывать его с одного места на другое, то очень скоро запоминаешь, где что лежит, и в случае нужды рассёдлываешь ту лошадь, которая несёт искомый груз.

Из животных, кроме лошадей, в отряде ещё были две собаки: одна моя – Альпа, другая командная – Леший, крупная зверовая, по складу и по окраске напоминающая волка.

Научное снаряжение экспедиции состояло из следующих инструментов³⁷: буссоли Шмалькальдера, шагомера, секундомера, двух барометров-анероидов, гипсотермометров, термометров для измерения температуры воздуха и воды, анемометра, геологического молотка, горного компаса, рулетки, фотографического аппарата, тетрадей, карандашей и бумаги. Затем были ящики для собирания насекомых, препарировочные инструменты, пресс, бумага для сушки растений, банки с формалином и т. д.

Кроме упомянутых инструментов, в отряде набралось ещё много походного инвентаря, как-то: котлы, чайники, топоры, поперечная пила, сапёрная лопата, паяльник, струг, напильники и пр.

Все стрелки были вооружены трёхлинейными винтовками (без штыков) кавалерийского образца, приспособленными для носки на ремне. На каждого было взято по 300 патронов, из которых по 50 патронов находилось при себе, остальные были отправлены на питательные базы, устроенные на берегу моря. Кроме этого оружия, в экспедиции были две винтовки системы Маузера и Винчестера, малокалиберное ружьё Франкота и двухствольный дробовик Зауэра.

---

³⁷ Большая часть их была дана из Военно-топографического отдела, и только некоторые из них составляли собственность начальника экспедиции.

Снаряжение стрелков состояло из следующих предметов: финские ножи, патронташи, носившиеся вместо поясов, кручёные верёвки длиной в 2 метра с кольцами и небольшие кожаные сумки для разной мелочи (иголки, нитки, крючки, гвозди и т. д.). Холщовые мешки с бельём стрелки приспособили для носки на спине, сообразно чему перешили лямки. Вес выюка каждого участника экспедиции равнялся 12–15 килограммам. Летняя одежда стрелков состояла из рубах и шаровар защитного цвета и лёгких фуражек. Нарукавники, стягивающие рукава около кистей рук, летом служили для защиты от комаров и мошек, а зимой для того, чтобы холодный ветер не задувал под одежду. Вместо сапог были сшиты унты по туземному образцу. Эта обувь оказалась наиболее пригодной. Правда, она скоро промокала, но зато скоро и высыхала. Ноги от колена до ступни обматывались суконными лентами. Сначала это не ладилось, ленты спадали с ног, закатанные туго – давили икры, но потом сукно вытянулось, люди приспособились и уже всю дорогу шли не оправляясь. На зиму были запасены шинели, тёплые куртки, фуфайки, шаровары, шитые из верблюжьего сукна, шерстяные чулки, башлыки, рукавицы и папахи. Зимняя обувь – те же унты, только большего размера, для того чтобы можно было набивать их сухой травой и надевать на тёплую портянку.

Из опыта прежних лет выяснилось, что только тогда можно хорошо работать, когда ночью выспишься как следует. Днём от комаров ещё можно найти защиту, но вечером от мелких мошек уже нет спасения. Эти отвратительные насекомые всю ночь не дают сомкнуть глаз. Люди нервничают и с нетерпением ждут рассвета. Единственной защитой является комарник; он сшивается из белой дрели, через которую воздух легко проникает. Он устроен таким образом, что когда в нём вставляли поперечные распорки и за кольца привязывали к деревьям, то получалось нечто вроде футляра, в котором можно было лежать, сидеть и работать. На случай дождя над комарником растягивался тент в виде двускатной крыши. Вместо постели у каждого имелись тонкие войлоки, обшитые с одной стороны непромокаемым брезентом, под которые подвёртывались края пологов. Таким образом, комарники спасали людей от дождя, от холодного ветра и от докучливых насекомых. Участники экспедиции, ведшие научные работы, имели каждый по особому комарнику, а стрелки по одному на два человека, для чего их пологи шились больше размерами. Осенью, с исчезновением насекомых, когда ночи делаются холоднее, из комарников ставятся односкатные палатки. Перед ними раскладываются длинные костры, дающие много тепла и света.

Теперь относительно продовольствия. Общий запас его был рассчитан на шесть месяцев и состоял из муки, галет, риса, чумизы, экспортного масла, сухой прессованной зелени, соли, перца, горохового порошка, клюквенного экстракта, сахара и чая. Ящики с продовольствием были отправлены на питательные базы заблаговременно и выгружены при устьях рек Тадушу, Тютихе, в заливе Джигит и в бухте Терней. Там, где поблизости жили люди, ящики оставили близ их жилья, там же, где берег был пустынный, их просто сложили в кучу и прикрыли брезентом, обозначив место вехой.

Хлебные сухари брались только в сухое время года, осенью и зимой. Летом они жадно впитывают в себя влагу из воздуха, и чем больше их прикрывать брезентами, тем скорее они портятся. То же самое и мясной порошок. Через двадцать четыре часа после вскрытия банки он уже слипается в комки, а ещё через сутки начинает цвести и издавать запах. Мы сушили мясо тонкими ломтями. Правда, оно занимало много места и это не спасало его от плесени, но всё же его можно было употреблять в пищу. Перед тем как класть мясо в котёл, его надо опалить на огне; тогда плесень сгорает и мясо становится мягким и съедобным. Сухой яичный белок и шоколад, предназначенные на случай голодовок, везлись как неприкосновенный запас в особых цинковых коробках. Гораздо легче сохранять белую муку. Для этого следует кулёк с мукой снаружи смочить. Вода, проникшая сквозь холст, смешивается с мукой и образует слой теста в палец толщиной. Таким образом получается корка, совер-

шенно непроницаемая для сырости; вместе с тем мешок становится твёрдым и не рвётся в дороге.

В отряде имелась хорошо подобранная походная аптечка, набор хирургических инструментов (бритва, ножницы, пинцеты, ланцеты, иглы, шёлк, иглодержатель, ушной баллон, глазная ванночка, шприц Праватца) и значительное количество перевязочного материала 14 мая всё было готово, 15-го числа была отправлена по железной дороге команда с лошадьми, а 16-го выехали из Хабаровска и все остальные участники экспедиции. Сборным пунктом была назначена станция Шмаковка, находящаяся несколько южнее того места, где железная дорога пересекает реку Уссури.

К путешественнику предъявляются следующие требования: он должен уметь организовать экспедицию и исполнить все подготовительные работы на месте ещё задолго до выступления; должен уметь собрать коллекции; уметь вести дневник; знать, на что обратить внимание: отличить ценное от рухляди; уметь доставить коллекции и обработать собранные материалы.

Что значит путешествие, в чём заключается работа исследователя? К сожалению, для этого какого-нибудь катехизиса дать нельзя. Многое зависит от личности самого путешественника и от того, насколько он подготовлен к такого рода деятельности.

Первый период, период подготовительный, для нас прошёл. Теперь на очереди было само путешествие. Накануне отъезда всегда много забот и хлопот. Надо всё обдумать, вспомнить, не забыли ли что-нибудь, надо послать телеграммы, уложить свои вещи, известить то или иное лицо по телефону и т. д. Целый день бегаешь по городу, являешься к начальнику и делаешь последние распоряжения. Вечер уходит на писание писем. Ночью почти не спишь. Всё время беспокоит одна и та же мысль: все ли сделано и все ли взято. На другой день чуть свет вы уже на ногах. Последние ваши хлопоты на вокзале около кассы. Наконец ударил станционный колокол, раздался свисток, и поезд тронулся. В эту минуту чувствуешь, как какая-то невероятная тяжесть свалилась с плеч. Все беспокойства остались позади. Сознание, что ровно год будешь вне сферы канцелярских влияний и ровно год тебя не будут беспокоить предписаниями и телефонами, создаёт душевное равновесие. Чувствуешь себя свободным; за работу принимаешься с удовольствием и сам себе удивляешься, откуда берётся энергия.

Мы имели отдельный вагон, прицепленный к концу поезда. Нас никто не стеснял, и мы расположились как дома. День мы провели в дружеской беседе, рассматривали карты и строили планы на будущее.

Погода была пасмурная. Дождь шёл не переставая. По обе стороны полотна железной дороги тянулись большие кочковатые болота, залитые водой и окаймлённые чахлой растительностью. В окнах мелькали отдельные деревья, телеграфные столбы, выемки. Всё это было однообразно. День тянулся долго, тоскливо. Наконец стало смеркаться. В вагоне зажгли свечи.

Утомлённые хлопотами последних дней, убаюкиваемые покачиванием вагона и ритмическим стуком колёс, все очень скоро уснули.

На другой день мы доехали до станции Шмаковка. Отсюда должно было начаться путешествие. Ночью дождь перестал, и погода немного разгулялась. Солнце ярко светило. Смоченная водой листва блестела, как лакированная. От земли подымался пар... Стрелки встретили нас и указали нам квартиру.

Остаток дня прошёл в разборке имущества и в укладке вьюков. Следующий день, 18 мая, был дан стрелкам в их распоряжение. Они переделывали себе унты, шили наколенники, готовили патронташи – вообще последний раз снаряжали себя в дорогу. Вначале сразу всего не доглядишь. Личный опыт в таких случаях – прежде всего. Важно, чтобы в главном не было упущений, а мелочи сами сгладятся.

Пользуясь свободным временем, мы вместе с П. К. Рутковским пошли осматривать окрестности.

В этом месте течение реки Уссури чрезвычайно извилистое. Если её вытянуть на карте, она, вероятно, заняла бы вдвое более места. Нельзя сказать, чтобы река имела много притоков: кружевной вид ей придают излучины.

Почти все реки Уссурийского края имеют течение довольно прямое до тех пор, пока текут по продольным межкладочным долинам. Но как только они выходят из гор на низины, начинают делать меандры³⁸. Тем более это удивительно, что состав берегов всюду один и тот же: под дёрном лежит небольшой слой чернозёма, ниже – супесок, а ещё ниже – толщи ила вперемежку с галькой. Я думаю, это можно объяснить так: пока река течёт в горах, она может уклоняться в сторону только до известных пределов. Благодаря крутому падению тальвега³⁹ вода в реке движется быстро, смывает всё, что попадает ей на пути, и выпрямляет течение. Река действует в одно и то же время и как пила и как напильник. Совсем иное дело на равнине. Здесь быстрота течения значительно уменьшается, глубина становится ровнее, берега однообразнее. При этих условиях немного нужно, чтобы заставить реку изменить направление, например случайное скопление в одном месте глины или гальки, тогда как рядом находятся рыхлые пески. Вот почему такие «кривуны» непостоянны: после каждого наводнения они изменяются, река образует новые колена и заносит песком место своего прежнего течения. Очень часто входы в старые русла закупориваются, образуются длинные слепые рукава, как в данном случае мы видим это на Уссури. Среди наносов реки много глины. Этим объясняется заболоченность долины.

Лето 1906 года было дождливое. Всюду по низинам стояла вода, и если бы не деревья, торчащие из луж, их можно было бы принять за озера. От посёлка Нижне-Михайловского до речки Кабарги болота тянутся с правой стороны Уссури, а выше к селу Нижне-Романовскому (Успенка) – с той и другой стороны, но больше с левой. Здесь посреди равнины поднимаются две сопки со старыми тригонометрическими знаками: северная (высотой в 370 метров), называемая Медвежьей горой, и южная (в 250 метров), имеющая китайское название Хандо-Динза-Сычо⁴⁰. Между этими сопками находятся минеральные Шмаковские ключи. На северо-востоке гора Медвежья раньше, видимо, соединялась с хребтом Тырыдинза⁴¹, но впоследствии их разобщила Уссури.

Среди уссурийских болот есть много релок⁴² с хорошей, плодородной землёй, которыми и воспользовались крестьяне для распахивания. В пяти километрах от реки на восток начинаются горы. Лет десять тому назад они были покрыты лесами, от которых ныне не осталось и следов. Ту древесную растительность, которую мы видим теперь в долине Уссури, лесом назвать нельзя. Эта жалкая поросль состоит главным образом из липы, чёрной и белой берёзы и растущих полукустарниками ольхи, ивняка и, наконец, раскидистого кустарника, похожего на леспедуцу.

Почерневшие стволы деревьев, обуглившиеся пни и отсутствие молодняка указывают на частые палы. Около железной дороги и быть иначе не может.

Цветковые растения растут такой однообразной массой, что кажется, будто здесь вовсе нет онкологических сообществ.

То встречаются целые площади, покрытые только одной полыньёю, то белым ползучим клевером, то тростниками, то ирисом, ландышами и т. д.

---

³⁸ Изгибы реки.

³⁹ Самые низкие места, по которым сбегает вода.

⁴⁰ Хань-дэ-динь-цзы-сы – вершина с кумирней. Хань-дэ (китайской добродетели).

⁴¹ Ди-эр-динь-цзы – вторая вершина.

⁴² Релка – сухая, несколько возвышающаяся местность, окружённая болотистой равниной. (Примеч. ред.)

Благодаря тому, что кругом было очень сыро, релки сделались местом пристанища для различного рода мелких животных. На одной из них я видел двух ужей и одну копьеголовую ядовитую змею. На другой релке, точно сговорившись, собрались грызуны и насекомоядные: красные полёвки, мышки-экономки и уссурийские землеройки.

В стороне от дороги находился большой водоём. Около него сидело несколько серых скворцов. Эти крикливые птицы были теперь молчаливы; они садились в лужу и купались, стараясь крылышками обдать себя водой. Вблизи возделанных полей встречались ошейниковые овсянки. Они прыгали по тропе и близко допускали к себе человека, но, когда подбегали к ним собаки, с шумом поднимались с земли и садились на ближайшие кусты и деревья. На опушке леса я увидел ещё какую-то маленькую серенькую птицу. П. К. Рутковский убил её из ружья. Это оказалась восточноазиатская совка, та самая, которую китайцы называют «ли-у» и которая якобы уводит искателей женьшеня от того места, где скрывается дорогой корень.

Несколько голубовато-серых амурских кобчиков гонялись за насекомыми, делая в воздухе резкие повороты. Некоторые птицы сидели на кочках и равнодушно посматривали на людей, проходивших мимо них.

Когда мы возвратились на станцию, был уже вечер. В тёплом весеннем воздухе стоял неумолкаемый гомон. Со стороны болот неслись лягушечьи концерты, в деревне лаяли собаки, где-то в поле звенел колокольчик.

Завтра в поход. Что-то ожидает нас впереди?

Работа между участниками экспедиции распределялась следующим образом. На Г. И. Гранатмана было возложено заведование хозяйством и фуражное довольствие лошадей. А. И. Мерзлякову давались отдельные поручения в сторону от главного пути. Этнографические исследования и маршрутные съёмки я взял на себя, а Н. А. Пальчевский направился прямо в залив Ольги, где в ожидании отряда решил заняться сбором растений, а затем уже присоединиться к экспедиции и следовать с ней дальше по побережью моря.

Самый порядок дня в походе распределялся следующим образом. Очередной артельщик, выбранный сроком на две недели, вставал раньше других. Он варил какую-нибудь кашу, грел чай и, когда завтрак был готов, будил остальных людей. На утренние сборы уходило около часа. Приблизительно между семью и восемью часами мы выступали в поход. Около полудня делался большой привал. Лошадей развьючивали и пускали на подножный корм. Горячая пища варилась два раза в сутки, утром и вечером, а днём на привалах пили чай с сухарями или ели мучные лепёшки, испечённые накануне. В час дня выступали дальше и шли примерно часов до четырёх.

За день мы успевали пройти от 15 до 25 километров, смотря по местности, погоде и той работе, которая производилась в пути. Место для бивака всегда выбирали где-нибудь около речки. Пока варился обед и ставили палатки, я успевал вычертить свой маршрут. В это время товарищи сушили растения, препарировали птиц, укладывали насекомых в ящики и нумеровали геологический материал. Часов в пять обедали и ужинали в одно и то же время. После этого с ружьём в руках я уходил экскурсировать по окрестностям и заходил иногда так далеко, что не всегда успевал возвратиться назад к сумеркам. Темнота застигала меня в дороге, и эти переходы в лунную ночь по лесу оставили по себе неизгладимые воспоминания. Часов в девять вечера последний раз мы пили чай, затем стрелки занимались своими делами: чистили ружья, починяли одежду и обувь, исправляли седла... В это время я заносил в дневник свои наблюдения.

Во время путешествия скучать не приходится. За день так уходишься, что еле-еле дотащишься до бивака. Палатка, костёр и тёплое одеяло кажутся тогда лучшими благами, какие только даны людям на земле; никакая городская гостиница не может сравниться с ними.

Выпьешь поскорее горячего чаю, залезешь в свой спальный мешок и уснёшь таким сном, каким спят только усталые.

В походе мы были ежедневно. Днёвки были только случайные: например, заболела лошадь, сломалось седло и т. д. Если окрестности были интересны, мы останавливались в этом месте на двое суток, а то и более. Из опыта выяснилось, что во время сильных дождей быть в дороге невыгодно, потому что пройти удаётся немного, люди и лошади скоро устают, седла портятся, планшет мокнет и т. д. В результате выходит так, что в ненастье идёшь, а в солнечный день сидишь в палатке, приводишь в порядок съёмки, доканчиваешь дневник, делаешь вычисления – одним словом, выполняешь ту работу, которую не успел сделать раньше.

В день выступления, 19 мая, мы все встали рано, но выступили поздно. Это вполне естественно. Первые сборы всегда затягиваются. Дальше в пути все привыкают к известному порядку, каждый знает своего коня, свой выюк, какие у него должны быть вещи, что сперва надо укладывать, что после, какие предметы бывают нужны в дороге и какие на биваке.

В первый день все участники экспедиции выступили бодрыми и весёлыми.

День был жаркий, солнечный. На небе не было ни одного облачка, но в воздухе чувствовался избыток влаги.

Грязная просёлочная дорога между селениями Шмаковкой и Успенкой пролегает по увалам горы Хандо-Динза-Сы. Все мосты на ней уничтожены весенними палами, и потому переправа через встречающиеся на пути речки, превратившиеся теперь в стремительные потоки, была делом далеко не лёгким.

На возвышенных местах характер растительности был тот же самый, что и около железной дороги. Это было редколесье из липы, дубняка и берёзы.

При окружающих пустырях редколесье это казалось уже густым лесом.

Часам к трём дня отряд наш стал подходить к реке Уссури. Опытный глаз сразу заметил бы, что это первый поход. Лошади сильно растянулись, с них то и дело съезжали седла, расстёгивались подпруги, люди часто останавливались и переобувались. Кому много приходилось путешествовать, тот знает, что это в порядке вещей. С каждым днём эти остановки делаются реже, постепенно всё налаживается, и дальнейшие передвижения происходят уже ровно и без заминок. Тут тоже нужен опыт каждого человека в отдельности.

Когда идёшь в далёкое путешествие, то никогда не надо в первые дни совершать больших переходов. Наоборот, надо идти понемногу и чаще давать отдых. Когда все приспособятся, то люди и лошади сами пойдут скорее и без понукания.

Вступление экспедиции в село Успенку для деревенской жизни было целым событием. Ребятишки побросали свои игры и высыпали за ворота: из окон выглядывали испуганные женские лица; крестьяне оставляли свои работы и подолгу смотрели на проходивший мимо них отряд.

Село Успенка расположено на высоких террасах с левой стороны реки Уссури. Основано оно в 1891 году и теперь имело около ста восьмидесяти дворов.

Было каникулярное время, и потому нас поместили в школе, лошадей оставили на дворе, а все имущество и седла сложили под навесом.

Вечером приходили крестьяне-старожилы. Они рассказывали о своей жизни в этих местах, говорили о дороге и давали советы.

На другой день мы продолжали свой путь. За деревней дорога привела нас к реке Уссури. Вся долина была затоплена водой. Возвышенные места казались островками. Среди этой массы воды русло реки отмечалось быстрым течением и деревьями, росшими по берегам её. При обыкновенном уровне река Уссури имеет около 200 метров ширины, около 4 метров глубины и быстроту течения в 1/2 километра в час. Сопровождавшие нас крестьяне

говорили, что во время наводнений сообщение с соседними деревнями по дороге совсем прекращается и тогда они пробираются к ним только на лодках.

Посоветовавшись, мы решили идти вверх по реке до такого места, где она идёт одним руслом, и там попробовать переправиться вплавь с конями.

С рассветом казалось, что день будет пасмурный и дождливый, но к десяти часам утра погода разгулялась. Тогда мы увидели то, что искали. Километрах в пяти от нас река собирала в себя все протоки. Множество сухих редок давало возможность подойти к ней вплотную. Но для этого надо было обойти болота и спуститься в долину около горы Кабарги.

Лошади уже отабунились, они не лягались и не кусали друг друга. В поводу надо было вести только первого коня, а прочие шли следом сами. Каждый из стрелков по очереди шёл сзади и подгонял тех лошадей, которые сворачивали в сторону или отставали.

Поравнявшись с горой Кабаргой, мы повернули на восток к фанзе Хаудиен⁴³, расположенной на другой стороне Уссури, около устья реки Ситухе. Перебираясь с одной редки на другую и обходя болотины, мы вскоре достигли леса, растущего на берегу реки. На наше счастье, в фанзе у китайцев оказалась лодка Она цедила, как решето, но всё же это была посудина, которая в значительной степени облегчала нашу переправу. Около часа было потрачено на её починку. Щели лодки мы кое-как законопатили, доски сбили гвоздями, а вместо уключин вбили деревянные колышки, к которым привязали верёвочные петли. Когда всё было готово, приступили к переправе. Сначала перевезли седла, потом переправили людей. Осталась очередь за конями. Сами лошади в воду идти не хотели, и надо было, чтобы кто-нибудь плыл вместе с ними. На это опасное дело вызвался казак Кожевников. Он разделся донага, сел верхом на наиболее ходового белого коня и смело вошёл в реку. Стрелки тотчас же всех остальных лошадей погнали за ним в воду. Как только лошадь Кожевникова потеряла дно под ногами, он тотчас же соскочил с неё и, ухватившись рукой за гриву, поплыл рядом. Вслед за ним поплыли и другие лошади. С берега видно было, как Кожевников ободрял коня и гладил рукой по шее. Лошади плыли фыркая, раздув ноздри и оскалив зубы. Несмотря на то что течение сносило их, они всё же подвигались вперёд довольно быстро.

Удастся ли Кожевникову выплыть с конями к намеченному месту?

Ниже росли кусты и деревья, берег становился обрывистым и был завален буреломом. Через десять минут его лошадь достала до дна ногами. Из воды появились её плечи, затем спина, круп и ноги. С гривы и хвоста вода текла ручьями. Казак тотчас же влез на коня и верхом выехал на берег.

Так как одни лошади были сильнее, другие слабее и плыли медленнее, то естественно, что весь табун растянулся по реке. Когда конь Кожевникова достиг противоположного берега, последняя лошадь была ещё на середине реки. Стало ясно, что её снесёт водой. Она напрягала все свои силы и держалась против воды, стараясь преодолеть течение, а течение увлекало её всё дальше и дальше. Кожевников видел это. Дождавшись остальных коней, он в карьер бросился вдоль берега вниз по течению. Выбрав место, где не было бурелома, казак сквозь кусты пробрался к реке, остановился в виду у плывущей лошади и начал её окликать; но шум реки заглушал его голос. Белый конь, на котором сидел Кожевников, насторожился и, высоко подняв голову, смотрел на воду. Вдруг громкое ржание пронеслось по реке. Плывущая лошадь услышала этот крик и начала менять направление. Через несколько минут она выходила на берег. Дав ей отдышаться, казак надел на неё недоуздок и повёл в табун. Тем временем лодка перевезла остальных людей и их грузы.

После переправы у фанзы Хаудиен экспедиция направилась вверх по реке Ситухе⁴⁴, стараясь обойти болота и поскорее выйти к горам.

---

⁴³ Хоу-дяиз – второй (задний) постоянный двор.

⁴⁴ Ши-тоу-хе – каменистая речка.

Река Ситухе течёт в широтном направлении. Она длиной около 50 километров. Большинство притоков её находится с левой стороны. Сама по себе Ситухе маленькая речка, но, не доходя 3 километров до Уссури, она превращается в широкий и глубокий канал.

Здесь происходит слияние реки Даубихе с рекой Улахе (44°58' северной широты, 133°34' восточной долготы от Гринвича – по Гамову). Отсюда начинается собственно река Уссури, которая на участке до реки Сунгачи принимает в себя справа две небольшие речки – Гирма-Биру и Курма-Биру.

Река Улахе течёт некоторое время в направлении от юга к северу. Истоки её находятся в горах Да-дянь-шань с перевалами на реки Сучан и Лефу. В верховьях она слагается из трёх рек: Тудагоу⁴⁵, Эрлдагоу⁴⁶ и Сандагоу⁴⁷, затем принимает в себя притоки: справа – Сыдагоу⁴⁸, Ханыхезу⁴⁹, Яньцзиньгоу⁵⁰, Чаутангоузу⁵¹, а слева – Хамахезу⁵², Даубихезу⁵³, Шитухе и Угьдынзу⁵⁴. Длинной Даубихе более 250 километров, глубиной 1,5–1,8 метра, при быстроте течения около 5 километров в час.

Река Улахе течёт некоторое время в направлении от юга к северу, но потом вдруг на высоте фанзы Линда-Пау круто поворачивает на запад. Здесь улахинская вода с такой силой вливается в даубихинскую, что прижимает её к левому берегу. Вследствие этого как раз против устья реки Улахе образовалась длинная заводь. Эта заводь и обе реки (Даубихе и Улахе) вместе с Уссури расположились таким образом, что получилась крестообразная фигура. Во время наводнения здесь скопляется много воды. Отсюда, собственно, и начинает затопляться долина Уссури. От того места, где Улахе поворачивает на запад, параллельно Уссури, среди болот, цепью друг за другом, тянется длинный ряд озерков, кончающихся около канала Ситухе, о котором говорилось выше. Озера эти и канал Ситухе указывают место прежнего течения Улахе. Слияние её с рекой Даубихе раньше происходило значительно ниже, чем теперь.

Почувствовав твёрдую почву под ногами, люди и лошади пошли бодрее. К полудню мы миновали старообрядческую деревню Подгорную, состоящую из двадцати пяти дворов. Время было раннее, и потому решено было не задерживаться здесь. Дорога шла вверх по реке Ситухе. Слева был лес, справа – луговая низина, залитая водой. По пути нам снова пришлось переходить ещё одну небольшую речушку, протекающую по узенькой, но чрезвычайно заболоченной долине. Люди перебирались с кочки на кочку, но лошадям пришлось трудно. На них жалко было смотреть: они проваливались по брюхо и часто падали. Некоторые кони так увязали, что не могли уже подняться без посторонней помощи. Пришлось их рассёдлывать и переносить грузы на руках.

Когда последняя лошадь перешла через болото, день уже был на исходе. Мы прошли ещё немного и стали биваком около ручья с чистой проточной водой.

Вечером стрелки и казаки сидели у костра и пели песни. Откуда-то взялась у них гармоника. Глядя на их беззаботные лица, никто бы не поверил, что только два часа тому назад они бились в болоте, измученные и усталые. Видно было, что они совершенно не думали

⁴⁵ Тоу-да-гоу – первая большая долина.

⁴⁶ Эрл-да-гоу – вторая большая долина.

⁴⁷ Сань-да-гоу – третья большая долина.

⁴⁸ Сы-да-гоу – четвёртая большая долина.

⁴⁹ Хань-ни-хэ-цзы – речка с засохшей грязью.

⁵⁰ Янь-цзы-гоу – долина с прогалинами.

⁵¹ Чао-тан-гоу-цзы – падь, долина, обращённая к солнцу.

⁵² Ха-ма-хэ-цзы – жабья речка.

⁵³ Дао-био-хэ-цзы – малая Дао-бин-хэ.

⁵⁴ Угэ-дин-цзы – пятая вершина.

о завтрашнем дне и жили только настоящим. А в стороне, у другого костра, другая группа людей рассматривала карты и обсуждала дальнейшие маршруты.

На следующий день решено было сделать днёвку. Надо было посушить имущество, почистить седла и дать лошадям отдых. Стрелки с утра взялись за работу. Каждый из них знал, у кого что неладно и что надо исправить.

Сегодня мы имели случай наблюдать, как казаки охотятся за пчёлами. Когда мы пили чай, кто-то из них взял чашку, в которой были остатки мёда. Немедленно на биваке появились пчелы – одна, другая, третья, и так несколько штук. Одни пчёлы прилетали, а другие с ношей торопились вернуться и вновь набрать мёду. Разыскать мёд взялся казак Мурзин. Заметив направление, в котором летели пчёлы, он встал в ту сторону лицом, имея в руках чашку с мёдом. Через минуту появилась пчела. Когда она полетела назад, Мурзин стал следить за ней до тех пор, пока не потерял из виду.

Тогда он перешёл на новое место, дождался второй пчелы, перешёл опять, выследил третью и т. д. Таким образом он медленно, но верно шёл к улью. Пчелы сами указали ему дорогу. Для такой охоты нужно запастись терпением.

Часа через полтора Мурзин возвратился назад и доложил, что нашёл пчёл и около их улья увидел такую картину, что поспешил вернуться обратно за товарищами. У пчёл шла война с муравьями. Через несколько минут мы были уже в пути, захватив с собой пилу, топор, котелки и спички. Мурзин шёл впереди и указывал дорогу. Скоро мы увидели большую липу, растущую под углом в 45°. Вокруг неё вились пчелы. Почти весь рой находился снаружи. Вход в улей (леток) был внизу, около корней. С солнечной стороны они переплелись между собой и образовали пологий скат. Около входного отверстия в улей густо столпились пчёлы. Как раз против них, тоже густой массой, стояло полчище чёрных муравьёв. Интересно было видеть, как эти два враждебных отряда стояли друг против друга, не решаясь на нападение. Разведчики-муравьи бегали по сторонам. Пчёлы нападали на них сверху. Тогда муравьи садились на брюшко и, широко раскрыв челюсти, яростно оборонялись. Иногда муравьи принимали обходное движение и старались напасть на пчёл сзади, но воздушные разведчики открывали их, часть пчёл перелетала туда и вновь преграждала муравьям дорогу.

С интересом мы наблюдали эту борьбу. Кто кого одолеет? Удастся ли муравьям проникнуть в улей? Кто первый уступит? Быть может, с заходом солнца враги разойдутся по своим местам для того, чтобы утром начать борьбу снова; быть может, эта осада пчелиного улья длится уже не первый день.

Неизвестно, чем кончилась бы эта борьба, если бы на помощь пчёлам не пришли казаки. Они успели согреть воду и стали кипятком обливать муравьёв. Муравьи корчились, суетились и гибли на месте тысячами. Пчелы были возбуждены до крайности. В это время по ошибке кто-то плеснул на пчёл горячей водой. Мигом весь рой поднялся на воздух. Надо было видеть, в какое бегство обратились казаки! Пчёлы догоняли их и жалили в затылок и шею. Через минуту около дерева никого не было. Люди стояли в отдалении, ругались, смеялись и острили над товарищами, но вдруг лица их делались испуганными, они принимались отмахиваться руками и убегали ещё дальше.

Решено было дать пчёлам успокоиться. Перед вечером два казака вновь пошли к улью, но уже ни мёда, ни пчёл не нашли. Улей был разграблен медведями. Так неудачно кончился наш поход за диким мёдом.

В ночь с 25 на 26 июня шёл сильный дождь, который прекратился только к рассвету. Утром небо было хмурое; тяжёлые дождевые тучи низко ползли над землёй и, как саваном, окутывали вершины гор. Надо было ждать дождя снова.

Когда идёшь в дальнюю дорогу, то уже не разбираешь погоды. Сегодня вымокнешь, завтра высохнешь, потом опять вымокнешь и т. д. В самом деле, если все дождливые дни сидеть на месте, то, пожалуй, недалеко уйдёшь за лето. Мы решили попытать счастья, и

хорошо сделали. Часам к десяти утра стало видно, что погода разгуливается. Действительно, в течение дня она сменялась несколько раз: то светило солнце, то шёл дождь. Подсохшая было дорога размокла, и опять появились лужи.

Перейдя реку Ситухе, мы подошли к деревне Крыловке, состоящей из шестидесяти шести дворов. Следующая деревня Межгорная (семнадцать дворов), была так бедна, что мы не могли купить в ней даже 4 килограммов хлеба. Крестьяне вздыхали и жаловались на свою судьбу. Последнее наводнение их сильно напугало.

Глава 8. Вверх по Уссури

Дальнейший путь экспедиции лежал через горы. На этом пути нам предстояло ещё одно испытание. Нужно было перейти пять сильно заболоченных распадков⁵⁵. Первый распадок находился сейчас же за деревней, а последний, самый большой, – недалеко от реки Улахе. Дорога, проложенная самими крестьянами, не имела ни канав, ни мостов, ни гатей. Грязь на ней была непролазная. Казаки пробовали было вести лошадей целиной, но оказалось ещё хуже. Чтобы закрепить зыбуны, стрелки рубили ивняк и бросали его коням под ноги. Правда, это немного облегчало переправу людей, но мало помогало лошадям. Такая непрочная гать только обманывала их, они оступались и падали. Приходилось опять их расседывать и переносить на себе вьюки. Наконец эти болота были пройдены.

По сведениям, полученным от крестьян, дальше дорога шла лесом. Выйдя на твёрдую почву, отряд остановился на отдых.

В это время вдруг совершенно неожиданно откуда-то из кустов выскочил заяц. В одно мгновение люди бросились за ним в погоню. Надо было видеть, какой поднялся переполох в отряде. Кто свистел, кто гикал, кто бросал в убегающего зайца палкой, камнем и всем, что попадало под руку. Несчастный зверёк бежал зигзагами и хотел укрыться в кустарниках. Это, вероятно, ему удалось бы сделать, если бы Захурский не выстрелил из ружья. Пуля ударила в землю как раз около головы зайца и оглушила его. В это время другой стрелок подбежал и схватил его руками. Заяц метнулся, заверещал и, прижав к спине уши, притаился. Бедный зверёк был страшно напуган. Его раздвоенная верхняя губа быстро двигалась, сердце усиленно билось. Он сидел на руках у Туртыгина, прислушивался и озирался.

Пойманный заяц был маленький, серо-бурого цвета. Такую окраску он сохраняет всё время – и летом и зимой. Областью распространения этого зайца в Приамурье является долина реки Уссури с притоками и побережье моря до мыса Белкина. Кроме этого зайца, в Уссурийском крае водится ещё заяц-беляк и чёрный заяц – вид, до сих пор ещё не описанный. Он совершенно чёрного цвета и встречается редко. Быть может, это просто отклонение зайца-беляка. Ведь есть же чёрно-бурые лисицы, чёрные волки, даже чёрные зайцы-русаки.

Любит русский человек погонять зайца, любит травить его только потому, что он труслив и беззащитен. Это не злоба, это жестокая забава.

Заяц внёс в отряд большое оживление. Дожди, болота, усталость – всё это было забыто. Стрелки кричали и напереерыв старались рассказать друг другу, кто и как увидел зайца, как он бежал и каким образом его поймали. Никакое другое животное не дало бы столько тем для разговоров. Вокруг Туртыгина столпились люди. Каждому хотелось как-нибудь выказать зверьку своё внимание: кто гладил его по спине, кто тянул за хвостик, кто тыкал ему папиросой в нос и дёргал за ухо. Уж как только стрелки не крестили зайца, как только не острили над ним и в десятый раз рассказывали друг другу о его поимке! Не только у русских, но и у китайцев и амурских туземцев слово «заяц» означает насмешку над человеком трусливым, делающим от страха всякие глупости.

Приказ седлать коней заставил стрелков заняться делом. После короткого совещания решено было дать зайцу свободу. Едва только спустили его на землю, как он тотчас же бросился бежать. Свист и крики понеслись ему вдогонку. Шум и смех сопровождали его до тех пор, пока он не скрылся из виду.

Когда лошади были засёдланы, отряд двинулся дальше. Теперь тропа пошла косогами, обходя горные ключи и медленно взбираясь на перевал. Дубовое редколесье смени-

⁵⁵ Короткая и широкая долинка с маленьким ручьём.

лось лесонасаждениями из клёна, липы и даурской берёзы; кое-где мелькали одиночные кедры и остроконечные вершины елей и пихт.

Часа через полтора мы достигли перевала. Здесь у подножия большого дуба стояла маленькая кумирня, сложенная из плитнякового камня. Кумирня эта была поставлена, вероятно, охотниками и искателями женьшеня. Лицевая её сторона была украшена красной тряпичей с иероглифической надписью: «Сан-лин-чжи-чжу», то есть «Владыке гор и лесов» (тигру).

С вершины перевала нам открылся великолепный вид на реку Улахе. Солнце только что скрылось за горизонтом. Кучевые облака на небе и дальние горы приняли неясно-пурпуровую окраску. Справа от дороги светлой полосой змеилась река. Вдали виднелись какие-то фанзы. Дым от них не подымался кверху, а стлался по земле и казался неподвижным. В стороне виднелось небольшое озерко. Около него мы стали биваком.

Как и всегда, сначала около огней было оживление, разговоры, смех и шутки. Потом всё стало успокаиваться. После ужина стрелки легли спать, а мы долго сидели у огня, делились впечатлениями последних дней и строили планы на будущее.

Вечер был удивительно тихий. Слышно было, как паслись кони; где-то в горах ухал филин, и несмолкаемым гомоном с болот доносилось кваканье лягушек.

На другой день мы встали рано и рано выступили в дорогу. Фанзы, которые вчера мы видели с перевала, оказались гольдскими. Местность эта называется Чжумтайза⁵⁶, что по-китайски означает – Горный ручей. Живущие здесь гольды принадлежали к роду Юомика, ныне почти совершенно уничтоженному оспенными эпидемиями. Стойбища их были на Амуре, на том месте, где теперь стоит Хабаровск.

Потесненные русскими, они ушли на Уссури, а оттуда, под давлением казаков, перекочевали на реку Улахе. Теперь их осталось только двенадцать человек: трое мужчин, пять женщин и четверо детей.

Мужчины были одеты по-китайски. Они носили куртку, сшитую из синей дабы, и такие же штаны. Костюм женщин более сохранил свой национальный характер. Одежда их пестрела вышивками по борту и по краям подола была обвешана побрякушками. Выбежавшие из фанз грязные ребяташки испуганно смотрели на нас. Трудно сказать, какого цвета была у них кожа: на ней были и загар, и грязь, и копоть. Гольды эти ещё знали свой язык, но предпочитали объясняться по-китайски. Дети же ни одного слова не понимали по-гольдски.

Покончив с осмотром фанз, отряд наш пошёл дальше. Тропа стала прижиматься к горам. Это будет как раз в том месте, где Улахе начинает менять своё широтное направление на северо-западное. Здесь она шириной около 170 метров и в среднем имеет скорость течения около 5 километров в час.

Из притоков её замечательны: с правой стороны – известная уже нам Ситухе, затем Чжумтайза, Тяпигоу⁵⁷, Ното⁵⁸, Вамбахеза⁵⁹ и Фудзин⁶⁰, а с левой стороны – Хуанихеза⁶¹ и Вангоу.

От гольдских фанз шли два пути. Один был кружной, по левому берегу Улахе, и вёл на Ното, другой шёл в юго-восточном направлении, мимо гор Хуанихеза и Игыдинза. Мы выбрали последний. Решено было всё грузы отправить на лодках с гольдами вверх по Улахе,

---

⁵⁶ Чжун-дай-цзы – горный ручей.

⁵⁷ Дяо-пи-гоу – соболиная долина.

⁵⁸ Ното-хэ – енотовая река.

⁵⁹ Вам-ба-хэ-цзы – черепаший река.

⁶⁰ Фу-цзинь – маньчжурское слово «фужэжин» – начало, основание.

⁶¹ Хуан-ни-хэ-цзы – речка жёлтой грязи.

а самим переправиться через реку и по долине Хуанихезы выйти к посёлку Заторному, а оттуда с лёгкими вьюками пройти напрямик в деревню Кокшаровку.

Уже с половины дня можно было предсказать, что завтрашний день будет дождливый. В Уссурийском крае так называемая сухая мгла часто является предвестником непогоды. Первые признаки её замечались ещё накануне вечером. На другой день к утру она значительно сгустилась, а в полдень стала заметной даже вблизи. Контур дальних гор тогда можно было рассмотреть, если наблюдатель наперёд знал их очертание. Казалось, будто весь воздух наполнился дымом. Небо сделалось белесоватым; вокруг жёлтого солнца появились венцы; тонкая паутина слоистых облаков приняла грязно-серый оттенок. Потом вдруг воздух сделался чистым и прозрачным. Дальние горы приняли цвет тёмно-синий и стали хмурыми. О том, что зашло солнце.

Из притоков её замечательны: с правой стороны – известная уже мы узнали только по надвинувшимся сумеркам. В природе всё замерло, притаилось. Одни только лягушки как будто радовались непогоде и наперерыв старались перекричать друг друга.

Мы думали, что к утру дождь прекратится, но ошиблись. С рассветом он пошёл ещё сильнее. Чтобы вода не залила огонь, пришлось подкладывать в костры побольше дров. Дрова горели плохо и сильно дымили. Люди забились в комарники и не показывались наружу. Время тянулось томительно долго.

В Уссурийском крае дожди выпадают сразу на очень большой площади и идут с удивительным постоянством. Они захватывают сразу несколько бассейнов, иногда даже всю область. Этим и объясняются большие наводнения.

У Дерсу была следующая примета: если во время дождя в горах появится туман и он будет лежать неподвижно – это значит, что дождь скоро прекратится. Но если туман быстро двигается – это признак затяжного дождя и, может быть, тайфуна⁶².

Утром перед восходом солнца дождь перестал, но вода в реке начала прибывать, и потому надо было торопиться с переправой. В этом случае значительную помощь оказали нам гольды. Быстро, без проволочек, они перебросили на другую сторону все наши грузы. Слабенькую лошадь переправили в поводу рядом с лодкой, а остальные переплыли сами.

Часов в восемь утра солнечные лучи прорвались сквозь тучи и стали играть в облаках тумана, освещая их своим золотистым светом. Глядя на эту картину, я мысленно перенёсся в глубокое прошлое, когда над горячей поверхностью земли носились ещё тяжёлые испарения.

Наконец туман начал рассеиваться; природа, оцепеневшая от ненастья, стала оживать; послышалось пение жаворонков, в воздухе опять появились насекомые.

Когда лодка отчалила от берега, мы тоже тронулись в путь. Теперь горы были справа, а река – слева. Болота кончились, но это нас не избавило от сырости. От последних дождей земля была сильно пропитана водой; ручьи вышли из берегов и разлились по долинам.

Вследствие какой-то задержки в пути лошади отстали, а мы ушли вперёд. На опушке леса стояла старая развалившаяся фанза. Тут мы сели на камни и стали ждать коней. Вдруг длинная тёмная полоса мелькнула в стороне. Стрелки бросились туда. Это было какое-то большое пресмыкающееся. Оно быстро скользило по траве, направляясь к кустарникам. Стрелки бежали по сторонам, не решаясь подойти к нему близко. Их пугали размеры змеи. Через минуту она доползла до дерева, лежащего на земле, и скрылась в нём. Это был древесный обломок с гнилой сердцевиной около 4 метров длиной и 15 сантиметров в диаметре. Мерзляков схватил палку и стал тыкать ею в отверстие. В ответ на это в дупле послышалось жужжание, а затем оттуда стали вылезать шмели. Значит, внутри дерева было их гнездо. Но тогда куда же девалась змея? Неужели она залезла к шмелям? Почему в таком случае шмели

---

⁶² Тайфун – искажённое китайское слово «тайфынь» – ураган, буря.

не подняли тревоги, какую они подняли тогда, когда мы просунули в дупло палку? Это заинтересовало всех. Стрелки стали рубить дерево. Оно было гнилое и легко развалилось на части. Как только дерево было расколото, мы увидели змею. Она медленно извивалась, стараясь скрыться в рухляке. Однако это её не спасло. Казак Белоножкин ударил змею топором и отсек ей голову. Вслед за тем змея была вытащена наружу. Это оказался полоз Шренка⁶³. Он был длиной 1,9 метра при толщине 6 сантиметров.

Внутри дерева дупло вначале узкое, а затем к комлю несколько расширялось. Птичий пух, клочки шерсти, мелкая сухая трава и кожа, сброшенная ужом при линянии, свидетельствовали о том, что здесь находилось его гнездо, а ближе к выходу и несколько сбоку было гнездо шмелей.

Когда змея вылезала из дерева или входила в него, она каждый раз проползала мимо шмелей. Очевидно, и шмели и уж уживались вместе и не тяготились друг другом.

Стрелки рассматривали ужа с интересом.

– У него что-то есть внутри, – сказал Белоножкин.

Действительно, живот ужа был сильно вздут. Интересно было посмотреть, чем питаются эти крупные пресмыкающиеся.

Велико было наше удивление, когда в желудке ужа оказался довольно крупный кулик с длинным клювом. Как только он мог проглотить такую птицу и не подавиться ею?!

Гольды рассказывают, что уссурийский уж вообще большой охотник до пернатых. По их словам, он высоко взбирается на деревья и нападает на птиц в то время, когда они сидят в гнёздах. В особенности это ему удаётся в том случае, если гнездо находится в дупле. Это понятно. Но как он ухитрился поймать такую птицу, которая бежит и летает, и как он мог проглотить кулика, длинный клюв которого, казалось бы, должен служить ему большой помехой?

– Надо торопиться, гроза будет, – сказал Мерзляков и посмотрел на небо.

Как бы в подтверждение его слов издали донёсся глухой удар грома. Пока ловили ужа, мы и не заметили, как нашла туча. Туча двигалась очень скоро. Передний край её был белесовато-серый и точно клубился; отдельные облака бежали по сторонам и, казалось, спорили с тучей в быстроте движения.

Уйти от грозы нам не удалось. Едва только мы тронулись в путь, как пошёл дождь. Сначала с неба упало несколько крупных капель, а затем хлынул настоящий ливень. Пока молния сверкала вдаль, было ясно видно, где именно происходят контакты небесного электричества с землёй, но когда она стала вспыхивать в непосредственной близости, то утратила свой искровой характер. Вспышки молнии происходили где-то в пространстве, кругом, всюду... Удары грома были настолько сильные, что можно было ощущать, как вздрагивает атмосфера, и от этого сотрясения каждый раз дождь шёл ещё сильнее.

Обыкновенно такие ливни непродолжительны, но в Уссурийском крае бывает иначе. Часто именно затяжные дожди начинаются грозой. Так было и теперь. Гроза прошла, но солнце не появлялось. Кругом, вплоть до самого горизонта, небо покрылось слоистыми тучами, сыпавшими на землю мелкий и частый дождь. Торопиться теперь к фанзам не имело смысла. Это поняли и люди и лошади.

Фанзы находились в стороне за протокой. Чтобы попасть туда, надо было делать большой обход. Поэтому решено было идти прямо к старообрядцам.

Невысокие горы, окаймляющие долину Вангоу, имели большую коническую форму. Между горами образовались глубокие распадки. Вероятно, при солнечном освещении местность эта очень живописна, но теперь она имела неприветливый вид.

---

⁶³ Полоз Шренка – наиболее крупный представитель неядовитых змей на Дальнем Востоке, достигающий двух метров длины.

Рассчитывать на перемену погоды к лучшему было нельзя. К дождю присоединился ветер, появился туман. Он то заволакивал вершины гор, то опускался в долину, то вдруг опять подымался вверх, и тогда дождь шёл ещё сильнее.

Река Вангоу невелика. Она шириной 4–6 метров и глубиной 40–60 сантиметров, но теперь она разлилась и имела грозный вид. Вода шла через лес. Люди переходили через затопленные места без особых затруднений, лошадям же опять досталось.

Они ступали наугад и проваливались в глубокие ямы.

Но вот лес кончился. Перед нами открылась большая поляна. На противоположном конце её, около гор, приютилась деревушка Заторная. Но попасть в неё было нелегко. Мост, выстроенный староверами через реку, был размыт.

Более двух часов мы провозились над его починкой. На дождь уже никто не обращал внимания. Тут всем пришлось искупаться как следует.

Наконец это препятствие было преодолено, и мы вошли в деревню.

Она состояла из восьми дворов и имела чистенький, опрятный вид. Избы были срублены прочно. Видно было, что староверы строили их не торопясь и работали, как говорится, не за страх, а за совесть. В одном из окон показалось женское лицо, и вслед за тем на пороге появился мужчина. Это был староста. Узнав, кто мы такие и куда идём, он пригласил нас к себе и предложил остановиться у него в доме. Люди сильно промокли и потому старались поскорее расседлать коней и уйти под крышу.

Наш хозяин был мужчина среднего роста, лет сорока пяти. Карие глаза его глядели умно. Он носил большую бороду и на голове длинные волосы, обрезанные в кружок. Одежда его состояла из широкой ситцевой рубахи, слабо подпоясанной тесёмчатым пояском, плисовых штанов и сапог с низкими каблуками.

Внутри избы были две комнаты. В одной из них находились большая русская печь и около неё разные полки с посудой, закрытые занавесками, и начищенный медный рукомойник. Вдоль стен стояли две длинные скамьи; в углу деревянный стол, покрытый белой скатертью, а над столом божница со старинными образами, изображающими святых с большими головами, тёмными лицами и тонкими длинными руками.

Семья старовера состояла из его жены и двух маленьких ребятишек. Женщина была одета в белую кофточку и пёстрый сарафан, стянутый выше талии и поддерживаемый на плечах узкими проймами, располагавшимися на спине крестообразно. На голове у неё был надет платок, завязанный как кокошник. Когда мы вошли, она поклонилась в пояс низко, по старинному.

Другая комната была просторнее. Тут у стены стояла большая кровать, завешенная ситцевым пологом. Под окнами опять тянулись скамьи. В углу, так же как и в первой комнате, стоял стол, покрытый самодельной скатертью. В простенке между окнами висели часы, а рядом с ними полка с большими старинными книгами в кожаных переплётах. В другом углу стояла ручная машина Зингера, около дверей на гвозде висела малокалиберная винтовка Маузера и бинокль Цейса. Во всём доме полы были чисто вымыты, потолки хорошо выструганы, стены как следует проконопачены.

Мы стали раздеваться и нагрязли. Это нас смутило.

– Ничего, ничего, – говорил хозяин. – Бабы подотрут. Вишь, погода какая. Из тайги чистым не придёшь.

Через несколько минут на столе появились горячий хлеб, мёд, яйца и молоко. Мы с аппетитом, чтобы не сказать с жадностью, набросились на еду.

Оставшаяся часть дня ушла на расспросы о пути к Кокшаровке. Оказалось, что дальше никакой дороги нет и что из всех здешних староверов только один, Паначев, мог провести нас туда целиной через горы.

Староста послал за ним. Паначев тотчас явился. На вид ему было более сорока лет. Он тоже носил бороду, но так как никогда её не подстригал, то она росла у него неправильно, клочьями. Получалось впечатление, будто он только что встал со сна и не успел ещё причёсаться. Видно было, что человек этот добрый, безобидный. Войдя в избу, Паначев трижды размашисто перекрестился на образа и трижды поклонился так, чтобы достать до земли рукой. Длинные волосы лезли ему на глаза. Он поминутно встряхивал головой и откидывал их назад.

– Здравствуйте, – сказал он тихо, отошёл к двери и стал мять свою шапку.

На сделанное ему предложение проводить нас до Кокшаровки он охотно согласился.

– Хорошо, пойду, – сказал он просто, и в этом «пойду» слышалась готовность служить, покорность и сознание, что только он один знает туда дорогу.

Решено было идти завтра, если дождь перестанет.

На дворе бушевала непогода. Дождь с ветром хлестал по окнам. Из темноты неслись жалобные звуки: точно выла собака или кто-то стонал на чердаке под крышей. Под этот шум мы сладко заснули.

Глава 9. Через горы к деревне Кокшаровке

На другой день, 31 мая, чуть только стало светать, я бросился к окну. Дождь перестал, но погода была хмурая, сырая. Туман, как саван, окутал горы. Сквозь него слабо виднелись долина, лес и какие-то постройки на берегу реки.

Раз дождя нет, значит, можно идти дальше. Но одно обстоятельство заставило нас задержаться – не был готов хлеб.

Часов в восемь утра вдруг все петухи разом запели.

– Погода разгуляется, будет ведро. Ишь петухи как кричат. Это верная примета, – говорили казаки между собой.

Известно, что домашние куры очень чувствительны к перемене погоды. Впрочем, они часто и ошибаются. Достаточно иногда небу немного проясниться, чтобы петухи тотчас начали перекликаться. Но на этот раз они не ошиблись. Вскоре туман действительно поднялся кверху, кое-где проглянуло синее небо, а вслед за тем появилось и солнышко.

В десять часов утра отряд наш, во главе с Паначевым, выступил из деревни и направился кверху по реке Вангоу. Нам предстояло перевалить через хребет, отделяющий Даубихе от Улахе, и по реке, не имеющей названия, выйти к устью Фудзина.

Тотчас за деревней дорога превратилась в тропу. Она привела нас к пасеке Паначева.

– Пройдёмте кто-нибудь со мной, ребята, – обратился старовер к казакам.

Затем он полез через забор, открыл кадушку и стал передавать им сотовый мёд. Пчелы вились кругом него, садились ему на плечи и забивались в бороду. Паначев разговаривал с ними, называл их ласкательными именами, вынимал из бороды и пускал на свободу. Через несколько минут он возвратился, и мы пошли дальше.

Понемногу погода разгулялась: туман исчез, по земле струйками бежала вода, намокшие цветы подняли свои головки, в воздухе опять замелькали чешуекрылые.

Паначев повёл нас целиной «по затескам». Как только мы углубились в лес, тотчас же пришлось пустить в дело топоры.

Читатель ошибается, если представляет себе тайгу в виде рощи. Уссурийская тайга – это девственный и первобытный лес, состоящий из кедра, чёрной берёзы, амурской пихты, ильма, тополя, сибирской ели, липы маньчжурской, даурской лиственницы, ясеня, дуба монгольского, пальмового диморфанта, пробкового дерева с листвой, напоминающей ясень, с красивой пробковой корой, бархатистой на ощупь, маньчжурского ореха с крупной листвой, расположенной на концах сучьев пальмообразно, и многих других пород. Подлесье состоит из густых кустарниковых зарослей. Среди них бросаются в глаза колючий элеутерококк, красная калина с острыми листьями, лесная калина с белыми цветами, жёлтая жимолость с узловатыми ветвями и с морщинистой корой, лесная таволожка с коротко заострёнными зубчатыми листьями и вьющийся по дереву персидский паслён. И все это перепуталось виноградником, лианами и кишмишом. Стебли последнего достигают иногда толщины человеческой руки.

Паначев рассказывал, что расстояние от Загорной до Кокшаровки он налегке проходил в один день. Правда, один день он считал от рассвета до сумерек. А так как мы шли с вьюками довольно медленно, то рассчитывали этот путь сделать в двое суток, с одной только ночёвкой в лесу.

Около полудня мы сделали большой привал. Люди тотчас же стали раздеваться и вынимать друг у друга клещей из тела. Плохо пришлось Паначеву. Он всё время почёсывался. Клещи набились ему в бороду и в шею. Обобраз клещей с себя, казаки принялись вынимать их у собак. Умные животные отлично понимали, в чём дело, и терпеливо переносили опе-

рацию. Совсем не то лошади: они мотали головами и сильно бились. Пришлось употребить много усилий, чтобы освободить их от паразитов, впившихся в губы и в веки глаз.

После чая опять Паначев пошёл вперёд, за ним стрелки с топорами, а через четверть часа после их ухода тронулись и вьюки.

– А ведь опять будет дождь, – сказал Мурзин.

– Не надолго! – ответил ему старовер. – К вечеру, бог даст, перестанет.

По его словам, если после большого ненастья нет ветра и сразу появится солнце, то в этот день к вечеру надо снова ждать небольшого дождя. От сырой земли, пригретой солнечными лучами, начинают подыматься обильные испарения. Достигая верхних слоёв атмосферы, пар конденсируется и падает обратно на землю мелким дождём.

Паначев оказался прав. Часов в пять вечера начало моросить, незадолго до сумерек дождь перестал, и тучи рассеялись. Какой-то особенно неясный свет разлился по всему лесу. Это была последняя улыбка солнца. Начавшая было засыпать, жизнь в лесу встрепенулась: забегали бурундуки, слышались крики иволги и удода. Но вот свет на небе начал гаснуть; из-под старых елей и кустов поднялись ночные тени. Пламя от костра стало светлее. Около него толпились люди... Паначев сидел в стороне и молча ел хлеб, подбирая крошки. Казаки разбирали вьюки, ставили комарники и готовили ужин. Некоторые из них разделись донага, собирали с белья клещей и нещадно ругались.

– А что, дядя, сколько будет вёрст до Кокшаровки? – спросил старовера Белоножкин.

– А кто его знает! Разве кто тайгу мерил? Тайга, так тайга и есть! Завтра надо бы дойти, – отвечал старовер.

В этом «надо бы дойти» слышалась неуверенность.

– Ты хорошо эти места знаешь? – продолжал допрашивать его казак.

– Да не шибко хорошо. Два раза ходил и не блудил. Ничего, господь даст, пройдем помаленьку.

Покончив ужин, Паначев, не смущаясь присутствием посторонних, помолился, потом взял свой топор и стал подтачивать его на камне.

Следующий день был первое июня. Утром, когда взошло солнце, от ночного тумана не осталось и следа. Первым с бивака тронулся Паначев. Он снял шапку, перекрестился и пошёл вперёд, высматривая затёски. Два стрелка помогали ему расчищать дорогу.

Путешествие по тайге всегда довольно однообразно. Сегодня – лес, завтра – лес, послезавтра – опять лес. Ручьи, которые приходится переходить вброд, заросшие кустами, заваленные камнями, с чистой прозрачной водой, сухостой, валежник, покрытый мхом, папоротники удивительно похожи друг на друга. Вследствие того что деревья постоянно приходится видеть близко перед собой, глаз утомляется и ищет простора. Чувствуется какая-то неловкость в зрении, является непреодолимое желание смотреть вдаль.

Иногда среди тёмного леса вдруг появляется просвет. Неопытный путник стремится туда и попадает в бурелом. Просвет в лесу в большинстве случаев означает болото или место пожарища, ветролома. Не всегда бурелом можно обойти стороной.

Если поваленные деревья невелики, их перерубают топорами, если же дорогу преграждает большое дерево, его стёсывают с боков и сверху, чтобы дать возможность перешагнуть лошадям. Всё это задерживает вьюки, и потому движение с конями по тайге всегда очень медленно.

Если идти по лесу без работы, то путешествие скоро надоедает. Странствовать по тайге можно только при условии, если целый день занят работой. Тогда не замечаешь, как летит время, забываешь невзгоды и мирисься с лишениями.

Путевые записки необходимо делать безотлагательно на месте наблюдения. Если этого не сделать, то новые картины, новые впечатления заслоняют старые образы, и виденное забывается. Эти путевые заметки можно делать на краях планшета или в особой записной

книжке, которая всегда должна быть под рукой. Вечером сокращённые записки подробно заносятся в дневники. Этого тоже никогда не следует откладывать на завтра. Завтра будет своя работа.

Так как тропа в лесу часто кружит и делает мелкие извилины, которые по масштабу не могут быть нанесены на планшет, то съёмщику рекомендуется идти сзади на таком расстоянии, чтобы хвост отряда можно было видеть между деревьями. Направление берётся по последней лошади. Если же отряд идёт быстрее, чем это нужно съёмщику, то, чтобы не задерживать коней с вьюками, приходится отпускать их вперёд, а с собой брать одного стрелка, которому поручается идти по следам лошадей на таком расстоянии от съёмщика, чтобы последний мог постоянно его видеть. В чаще, где ничего не видно, направление приходится брать по звуку, например по звону колокольчика, ударам палки о дерево, окрикам, свисткам и т. д.

В пути наш отряд разделился на три части. Рабочий авангард под начальством Гранатмана, с Паначевым во главе, шёл впереди, затем следовали вьюки. Остальные участники экспедиции шли сзади. Вперёд мы подвигались очень медленно. Приходилось часто останавливаться и ожидать, когда прорубят дорогу. Около полудня кони вдруг совсем встали.

– Трогай! – кричали нетерпеливые.

– Обожди! Старовер затёски потерял, – отвечали передние.

– А где сам-то он?

– Да пошёл вперёд искать дорогу.

Прошло минут двадцать. Наконец Паначев вернулся. Достаточно было взглянуть на него, чтобы догадаться, в чём дело. Лицо его было потное, усталое, взгляд растерянный, волосы растрёпанные.

– Ну что, есть затёски? – спросил его Гранатман.

– Нету! – отвечал старовер. – Они, должно, левее остались. Нам надо так идти, – сказал он, указывая рукой на северо-восток.

Пошли дальше. Теперь Паначев шёл уже не так уверенно, как раньше: то он принимал влево, то бросался в другую сторону, то заворачивал круто назад, так что солнце, бывшее дотопе у нас перед лицом, оказывалось назади. Видно было, что он шёл наугад. Я пробовал его останавливать и расспрашивать, но от этих расспросов он ещё более терялся. Собран был маленький совет, на котором Паначев говорил, что он пройдёт и без дороги, и как подымется на перевал и осмотрится, возьмёт верное направление.

Надо было дать вздохнуть лошадям. Их расседлали и пустили на подножный корм. Казаки принялись варить чай, а Паначев и Гранатман полезли на соседнюю сопку. Через полчаса они возвратились. Гранатман сообщил, что, кроме гор, покрытых лесом, он ничего не видел. Паначев имел смущённый вид, и хотя уверял нас, что место это ему знакомо, но в голосе его звучало сомнение.

Едва мы тронулись с привала, как попали в такой буерак, из которого не могли выбраться до самого вечера. Паначев вёл нас как-то странно. То мы карабкались на гору, то шли косогором, то уже опять спускались в долину. Обыкновенно, когда заблудишься, то уже идёшь без расчёта. Целый день мы были в пути и стали там, где застигла ночь.

Невесело было на биваке. Сознание, что мы заблудились, действовало на всех угнетающим образом. Особенно грустным казался Паначев. Он вздыхал, поглядывал на небо, ерошил волосы на голове и хлопал руками по полам своего армяка.

– Ты клещей-то из бороды вытаци, – говорили ему стрелки.

– Вот беда-то! – говорил он сам с собой. – Как на грех потерял затёски!...

Надо было выяснить, каковы наши продовольственные запасы. Уходя из Загорной, мы взяли с собой хлеба по расчёту на три дня. Значит, на завтра продовольствия ещё хватит, но

что будет, если завтра мы не выйдем к Кокшаровке? На вечернем совещании решено было строго держаться восточного направления и не слушать более Паначева.

На другой день чуть свет мы были уже на ногах. В том положении, в котором мы находились, поспешность была необходима.

Пройдя километра два с половиной от бивака, мы вдруг совершенно неожиданно наткнулись на затёски. Они были старые, заплывшие.

– Чьи это затёски? – спросил Мерзляков.

– Китайские, – отвечал Паначев.

– Значит, и у вас в тайге есть китайцы? – спросили его казаки.

– Где их нет? – ответил старовер. – В тайге насквозь китайцы. Куда только ни пойдёшь, везде их найдёшь.

Затёски были наделаны часто и шли в желательном для нас направлении, поэтому мы решили идти по ним, пока возможно. Паначев потому и заблудился, что свои знаки он ставил редко.

Он упустил из виду, что со временем они потускнеют и на большом расстоянии будут видны плохо.

Идя по линии затесок, мы скоро нашли соболиные ловушки. Некоторые из них были старые, другие новые, видимо, только что выстроенные. Одна ловушка преграждала дорогу. Кожевников поднял бревно и сбросил его в сторону. Под ним что-то лежало. Это оказались кости соболя.

Очевидно, вскоре после того как зверёк попал в ловушку, его завалило снегом. Странно, почему зверолов не осмотрел свои ловушки перед тем, как уйти из тайги. Быть может, он обходил их, но разыгравшаяся буря помешала ему дойти до крайних затесок, или он заболел и не мог уже более заниматься охотой. Долго ждал пойманный соболь своего хозяина, а весной, когда стаял снег, вороны расклевали дорогого хищника, и теперь от него остались только клочки шерсти и мелкие кости.

Я вспомнил Дерсу. Если бы он теперь был с нами, мы узнали бы, почему соболь остался в ловушке. Гольд, наверно, нашёл бы дорогу и вывел бы нас из затруднительного положения.

К полудню мы поднялись на лесистый горный хребет, который тянется здесь в направлении от северо-северо-востока на юго-юго-запад и в среднем имеет высоту около полукилометра. Сквозь деревья можно было видеть другой такой же перевал, а за ним ещё какие-то горы.

Сверху гребень хребта казался краем громадной чаши, а долина – глубокой ямой, дно которой терялось в тумане.

Обсудив наше положение, мы решили спуститься в долину и идти по течению воды. Восточный склон хребта был крутой, заваленный буреломом и покрытый осыпями. Пришлось спускаться зигзагами, что отняло много времени. Ручей, которого мы придерживались, скоро стал забирать на юг; тогда мы пошли целиной и пересекли несколько горных отрогов.

Паначев работал молча: он по-прежнему шёл впереди, а мы плелись за ним сзади. Теперь уже было всё равно. Исправить ошибку нельзя, и оставалось только одно: идти по течению воды до тех пор, пока она не приведёт нас к реке Улахе. На большом привале я ещё раз проверил запасы продовольствия. Выяснилось, что сухарей хватит только на сегодняшний ужин, поэтому я посоветовал сократить дневную выдачу.

Густой смешанно-хвойный лес, по которому мы теперь шли, имел красивый декоративный вид. Некоторые деревья поражали своими размерами. Это были настоящие лесные великаны от 20 до 30 метров высоты и от 2 до 3 метров в обхвате. На земле среди зарослей таволги, лещины и леспедецы валялось много колодника, покрытого цветистыми лишаями и

мхами. По сырым местам тысячами разрослись пышные папоротники, вай⁶⁴ которых достигают 0,9 метра длины. По внешнему виду растения эти походят на гигантские зелёные лилии.

В уссурийской тайге растёт много цветковых растений. Прежде всего в глаза бросается ядовитая чемерица с грубыми остроконечными плейчатými листьями и белыми цветами, затем – бадьян с овально-ланцетовидными листьями и ярко-розовыми цветами, выделяющими обильные эфирные масла. Синими цветами из травянистых зарослей выделялся борец с зубчатыми листьями, рядом с ним – башмачки с большими ланцетовидными листьями, нежные василистники с характерными яркими цветами, большие огненно-красные зорки с сидячими овально-ланцетовидными листьями и группы оранжевых троллиусов.

Несмотря на постигшую нас неудачу, мы не могли быть равнодушными к красоте природы. Художники, ботаники или просто любители природы нашли бы здесь неистощимые материалы для своих наблюдений.

Перед вечером первый раз появилась мошка. Местные старожилы называют её гнусом. Уссурийская мошка – истинный бич тайги. После её укуса сразу открывается кровоточивая ранка. Она ужасно зудит, и, чем больше расчёсывать её, тем зуд становится сильнее. Когда мошки много, ни на минуту нельзя снять сетку с лица. Мошка слепит глаза, забивается в волосы, уши, забивается в рукава и нестерпимо кусает шею. Лицо опухает, как при рожистом воспалении.

Дня через два или три организм вырабатывает иммунитет, и опухоль спадает.

Люди могли защищаться от гнуса сетками, но лошадям пришлось плохо. Мошка разъедала им губы и веки глаз. Бедные животные трясли головами, но ничего не могли поделать со своими маленькими мучителями.

Самой рациональной защитой от мошкар является сетка. Металлической сетки никогда надевать не следует: она сильно нагревается. Лучше мучиться от мошкар, чем задыхаться в горячем воздухе, насыщенном ещё вдобавок собственными испарениями. Кисейная сетка непрочна, она всё время цепляется за сучки и рвётся. В образовавшееся отверстие набиваются насекомые, и тогда от них можно освободиться только снятием головного убора. Лучшая сетка – волосная, она достаточно прочна и не так нагревается от солнца, как металлическая. Некоторые рекомендуют мазаться вазелином. Я пробовал и могу сказать, что это средство никуда не годится. Во-первых, к вазелину прилипают насекомые. Они шевелятся и щекочат лицо. Другое неудобство заключается в том, что вазелин тает и смывается потом. Разные пахучие масла, вроде гвоздичного, ещё хуже. Они проникают в раскрытые поры и жгут, как крапивой. Самое лучшее средство – терпение. Нетерпеливого человека гнус может довести до слёз.

Запасшись этим средством, мы шли вперёд до тех пор, пока солнце совсем не скрылось за горизонтом. Паначев тотчас же пошёл на разведку. Было уже совсем темно, когда он возвратился на бивак и сообщил, что с горы видел долину Улахе и что завтра к полудню мы выйдем из леса. Люди ободрились, стали шутить и смеяться.

Незатейлив был наш ужин. Оставшиеся от сухарей крошки в виде муки были розданы всем поровну.

Часов в восемь вечера на западе начала сверкать молния, и послышался отдалённый гром. Небо при этом освещении казалось иллюминированным. Ясно и отчётливо было видно каждое отдельное облачко. Иногда молнии вспыхивали в одном месте, и мгновенно получались электрические разряды где-нибудь в другой стороне. Потом все опять погружалось в глубокий мрак. Стрелки начали было ставить палатки и прикрывать брезентами седла, но тревога оказалась напрасной. Гроза прошла стороной. Вечером зарницы долго ещё играли на горизонте.

---

⁶⁴ Вай – листообразные ветви папоротника. – *Прим. ред.*

Утром, как только мы отошли от бивака, тотчас же наткнулись на тропку. Она оказалась зверовой и шла куда-то в горы. Паначев повёл по ней. Мы начали было беспокоиться, но оказалось, что на этот раз он был прав. Тропа привела нас к зверовой фанзе. Теперь смешанный лес сменился лиственным редколесьем. Почуввав конец пути, лошади прибавили шаг. Наконец показался просвет, и вслед за тем мы вышли на опушку леса. Перед нами была долина реки Улахе. Множество признаков указывало на то, что деревня недалеко.

Через несколько минут мы подошли к реке и на другом её берегу увидели Кокшаровку. Старообрядцы подали нам лодки и перевезли на них седла и вьюки. Понукать лошадей не приходилось. Умные животные отлично понимали, что на той стороне их ждёт обильный корм. Они сами вошли в воду и переплыли на другую сторону реки.

После этого перехода люди очень устали, лошади тоже нуждались в отдыхе. Мы решили простоять в Кокшаровке трое суток.

Воспользовавшись этим временем, я отправился к деревне Нотохоуза, расположенной недалеко от устья реки. Последняя получила своё название от китайского слова «науту» (ноту), что значит «енот» (44°39' северной широты и 134°56' восточной долготы от Гринвича – по Гамову). Такое название китайцы дали реке по той причине, что раньше здесь водилось много этих животных.

Деревня Нотохоуза – одно из самых старых китайских поселений в Уссурийском крае. Во времена Венюкова (1857 год) сюда со всех сторон стекались золотопромышленники, искатели женьшеня, охотники и звероловы. Старинный путь, которым уссурийские манзы сообщались с постом Ольги, лежал именно здесь. Вьючные караваны их шли мимо Ното по реке Фудзину через Сихотэ-Алинь к морю. Этой дорогой предстояло теперь пройти и нам.

Выражение «река Улахе» состоит из трёх слов: русского, маньчжурского и китайского, причём каждое из них означает одно и то же – «река». В переводе получается что-то странное – «Река-река-река».

Улахе течёт в направлении к северо-северо-востоку по продольной межскладчатой долине. Она шириной около 120 метров и глубиной в среднем 1,8 метра. Продолжением её тектонической долины будут долины нижнего Ното и его притока Себучара⁶⁵, текущих ей навстречу.

Из притоков Улахе самыми большими будут: слева – Табахеза⁶⁶ и Синанца. Название последней показывает направление её течения (си – запад, нан – юг и на – разветвление, то есть юго-западный приток). С правой стороны в неё впадает много речек: Янмутъхоуза⁶⁷, Тудагоу, Эрлдагоу, Сандагоу, Сыдагоу. Затем дальше идут Фудзин и Нотохе, о которой говорилось выше. Все эти реки берут начало с Сихотэ-Алиня⁶⁸ Самым большим притоком Улахе, бесспорно, будет Янмутъхоуза. Её, собственно, и следует считать за начало Уссури. По ней можно выйти на берег моря к бухтам Ванчин и Валентина. Горные хребты, окаймляющие долину справа и слева, дают в стороны длинные отроги, поросшие густыми смешанными лесами и оканчивающиеся около реки небольшими сопками в 400–500 метров высоты.

Долина Улахе является одной из самых плодородных местностей в крае. По ней растут в одиночку большие старые вязы, липы и дубы. Чтобы они не заслоняли солнца на огородах, с них снимают кору около корней. Деревья подсыхают и затем идут на топливо.

День был чрезвычайно жаркий. Небесный свод казался голубой хрустальной чашей, которой как будто нарочно прикрыли землю, точно так, как прикрывают молодые всходы, чтобы они скорее росли, – и от этого именно было так душно и жарко. Ни дуновения ветерка

---

⁶⁵ Сё-бу-ча-эр – косогор, где нужно ногу ставить вкось.

⁶⁶ Та-ба-хэ-за – тройной поток.

⁶⁷ Ян-му-гоу-цзы – тополевая долина.

⁶⁸ Маньчжурское название водораздельного горного хребта.

внизу, ни одного облачка на небе. Знойный воздух реял над дорогой. Деревья и кусты оцепенели от жары и поникли листвой. Река текла тихо, бесшумно. Солнце отражалось в воде, и казалось, будто светят два солнца: одно сверху, а другое откуда-то снизу. Все мелкие животные попрятались в свои норы. Одни только птицы проявляли признаки жизни. У маньчжурского жаворонка хватало ещё сил описывать круги по воздуху и звонким пением приветствовать жаркое лето. В редколесье около дороги я заметил двух голубых сорок. Осторожные, хитрые птицы эти прыгали по веткам, ловко проскальзывали в листве и пугливо озирались по сторонам. В другом месте, в старой болотистой протоке, я вспугнул северную плиску – маленькую серо-зелёную птичку с жёлтым брюшком и жёлтой шеей. Она поднялась на воздух, чтобы улететь, но увидела стрекозу и, нимало не смущаясь моим присутствием, принялась за охоту.

После полудня опять появилось много гнуса. Я прекратил работу и пошёл в деревню. По дороге меня догнал табун крестьянских лошадей. Кони брыкались, мотали головами и били себя хвостами. Слепни и оводы гнались за ними тучей. Увидев в стороне кусты, весь табун бросился туда. Ветви хлестали животных по ногам, по брюху. Это было единственное средство согнать крылатых кровопийц. В деревне уже ждали лошадей; около дворов курились дымокуры. Добежав до костров, лошади уткнулись мордами чуть ли не в самый огонь. На них жалко было смотреть. Широко раздув ноздри, они тяжело и порывисто дышали. Все тело их было покрыто каплями крови – в особенности круп, губы, шея и холка, то есть такие места, которые лошадь не может достать ни хвостом, ни зубами.

Следующий день был ещё более томительный и жаркий. Мы никуда не уходили, сидели в избах и расспрашивали староверов о деревне и её окрестностях. Они рассказывали, что Кокшаровка основана в 1903 году и что в ней двадцать два двора.

Глава 10. Долина Фудзина

Шестого июня мы распрощались с Кокшаровкой. Наши лошади отдохнули и теперь шли гораздо бодрее, несмотря на то что слепней и мошек было так же много, как и вчера. Особенно трудно было идти задним. Главная масса мошкары держится в хвосте отряда. В таких случаях рекомендуется по очереди менять местами людей и лошадей.

От деревни Кокшаровки дорога идёт правым берегом Улахе, и только в одном месте, где река подмывает утёсы, она удаляется в горы, но вскоре опять выходит в долину. Река Фудзин имеет направление течения широтное, но в низовьях постепенно заворачивает к северу и сливается с Улахе километра на два ниже левого края своей долины.

Рододендроны были теперь в полном цвету, и от этого скалы, на которых они росли, казались пурпурно-фиолетовыми. Долину Фудзина можно назвать луговой. Старый дуб, ветвистая липа и узловатый осокорь растут по ней одиночными деревьями. Невысокие горы по сторонам покрыты смешанным лесом с преобладанием пихты и ели.

Дикая красота долины смягчалась присутствием людей.

Точно перепёлки, попрытавшиеся от охотника, там и сям между деревьями виднелись серенькие китайские фанзы. Они имели уютный вид. Все вокруг носило характер мира, тишины и трудолюбия. Около фанз широко раскинулись хлебные поля и огороды. Чего только здесь не было: пшеница, кукуруза, чумиза, овёс, мак снотворный, бобы, табак и множество других растений, которых я не знаю. Ближе к фанзам росли: фасоль, картофель, редька, тыква, дыня, капуста, салат, брюква, огурцы, помидоры, лук разных сортов и горошек. В полях всюду виднелись синие фигуры китайцев. Они прекратили работы и долго провожали нас глазами. Появление военного отряда, видимо, их сильно смущало, а наличие вьючных коней указывало, что отряд этот идёт издалека и далеко.

Я направился к одной фанзе. Тут на огороде работал глубокий старик. Он полонил грядки и каждый раз, нагибаясь, стонал. Видно было, что ему трудно работать, но он не хотел жить праздно и быть другим в тягость. Рядом с ним работал другой старик – помоложе. Он старался придать овощам красивый вид, оправлял их листья и подрезал те, которые слишком разрослись.

Когда мы подошли, оба старика приветствовали нас по-своему и затем, вытерев лицо грязной тряпицей, поплелись сзади.

Китайская фанза, к которой мы подошли, состояла из трёх построек, расположенных «покоем»: из жилой фанзы – посредине и двух сараев – по сторонам. Двор между ними, чисто выметенный и прибранный, был обнесён высоким частоколом в уровень с сараями. Почувяв посторонних людей, собаки подняли неистовый лай и бросились к нам навстречу. На шум из фанзы вышел сам хозяин. Он тотчас распорядился, чтобы рабочие помогли нам расседлать коней.

Китайская фанза – оригинальная постройка. Стены её сложены из глины; крыша двускатная, тростниковая. Решётчатые окна, оклеенные бумагой, занимают почти весь её передний фасад, зато сзади и с боков окон не бывает вовсе. Рамы устроены так, что они поднимаются кверху и свободно могут выниматься из своих гнёзд. Замков ни у кого нет. Дверь припирается не от людей, а для того, чтобы туда случайно не зашли собаки.

Внутри фанзы, по обе стороны двери, находятся низенькие печки, сложенные из камня с вмазанными в них железными котлами. Дымовые ходы от этих печей идут вдоль стен под канами и согревают их. Каны сложены из плитнякового камня и служат для спанья. Они шириной около 2 метров и покрыты соломенными циновками. Ходы выведены наружу в длинную трубу, тоже сложенную из камня, которая стоит немного в стороне от фанзы и не

превышает конька крыши. Спят китайцы всегда голыми, головой внутрь фанзы и ногами к стене.

Деревянной перегородкой фанза делится на две половины. В меньшей помещается сам хозяин и его компаньон, в большей – рабочие. Посредине фанзы на треножнике стоит старый надтреснутый котёл, наполненный песком и золой. Это жаровня, куда складываются горящие уголья из печей, когда пища сварена и каны достаточно нагреты. Если нужно согреть пищу, манзы разводят огонь прямо в жаровне. Вследствие этого в жилом помещении всегда дымно и пыльно. Потолка в фанзе нет, крыша поставлена непосредственно на стены. Деревянные балки, кедровое корьё и даже солома до того прокоптились, что стали чёрными и блестящими. Все предметы, находящиеся выше роста человека, тоже закопчены и покрыты толстым слоем пыли.

Хозяин фанзы пригласил нас в своё помещение. Здесь было несколько чище, чем у рабочих. Около стен стояли большие сундуки с наклеенными на них красными бумажками с новогодними иероглифическими письменами. Прямо против входа было устроено нечто вроде кумирни, а около неё на столе стояли подсвечники с красными свечами, какие-то жёлтые коробочки и запylённые бутылки. Рядом на стенах висели размалёванные картины, характерные для китайского искусства по отсутствию в них перспективы и изображающие исторические театральные сцены, что легко узнать по костюмам, заученным позам актёров и по их раскрашенным физиономиям.

Хозяин разостлал на кане новое ватное одеяло, поставил маленький столик и налил нам по кружке чаю. Китайский чай даёт навар бледно-жёлтый, слабый, но удивительно ароматный; его надо пить без сахара – сладкий он неприятен.

Первые вопросы, с которыми обратились ко мне китайцы, были такие:

– Сколько у вас людей?

– Сзади ещё идут люди или нет?

Сначала я возмущался такими вопросами, усматривая в них злое намерение, но впоследствии убедился, что эта справка нужна им только для того, чтобы знать, на сколько людей надо готовить ужин.

Мы расположились в фанзе, как дома. Китайцы старались предупредить все наши желания и просили только, чтобы не пускать лошадей на волю, дабы они не потравили полей. Они дали коням овса и наносили травы столько, что её хватило бы до утра на отряд вдвое больший, чем наш. Все исполнялось быстро, дружно и без всяких проволочек.

После сытного обеда из варёной курицы, яиц, жареного картофеля и лепёшек, испечённых на бобовом масле, я пошёл осматривать сарай.

Половина одной постройки предназначалась для выгонки спирта. Тут были две заторных ямы, перегонный куб и посуда. На стеллажах под крышей рядами лежали "сулевые"⁶⁹ кирпичи. По мере надобности их опять укладывают в яму и смачивают водой. От этого они набухают и разваливаются. Затору дают побродить немного и затем лопатами насыпают в котёл, над которым ставят деревянный бездонный чан, а поверх его ещё другой котёл с холодной водой. Винные пары оседают на холодном днище верхнего котла и по особому приёмнику выходят наружу.

В другой половине помещалась мельница, состоявшая из двух жерновов, из которых нижний был неподвижный. Мельница приводится в движение силой лошади. С завязанными глазами она ходит вокруг и вращает верхний камень. Мука отделяется от отрубей при помощи сита. Оно помещается в особом шкафу и приводится в движение ногами человека. Он же следит за лошадьёю и подсыпает зерно к жерновам.

---

⁶⁹ По-корейски водка называется «сули».

Рядом с мельницей была кладовая, где хранились зерновые продукты и вообще разное имущество. Здесь были шкуры зверей, оленьи панты, медвежья желчь, собольи и беличьи меха, бумажные свечи, свёртки с чаем, новые топоры, плотничьи и огородные инструменты, луки, настораживаемые на зверей, охотничье копьё, фитильное ружьё, приспособления для носки на спине грузов, одежда, посуда, ещё не бывшая в употреблении, китайская синяя даба, белая и чёрная материя, одеяла, новые улы, сухая трава для обуви, верёвки и тулузы⁷⁰ с маслом. В таких же, но только маленьких тулузах китайцы в походе носят бобовое масло. Пробкой обыкновенно служит кочерыжка кукурузы, обмотанная тряпицей. Изготовление маленьких тулузов явилось следствием недостатка стеклянной и глиняной посуды.

Постройка с правой стороны двора служила конюшней для лошадей и хлевом для рогатого скота. Изъеденная колода и обгрызенные столбы свидетельствуют о том, что лошадям зимой дают мало сена. Китайцы кормят их резаной соломой вперемешку с бобами. Несмотря на это, лошади у них всегда в хорошем теле.

От фанзы шла маленькая тропинка. Я пошёл по ней. Тропинка привела меня к кумирне, сколоченной из досок и украшенной резьбой. В ней была повешена картина, изображающая бога стихий «Лун Ван-е», окружённого другими богами. Все они имели цветные гневные лица. Перед богами стояли маленькие фарфоровые чашечки, в которые, вероятно, наливался спирт во время жертвоприношения. Впереди кумирни стояли два фигурных столба с украшениями. Позади фанзы и несколько в стороне была большая груда дров, аккуратно наколотых, но ещё аккуратнее сложенных в круглый штабель, по внешнему виду похожий на стог сена.

В соседней фанзе варили панты. Я пошёл туда посмотреть, как производится эта операция. Варка происходила на открытом воздухе. Над огнём на трёх камнях стоял котёл, наполненный водой. Китаец-пантовар внимательно следил за тем, чтобы вода была горячей, но не кипела. В руках у него была деревянная разливалка, к которой бечёвками привязаны молодые оленьи рога. Обмакнув панты в воду, он давал им немного остынуть, сдувая ртом пар, затем опять погружал их в котёл и опять остужал дуновением. Варка пантов производится ежедневно до тех пор, пока они не потемнеют и не сделаются твёрдыми. В этом виде они могут храниться много лет. Если передержать их в горячей воде дольше двух-трёх секунд зараз, они лопнут и потеряют ценность.

Когда я возвращался назад, день уже кончился. Едва солнце коснулось горизонта, как все китайцы, словно по команде, прекратили свои работы и медленно, не торопясь, пошли домой. В поле никого не осталось.

Возвратясь в фанзу, я принялся за дневник. Тотчас ко мне подсели два китайца. Они следили за моей рукой и удивлялись скорописи. В это время мне случилось написать что-то машинально, не глядя на бумагу. Крик восторга вырвался из их уст. Тотчас с кана соскочило несколько человек. Через пять минут вокруг меня стояли все обитатели фанзы, и каждый просил меня проделать то же самое ещё и ещё бесконечное число раз.

Жидкая кукурузная каша, немного солёных овощей и два хлеба из тёмной пшеничной муки – вот всё, что составляет вечернюю трапезу рабочих-манз. Сидя на корточках за маленьким столиком, они ели молча. После ужина китайцы разделались и легли на каны. Некоторые курили табак, другие пили чай. Теперь все разговаривали. В фанзе было два посторонних человека, пришедших с реки Ното. Они что-то горячо рассказывали, а слушатели время от времени выражали своё удивление возгласами «айя-хап». Такая беседа длилась около часа. Наконец разговор мало-помалу стал затихать и незаметно перешёл в храп. Только в одном углу ещё долго горела масляная лампочка. Это старик китаец курил опий.

---

⁷⁰ Корзины, сплетённые из прутьев и оклеенные материей, похожей на бумагу, но настолько прочной, что она не пропускает даже спирт. Тулузы похожи на низкие бутылки с широкими горлышками.

Видя меня сидящим за работой в то время, когда другие спят, китайцы объяснили это по-своему. Они решили, что я не более как писарь и что главный начальник – Анофриев. Заключение они это по тому, что последний постоянно кричал на них, ругался и гнал из чистой половины в помещение для рабочих. Я вспомнил, что и в других фанзах было то же самое. Китайцы боялись его как огня. Когда кому-нибудь в отряде не удавалось чего-либо добиться от них, стоило только обратиться к Анофриеву, и тотчас же китайцы становились покорными и без всяких пререканий исполняли приказания. Очевидно, весть о том, кто начальник в отряде, передавалась из фанзы в фанзу. И с этим ничего нельзя было поделаться. Когда на другое утро я проснулся и попросил у китайцев чаю, они указали на спящего Анофриева и шёпотом сказали мне, что надо подождать, пока не встанет «сам капитан». Я разбудил Анофриева и попросил его сделать распоряжение. Он прикрикнул на китайцев, те сразу засуетились и тотчас подали мне чай и булочки, испечённые на пару.

Расплатившись с хозяином фанзы, мы отправились дальше вверх по реке Фудзину.

Горы с левой стороны долины состоят из базальтовой лавы, которая в обнажениях, под влиянием атмосферных явлений, принимает красно-бурую окраску. По вершинам их кое-где по склонам виднеются осыпи. Издали они кажутся серыми плешинами. Эти сопки изрезаны распадками и покрыты дубовым редколесьем.

С правой стороны Фудзина тянется массивный горный кряж, поросший густым хвойно-смешанным лесом.

К полудню отряд наш дошёл до того места, где долина делает крутой поворот на север. Пройдя в этом направлении километра три, она снова поворачивает к востоку.

На другой стороне реки виднелась фанза. Здесь жили два китайца. Один из них был хромым, другой слепой.

Вода в реке стояла на прибыли, и потому вброд её перейти было нельзя. У китайцев нашлась небольшая лодка. Мы перевезли в ней седла и грузы, а коней переправили вплавь.

За последние дни лошади наши сильно похудели. Днём они были в работе, а ночью страдали от гнуса. Они не хотели пастись на траве и всё время жались к дымокурам. Чтобы облегчить их работу, я решил часть грузов отправить в лодке с двумя стрелками. Китайцы охотно уступили её нам за недорогую цену. Но не суждено было ей совершить это плавание. Как только она вышла на середину реки, один из пассажиров потерял равновесие и упал. Лодка тотчас перевернулась. Стрелки умели плавать и без труда добрались до берега, но ружья, топоры, запасные подковы, пила и ковочный инструмент утонули.

Лодку скоро задержали, но впопыхах потеряли место, где произошло крушение.

В команде нашлись два человека (Мурзин и Мелян), которые умели нырять. До самых сумерек они бродили по воде, щупали шестами, закидывали верёвки с крючьями, но всё было напрасно.

Следующий день, 8 июня, ушёл на поиски в воде ружей. Мы рассчитывали, что при солнце будет видно дно реки, но погода, как на грех, снова испортилась. Небо покрылось тучами, и стало моросить. Тем не менее после полудня Меляну удалось найти два ружья, ковочный инструмент, подковы и гвозди. Удовольствовавшись этим, я приказал собираться в дорогу.

Нет худа без добра. Случилось так, что последние две ночи мошки было мало; лошади отдохнули и выкормились. Злополучную лодку мы вернули хозяевам и в два часа дня тронулись в путь.

Погода нам благоприятствовала. Было прохладно и морочно⁷¹. По небу бежали кучевые облака и заслоняли собой солнце.

---

⁷¹ Местное выражение, означающее сухую погоду при облачном небе.

Дальше Фудзин делает излучину в виде буквы «П». Отсюда тропа поворачивает направо в горы, что значительно сокращает дорогу. По пути она пересекает два невысоких кряжика и обильный водой источник.

В полдень у ручья я приказал остановиться. После чаю я не стал дожидаться, пока завьючат коней, и, сделав нужные распоряжения, пошёл вперёд по тропинке.

Во вторую половину дня погода не изменилась: по-прежнему было сумрачно, но чувствовалось, что дождя не будет. Такой погодой всегда надо пользоваться. В это время можно много сделать и много пройти. Откуда-то берётся энергия, и, главное, совершенно не чувствуешь усталости. Гнус исчез. При ветре мошка не может держаться в воздухе. Зато, если день солнечный и безветренный, мошек появляется чрезвычайно много. Для них не так нужно солнце, как тёплый и насыщенный парами воздух. Вот почему гнус всегда появляется перед дождём и в сумерки.

На втором перевале через горный отрог тропка разделилась.

Одна пошла влево, другая – прямо в лес. Первая мне показалась малохоженой, а вторая – более торной. Я выбрал последнюю.

В течение дня из пернатых в здешних местах я видел уссурийского пёстро́го дятла. Эта бойкая и подвижная птица с белым, черным и красным оперением всё время перелетала с одного дерева на другое, часто постукивала носом по коре, и, казалось, прислушивалась, стараясь по звуку угадать, дуплистое оно или нет. Увидев меня, дятел спрятался за дерево и тотчас показался с другой стороны. Он осторожно выглядывал оттуда одним глазом. Заметив, что я приближаюсь, он с криком перелетел ещё дальше и вскоре совсем скрылся в лесу.

В стороне звонко куковала кукушка. Осторожная и пугливая, она не сидела на месте, то и дело шныряла с ветки на ветку и в такт кивала головой, подымая хвост кверху. Не замечая опасности, кукушка бесшумно пролетела совсем близко от меня, села на дерево и начала было опять куковать, но вдруг испугалась, оборвала на половине своё кукование и торопливо полетела обратно.

Из соседних кустов я выгнал вальдшнепа.

Он подпустил меня очень близко, но потом вдруг сорвался с места и полетел низко над землёй, ловко лавируя между деревьями. В тех местах, где заросли были гуще, держались серые сорокопуть. Заметив подходившего человека, они подняли сильное стрекотание. Небольшие птицы с сердитым взглядом и с клювом, как у хищника, они поминутно то взлетали на ветки деревьев, то опускались на землю, как будто что-то клевали в траве, затем опять взлетали наверх и ловко прятались в листве. Около воды по опушке держались китайские иволги и сибирские соловьи. Они выдавали себя своим пением. Иволги, красивые оранжево-жёлтые птицы, величиной с голубя, сидели на высоких деревьях. Несмотря на величину и яркое оперение, увидеть их всегда трудно. Вторые – серые птички с красным горлом – также предпочитали держаться в зарослях около воды. Голос сибирского соловья не такой богатый, как у соловья, обитающего в Европе. После короткого пения сразу наступает щёлканье и стрекотанье.

По голосу я сначала даже и не принял его за соловья, но потом разглядел и признал в нём пернатого музыканта.

Моя тропа заворачивала все больше к югу. Я перешёл ещё через один ручей и опять стал подыматься в гору. В одном месте я нашёл чей-то бивак. Осмотрев его внимательно, я убедился, что люди здесь ночевали давно и что это, по всей вероятности, были охотники.

Лес становился гуще и крупнее, кое-где мелькали тупые вершины кедров и остроко́нечные ели, всегда придающие лесу угрюмый вид. Незаметно для себя я перевалил ещё через один хребетник и спустился в соседнюю долину. По дну её бежал шумный ручей.

Усталый, я сел отдохнуть под большим кедром и стал рассматривать подлесье. Тут росли: даурская крушина с овально-заострёнными листьями и мелкими белыми цветами,

многоиглистый шиповник, небольшой кустарник с сильно колючими ветвями и жёлтая акация с ярко-золотистыми венчиками. Там и сям среди кустарников высились: зонтичная ангелика, вороний глаз с расходящимися во все стороны узкими ланцетовидными листьями и особый вид папоротника с листьями, напоминающими развёрнутое орлиное крыло, и вследствие этого называемый в просторечии «орляком».

Вдруг издали донеслись до меня какие-то однообразные и заунывные звуки. Они приближались, и вслед за тем я услышал совсем близко над своей головой шум птичьего полёта и глухое воркование. Тихонько я поднял голову и увидел восточносибирскую лесную горлицу. По неосторожности я что-то выронил из рук, горлица испугалась и стремительно скрылась в чаще. Потом я увидел восточного седоголового дятла. Эта лазящая птица с зеленовато-серым оперением и с красным пятном на голове, подвижная и суетливая, выражала особенное беспокойство, видимо, потому, что я сидел неподвижно. Она перелетала с одного места на другое и так же, как и первый дятел, пряталась за деревья. По другому, резкому крику я узнал кедровку. Вскоре я увидел её самое – большеголовую, пёструю и неуклюжую. Она проворно лазила по деревьям, лущила еловые шишки и так пронзительно кричала, как будто хотела лесу оповестить, что здесь есть человек.

Наконец мне наскучило сидеть на одном месте: я решил повернуть назад и идти навстречу своему отряду. В это время до слуха моего донёлся какой-то шорох. Слышно было, как кто-то осторожно шёл по чаще. «Должно быть, зверь», – подумал я и приготовил винтовку. Шорох приближался.

Притаив дыхание, я старался сквозь чащу леса рассмотреть приближающееся животное. Вдруг сердце моё упало – я увидел промышленника. По опыту прежних лет я знал, как опасны встречи с этими людьми.

В тайге Уссурийского края надо всегда рассчитывать на возможность встречи с дикими зверями. Но самое неприятное – это встреча с человеком. Зверь спасается от человека бегством, если же он и бросается, то только тогда, когда его преследуют. В таких случаях и охотник и зверь – каждый знает, что надо делать. Другое дело человек. В тайге один бог свидетель, и потому обычай выработал особую сноровку. Человек, завидевший другого человека, прежде всего должен спрятаться и приготовить винтовку.

В тайге все бродят с оружием в руках: туземцы, китайцы, корейцы и зверопромышленники. Зверопромышленник – это человек, живущий почти исключительно охотой. В большинстве случаев хозяйством его ведаёт отец, брат или кто-либо из близких родственников. Весьма интересно ходить с ним на охоту. У него много интересных приёмов, выработанных многолетним опытом: он знает, где держится зверь, как его обойти, где искать подранка. Способность ориентироваться, устроиться на ночь во всякую погоду, умение быстро, без шума открывать зверя, подражать крику животных – вот отличительные черты охотника-зверопромышленника.

Но надо отличать зверопромышленника от промышленника. Насколько первый в большинстве случаев отличается порядочностью, настолько надо опасаться встречи со вторым. Промышленник идёт в тайгу не для охоты, а вообще «на промысел». Кроме ружья, он имеет при себе сапёрную лопату и сумочку с кислотами. Он ищет золото, но при случае не прочь поохотиться за «косачами» (китайцами) и за «лебедями» (корейцами), не прочь угнать чужую лодку, убить корову и продать мясо её за оленину.

Встреча с таким «промышленником» гораздо опаснее, чем встреча со зверем. Надо всегда быть готовым к обороне. Малейшая оплошность – и неопытный охотник погиб. Старые охотники с первого взгляда разбирают, с кем имеют дело – с порядочным человеком или с разбойником.

Передо мной был именно промышленник. Одет он был в какой-то странный костюм, наполовину китайский, наполовину русский. Он шёл наискось мимо меня, сгорбившись, и

всё время оглядывался по сторонам. Вдруг он остановился, проворно сдёрнул с плеча свою винтовку и тоже спрятался за дерево. Я понял, что он меня увидел. В таком положении мы пробыли несколько минут. Наконец, я решил отступать. Тихонько я пополз по кустам назад и через минуту добрался до другого большого дерева. Промышленник тоже отходил и прятался в кустах.

Тогда я понял, что он меня боится. Он никак не мог допустить, что я мог быть один, и думал, что поблизости много людей. Я знал, что если я выстрелю из винтовки, то пуля пройдёт сквозь дерево, за которым спрятался бродяга, и убьёт его. Но я тотчас же поймал себя на другой мысли: он уходил, он боится, и если я выстрелю, то совершу убийство. Я отошёл ещё немного и оглянулся. Чуть-чуть между деревьями мелькала его синяя одежда. У меня отлегло от сердца.

Осторожно, от дерева к дереву, от камня к камню, я стал удаляться от опасного места и, когда почувствовал себя вне выстрелов, вышел на тропинку и спешно пошёл назад к своему отряду.

Через полчаса я был на том месте, где расходились дороги.

Я вспомнил уроки Дерсу и стал рассматривать обе тропы. Свежие конские следы шли влево.

Я пошёл скорее и через полчаса подходил к Фудзину. За рекой я увидел китайскую фанзу, окружённую частоколом, а около неё на отдыхе наш отряд.

Местность эта называется Иолайза. Это была последняя земледельческая фанза. Дальше шла тайга – дикая и пустынная, оживающая только зимой на время соболевания.

Отряд ожидал моего возвращения. Я приказал рассёдлывать коней и ставить палатки. Здесь надо было в последний раз пополнить запасы продовольствия.

Глава 11. Сквозь тайгу

После короткого отдыха я пошёл осматривать тазовские фанзы, расположенные по соседству с китайскими. Аборигены Уссурийского края, обитающие в центральной части горной области Сихотэ-Алиня и на побережье моря к северу до мыса Успения, называют себя «удэ-хе»⁷². Те, которые жили в южной части страны, со временем окитаились, и теперь уже их совершенно нельзя отличить от манз. Китайцы называют их да-цзы, что значит ино-родец (не русский, не кореец и не китаец). Отсюда получилось искажённое русскими слово «тазы». Характерны для этих ассимилированных туземцев бедность и неряшливость: бедность в фанзе, бедность в одежде и бедность в еде.

Когда я подходил к их жилищу, навстречу мне вышел таз. Одетый в лохмотья, с большими глазами и с паршой на голове, он приветствовал меня, и в голосе его чувствовались и страх и робость. Неподдалёку от фанзы с собаками играли ребяташки; у них на теле не было никакой одежды.

Фанза была старенькая, покосившаяся; кое-где со стен её обвалилась глиняная штукатурка; старая, заплата и пожелтевшая от времени бумага в окнах во многих местах была прорвана; на пыльных канах лежали обрывки циновок, а на стене висели какие-то выцветшие и закоптелые тряпки. Всюду запустение, грязь и нищета.

Раньше я думал, что это от лени, но потом убедился, что такое обеднение тазов происходит от других причин – именно от того положения, в котором они очутились среди китайского населения. Из расспросов выяснилось, что китаец, владелец фанзы Иолайза, является цайдуном⁷³ (хозяин реки). Все туземцы, живущие на Фудзине, получают от него в кредит опиум, спирт, продовольствие и материал для одежды. За это они обязаны отдавать ему всё, что добудут на охоте: соболей, панты, женьшень и т. д. Вследствие этого тазы впали в неоплатные долги. Случалось не раз, что за долги от них отбирали жён и дочерей и нередко самих продавали в другие руки, потом в третьи, и т. д. Иностранцы эти, столкнувшись с китайской культурой, не смогли с ней справиться и подпали под влияние китайцев. Жить как земледельцы они не умели, а от жизни охотника и зверолова отстали. Китайцы воспользовались их беспомощностью и сумели сделаться для них необходимыми. С этого момента тазы утратили всякую самостоятельность и превратились в рабов.

Возвращаясь от них, я сбился с дороги и попал к Фудзину. Здесь, на реке, я увидел двух китайцев, занимающихся добыванием жемчуга. Один из них стоял на берегу и изо всей силы упирал шест в дно реки, а другой опускался по нему в воду. Правой рукой он собирал раковины, а левой держался за палку. Необходимость работать с шестом вызывается быстрым течением реки. Водолаз бывает под водой не более полминуты. Задержанное дыхание позволило бы ему пробыть там и дольше, но низкая температура воды заставляет его скоро всплывать наверх. Вследствие этого китайцы ныряют в одежде.

Я сел на берегу и стал наблюдать за их работой. После короткого пребывания в воде водолаз минут пять грелся на солнце. Так как они чередовались, то выходило, что в час каждый из них спускался не более десяти раз. За это время они успели достать всего только восемь раковин-маргариток, из которых ни одной не было с жемчугом. На задаваемые вопросы китайцы объяснили, что примерно из пятидесяти раковин одна бывает с жемчугом. За лето они добывают около двухсот жемчужин на сумму 500–600 рублей. Китайцы эти не ограничиваются одним Фудзином, ходят по всему краю и выискивают старые тенистые протоки. Самым лучшим местом жемчужного лова считается река Ваку.

---

⁷² Две последние буквы произносятся чуть слышно.

⁷³ Цай-дун – владелец капитала.

Вскоре китайцы приостановили свою работу, надели сухую одежду и выпили немного подогретой водки. Затем они уселись на берегу, стали молотками разбивать раковины и искать в них жемчуг. Я вспомнил, что раньше по берегам рек мне случалось встречать такие кучи битых раковин. Тогда я не мог найти этому объяснения. Теперь мне всё стало понятным. Конечно, искание жемчуга ведётся хищнически. Раковины разбиваются и тут же бросаются на месте. Из восьмидесяти раковин китайцы отложили две драгоценные. Сколько я ни рассматривал их, не мог найти жемчуга до тех пор, пока мне его не указали. Это были небольшие наросты блестящего грязновато-серого цвета. Перламутровый слой был гораздо ярче и красивее, чем сам жемчуг.

После того как раковины просохли, китайцы осторожно ножами отделили жемчужины от створок и убрали их в маленькие кожаные мешочки. Пока я был у тазов и смотрел, как китайцы ловят жемчуг, незаметно подошёл вечер. В нашей фанзе зажгли огонь.

После ужина я расспрашивал китайцев о дороге к морю. Или они не хотели указать места, где находятся зверовые фанзы, или у них были какие-либо другие причины скрывать истину, только я заметил, что они давали уклончивые ответы. Они говорили, что к морю по реке Ли-Фудзину⁷⁴ давно уже никто не ходит, что тропа заросла и завалена буреломом. Китайцы рассчитывали, что мы повернём назад, но, видя наше настойчивое желание продолжать путь, стали рассказывать всевозможные небылицы: пугали медведями, тиграми, говорили о хунхузах и т. д. Вечером Гранатман ходил к тазам и хотел нанять у них проводника, но китайцы предупредили его и воспретили тазам указывать дорогу. Приходилось нам рассчитывать на собственные силы и руководствоваться только расспросными данными, которым тоже нельзя было особенно доверять.

На следующий день мы выступили из Иолайзы довольно рано. Путеводной нитью нам служила небольшая тропка. Сначала она шла по горам с левой стороны Фудзина, а затем, миновав небольшой болотистый лесок, снова спустилась в долину. Размытая почва, галечниковые отмели и ямы – всё это указывало на то, что река часто выходит из берегов и затопляет долину.

День выпал томительный, жаркий. Истома чувствовалась во всём. Ни малейшего дуновения ветра. Знойный воздух словно окаменел. Все живое замерло и притаилось. В стороне от дороги сидела какая-то хищная птица, раскрыв рот. Видимо, и ей было жарко.

По мере того как мы удалялись от фанзы, тропа становилась всё хуже и хуже. Около леса она разделилась надвое. Одна, более торная, шла прямо, а другая, слабая, направлялась в тайгу. Мы стали в недоумении. Куда идти?

Вдруг из чащи леса вышел китаец. На вид ему было лет сорок. Его загорелое лицо, изорванная одежда и изношенная обувь свидетельствовали о том, что он шёл издалека. За спиной у него была тяжёлая котомка. На одном плече он нёс винтовку, а в руках имел палку, приспособленную для того, чтобы стрелять с неё, как с упора. Увидев нас, китаец испугался и хотел было убежать, но казаки закричали ему, чтобы он остановился. Китаец с опаской подошёл к ним. Скоро он успокоился и стал отвечать на задаваемые вопросы. Из его слов удалось узнать, что по торной тропе можно выйти на реку Тадушу, которая впадает в море значительно севернее залива Ольги, а та тропа, на которой мы стояли, идёт сперва по речке Чау-сун⁷⁵, а затем переваливает через высокий горный хребет и выходит на реку Синанцу, впадающую в Фудзин в верхнем его течении. На Синанце тропа опять разделяется надвое. Конная идёт на Янмутъхоузу (приток Улахе), а другая тропа после шестого брода подымается налево в горы.

Это и есть наш путь. Здесь надо хорошо смотреть, чтобы не пройти её мимо.

---

⁷⁴ Ли-фу-цзинь – внутренний Фу-цзинь.

⁷⁵ Чао-су – чёрная сосна.

Поблагодарив китайца за сведения, мы смело пошли вперёд. Жилые фанзы, луга, пашни и открытые долины – всё осталось теперь позади.

Всякий раз, когда вступаешь в лес, который тянется на несколько сот километров, невольно испытываешь чувство, похожее на робость. Такой первобытный лес – своего рода стихия, и немудрёно, что даже туземцы, эти привычные лесные бродяги, прежде чем переступить границу, отделяющую их от людей и света, молятся Богу и просят у Него защиты от злых духов, населяющих лесные пустыни.

Чем дальше, тем больше лес был завален колодником. В горах растительный слой почвы очень незначителен, поэтому корни деревьев не углубляются в землю, а распространяются по поверхности. Вследствие этого деревья стоят непрочно и легко опрокидываются ветрами. Вот почему тайга Уссурийского края так завалена буреломом. Упавшее дерево поднимает кверху свои корни вместе с землёй и с застрявшими между ними камнями. Сплошь и рядом такие баррикады достигают высоты до 4–6 метров. Вот почему лесные тропы очень извилисты. Приходится всё время обходить то одно поваленное дерево, то другое. Всегда надо принимать во внимание эти извилины и считать все расстояния в полтора раза больше, чем они показаны на картах. Деревья, растущие внизу, в долине, более прочно укрепляются в толще наносной земли.

Здесь можно видеть таких лесных великанов, которые достигают 25–35 метров высоты и 3,7–4,5 метра в окружности. Нередко старые тополя служат берлогами медведям. Иногда охотники в одном дупле находят две-три медвежьи лёжки.

Долинный лес иногда бывает так густ, что сквозь ветки его совершенно не видно неба. Внизу всегда царит полумрак, всегда прохладно и сыро. Утренний рассвет и вечерние сумерки в лесу и в местах открытых не совпадают по времени. Чуть только тучка закроет солнце, лес сразу становится угрюмым, и погода кажется пасмурной. Зато в ясный день освещённые солнцем стволы деревьев, ярко-зелёная листва, блестящая хвоя, цветы, мох и пёстрые лишайники принимают декоративный вид.

К сожалению, всё, что может дать хорошая погода, отравляется гнусом. Трудно передать мучения, которые испытывает человек в тайге летом. Описать их нельзя – это надо перечувствовать.

Часа три мы шли без отдыха, пока в стороне не послышался шум воды. Вероятно, это была та самая река Чаусун, о которой говорил китаец-охотник. Солнце достигло своей кульминационной точки на небе и палило вовсю. Лошади шли, тяжело дыша и понурились. В воздухе стояла такая жара, что даже в тени могучих кедровников нельзя было найти прохлады. Не слышно было ни зверей, ни птиц; только одни насекомые носились в воздухе, и чем сильнее припекало солнце, тем больше они проявляли жизни.

Я полагал было остановиться на привал, но лошади отказывались от корма и жались к дымокурам. Сидение на месте в таких случаях тяжелее похода. Я велел опять заседлать коней и идти дальше. Часа в два дня тропа привела нас к горам, покрытым осыпями. Отсюда начинался подъём на хребет. Всё было так, как говорил охотник-китаец.

На самом перевале стояла маленькая кумирня. Читатель, может быть, подумает, что это большая каменная постройка. Если бы не красные тряпицы, повешенные на соседние деревья, то можно было бы пройти мимо неё и не заметить. Представьте себе два плоских камня, поставленных на ребро, и третий такой же камень, покрывающий их сверху. Вот вам и кумирня! В глубине её помещаются лубочные картинки, изображающие богов, иногда деревянные дощечки с надписями религиозного содержания. При внимательном осмотре около камней можно заметить огарки бумажных свечей, пепел, щепотку риса, кусочек сахара и т. д. Это жертвы «духу гор и лесов», охраняющему прирост богатства.

По другую сторону хребта тропа привела нас к зверовой фанзе, расположенной на левом берегу Синанцы. Хозяин её находился в отлучке.

Я решил дожидаться его возвращения и приказал людям устраивать бивак.

Часов в пять вечера владелец фанзы явился. Увидев стрелков, он испугался и тоже хотел было убежать, но казаки задержали его и привели ко мне. Скоро он убедился в том, что мы не хотим причинить ему зла, и стал охотно отвечать на вопросы. Это был таз лет тридцати, с лицом, сильно изрытым оспой. Из его слов я понял, что он работает на хозяина фанзы Иолайза, у которого состоит в долгах. Сумму своего долга он, конечно, не знал, но чувствовал, что его обижают. На предложение проводить нас до Сихотэ-Алиня он отказался на том основании, что если китайцы узнают об этом, то убьют его. Я не стал настаивать, но зато узнал, что мы идём правильно. Чтобы расположить таза в свою пользу, я дал ему двадцать пять берданочных патронов. Он так обрадовался этому подарку, что стал петь и плясать и затем заявил, что укажет нам дорогу до следующей фанзы, где живут два зверобойщика-китайца.

До сумерек было ещё далеко. Я взял свою винтовку и пошёл осматривать окрестности. Отойдя от бивака с километр, я сел на пень и стал слушать. В часы сумерек пернатое население тайги всегда выказывает больше жизни, чем днём. Мелкие птицы взбирались на верхушки деревьев, чтобы взглянуть оттуда на угасающее светило и послать ему последнее прости.

Я весь ушёл в созерцание природы и совершенно забыл, что нахожусь один, вдали от бивака. Вдруг в стороне от себя я услышал шорох. Среди глубокой тишины он показался мне очень сильным. Я думал, что идёт какое-нибудь крупное животное, и приготовился к обороне, но это оказался барсук. Он двигался мелкой рысцой, иногда останавливался и что-то искал в траве; он прошёл так близко от меня, что я мог достать его концом ружья. Барсук направился к ручью, полакал воду и заковылял дальше. Опять стало тихо.

Вдруг резкий, пронзительный и отрывистый писк, похожий на звонкое щёлканье ножницами, раздался сзади. Я обернулся и увидел пищуху. Зверёк этот имеет весьма большое распространение по всему востоку и северо-востоку Сибири. Он похож на маленького кролика, только без длинных ушей; общая окраска его буро-серая. Любимым местопребыванием пищух являются каменистые осыпи по склонам гор и россыпи в долинах, слегка прикрытые мхами. Животное это дневное, но крайне осторожное и пугливое. Его очень трудно убить так, чтобы не испортить шкуру; она разрывается на части от одной дробины.

Моё движение испугало зверька и заставило быстро скрыться в норку. По тому, как он прятался, видно было, что опасность приучила его быть всегда настороже и не доверяться предательской тишине леса. Затем я увидел бурундука. Эта пёстренькая земляная белка, бойкая и игривая, проворно бегала по колоднику, влезала на деревья, спускалась вниз и снова пряталась в траве. Окраска бурундука пёстрая, жёлтая; по спине и по бокам туловища тянется пять чёрных полос.

Животное это равномерно распространено по всему Уссурийскому краю. Его одинаково можно встретить как в густом смешанном лесу, так и на полях около редколесья. Убегая, оно подымает пронзительный писк и тем выдаёт себя. Китайцы иногда употребляют его шкурки на оторочки своих головных уборов.

Я заметил, что бурундук постоянно возвращается к одному и тому же месту и каждый раз что-то уносит с собой. Когда он уходил, его защёчные мешки были туго набиты, когда же он появлялся снова на поверхности земли, рот его был пустой.

Меня эта картина очень заинтересовала. Я подошёл ближе и стал наблюдать. На колоднике лежали сухие грибки, корешки и орехи. Так как ни грибов, ни кедровых орехов в лесу ещё не было, то, очевидно, бурундук вытащил их из своей норки. Но зачем? Тогда я вспомнил рассказы Дерсу о том, что бурундук делает большие запасы продовольствия, которых ему хватает иногда на два года. Чтобы продукты не испортились, он время от времени выносит их наружу и сушит, а к вечеру уносит обратно в свою норку.

Посидев ещё немного, я пошёл дальше. Всё время мне попадался в пути свежеперевернутый колодник. Я узнал работу медведя. Это его любимейшее занятие. Слоняясь по тайге, он подымает бурелом и что-то собирает под ним на земле. Китайцы в шутку говорят, что медведь сушит валежник, поворачивая его к солнцу то одной, то другой стороной.

На обратном пути как-то само собой вышло так, что я попал на старый след. Я узнал огромный кедр, у которого останавливался, перешёл через ручей по знакомому мне поваленному дереву, миновал каменную осыпь и незаметно подошёл к тому колоднику, на котором бурундук сушил свои запасы. На месте норки теперь была глубокая яма. Орехи и грибы разбросаны по сторонам, а на свежерытой земле виднелись следы медведя. Всё стало ясно. Косолапый разорил гнездо бурундука, поел его запасы и, может быть, съел и самого хозяина.

Между тем подошёл и вечер. Заря угасла, потемнел воздух, и ближние и дальние деревья приняли одну общую однотонную окраску, которую нельзя назвать ни зелёной, ни серой, ни чёрной. Кругом было так тихо, что казалось, будто в ушах звенит. В темноте мимо меня с гудением пронёсся какой-то жук. Я шёл осторожно, стараясь не оступиться. Вдруг в стороне раздался сильный шум. Какое-то большое животное стояло впереди и сопело. Я хотел было стрелять, но раздумал.

Испуганный зверь мог убежать, но мог и броситься. Минута мне показалась вечно-стью. Я узнал медведя. Он усиленно нюхал воздух. Я долго стоял на месте, не решаясь пошевелиться, наконец не выдержал и осторожно двинулся влево. Не успел я сделать двух шагов, как услышал уханье зверя и треск ломаемых сучьев. Сердце моё сжалось от страха. Инстинктивно я поднял ружьё и выстрелил в его сторону. Удаляющийся шум показывал, что животное убегало. Через минуту с бивака послышался ответный выстрел.

Тогда я вернулся назад и пошёл в прежнем направлении. Через полчаса я увидел огни бивака. Яркое пламя освещало землю, кусты и стволы деревьев. Вокруг костров суетились люди. Вьючные лошади паслись на траве; около них разложены были дымокуры. При моём приближении собаки подняли лай и бросились навстречу, но, узнав меня, сконфузились и в смущении вернулись обратно. С заходом солнца крупная мошка исчезла и на её месте появился мокрец⁷⁶ – мельчайшие, почти невидимые для глаза насекомые. Когда начинают гореть уши – это первый признак появления мелкой мошки. Потом кажется, что на лицо ложится колючая паутина. Особенно сильное ощущение зуда бывает на лбу. Мокрец набивается в волосы, лезет в уши, нос и рот. Люди ругаются, плюются и то и дело обтирают лицо руками. Стрелки поддели под фуражки носовые платки, чтобы хоть немного защитить шею и затылок. Меня мучила жажда, и я попросил чаю.

– Пить нельзя, – сказал казак Эпов, подавая кружку.

Я поднёс её к губам и увидел, что вся поверхность чая была покрыта какой-то пылью.

– Что это такое? – спросил я казака.

– Гнус, – ответил он. – Его обварило паром, он напал в горячую воду.

Сначала я пробовал сдуть мошек ртом, потом принялся снимать их ложкой, но каждый раз, как я прекращал работу, они снова наполняли кружку. Казак оказался прав. Так напиться чаю мне и не удалось. Я выплеснул чай на землю и залез в свой комарник.

После ужина люди начали устраиваться на ночь. Некоторые из них поленились ставить комарники и легли спать на открытом воздухе, покрывшись одеялами. Они долго ворочались, охали, ахали, кутались с головой, но это не спасало их от гнуса. Мелкие насекомые пробирались в каждую маленькую складку. Наконец один из них не выдержал.

– Нате, ешьте, чёрт вас возьми! – крикнул он, раскрываясь, и раскинул в сторону руки.

Раздался общий смех. Оказалось, что не он один, все не спали, но никому первому не хотелось вставать и раскладывать дымокуры. Минуты через две разгорелся костёр. Стрелки

---

⁷⁶ Мелкая ночная мошка.

смеялись друг над другом, опять охали и ругались. Мало-помалу на биваке стала водворяться тишина. Миллионы комаров и мошек облепили мой комарник. Под жужжание их я начал дремать и вскоре уснул крепким сном.

Глава 12. Великий лес

Утром я проснулся от говора людей. Было пять часов. По фырканию коней, по тому шуму, который они издавали, обмахиваясь хвостами, и по ругани казаков я догадался, что гнуса много. Я поспешно оделся и вылез из комарника. Интересная картина представилась моим глазам. Над всем нашим биваком кружились несметные тучи мошки. Несчастные лошади, уткнув морды в самые дымокуры, обмахивались хвостами, трясли головами.

На месте костра поверх золы лежал слой мошкары. В несметном количестве она падала на огонь до тех пор, пока он не погас.

От гнуса может быть только два спасения: большие дымокуры и быстрое движение. Сидеть на месте не рекомендуется. Отдав приказ выючить коней, я подошёл к дереву, чтобы взять ружьё, и не узнал его. Оно было покрыто густым серо-пепельным налётом – всё это были мошки, прилипшие к маслу. Наскоро собрав свои инструменты и не дожидаясь, когда завьют коней, я пошёл по тропинке.

В километре от фанзы тропа разделилась надвое. Правая пошла на реку Улахе, а левая – к Сихотэ-Алиню. Здесь таз остановился: он указал ту тропу, которой нам следовало держаться, и, обращаясь ко мне, сказал:

– Капитан! Дорога хорошо смотри. Кони ходи есть, тебе ходи есть, кони ходи нету, тебе ходи нету.

Для непривычного уха такие фразы показались бы бессмысленным набором слов, но я понял его сразу. Он говорил, что надо придерживаться конной тропы и избегать пешеходной.

Когда подошли лошади, таз вернулся обратно, и мы отправились по новой дороге вверх по Синанце.

В этих местах растёт густой смешанный лес с преобладанием кедра. Сильно размытые берега, бурелом, нанесённый водой, рывины, ямы, поваленные деревья и клочья сухой травы, застрявшие в кустах, – всё это свидетельствовало о недавних больших наводнениях.

Реки Уссурийского края обладают свойством после каждого наводнения перемещать броды с одного места на другое. Найти замытую тропу не так-то легко. На розыски её были посланы люди в разные стороны. Наконец тропа была найдена, и мы весело пошли дальше.

На пути нам встречались звериные следы, между которыми было много тигровых. Два раза мы спугивали оленей и кабанов, стреляли по ним, но убить не удалось – люди торопились и мешали друг другу.

Уссурийские леса кажутся пустынными. Такое впечатление является благодаря отсутствию певчих птиц. Кое-где по пути я видел уссурийских соек. Эти дерзкие беспокойные птицы всё время шмыгали с одной ветки на другую и провожали нас резкими криками. Желая рассмотреть их, я попробовал подойти к ним поближе. Сойки сперва старались скрыться в листве и улетели только тогда, когда заметили, что я настойчиво их преследую. При полёте благодаря синему оперению крыльев с белым зеркалом они кажутся красивее, чем на самом деле.

Время от времени в лесу слышались странные звуки, похожие на барабанный бой. Скоро мы увидели и виновника этих звуков – то была желна. Недоверчивая и пугливая, чёрная с красной головкой, издали она похожа на ворону. С резкими криками желна перелетала с одного места на другое и, как все дятлы, пряталась за деревья.

В сырой чаще около речки ютились рябчики. Испуганные приближением собак, они отлетели в глубь леса и стали пересвистываться. Дьяков и Мелян хотели было поохотиться за ними, но рябчики не подпускали их близко.

Я уговорил стрелков не тратить времени попусту и идти дальше.

С одного дерева снялась большая хищная птица. Это был царь ночи – уссурийский филин. Он сел на сухостойную ель и стал испуганно озираться по сторонам. Как только мы стали приближаться к нему, он полетел куда-то в сторону. Больше мы его не видели.

Геология долины Синанцы очень проста. Это тектоническая долина, идущая сначала с юго-запада, а потом поворачивающая на север вдоль Сихотэ-Алиня. По среднему течению реки (с левой стороны) в местности Идагоуза⁷⁷ встречаются осыпи из мелкозернистого гранита, а ниже фельзитовый порфирит, разложившийся апплит и миндалевидный диабаз с кальцитом и халцедоном.

Чем более мы углублялись в горы, тем порожистее становилась река. Тропа стала часто переходить с одного берега на другой. Деревья, упавшие на землю, служили природными мостами. Это доказывало, что тропа была пешеходная. Помня слова таза, что надо придерживаться конной тропы, я удвоил внимание к югу. Не было сомнения, что мы ошиблись и пошли не по той дороге. Наша тропа, вероятно, свернула в сторону, а эта, более торная, несомненно, вела к истокам Улахе.

К вечеру мы дошли до зверовой фанзы. Хозяева её отсутствовали, и расспросить было некого. На общем совете решено было, оставив лошадей на биваке, разойтись в разные стороны на разведку. Г. И. Гранатман пошёл прямо, А. И. Мерзляков – на восток, а я должен был вернуться назад и постараться разыскать потерянную тропинку.

К вечеру, как только ветер стал затихать, опять появился мокрец. Маленькие кровопийцы с ожесточением набросились на людей и лошадей.

День кончился. Последние отблески вечерней зари угасли на небе, но прохлады не было. Нагретая земля и вечером ещё продолжала излучать теплоту. Лесные травы благоухали. От реки подымались густые испарения. Казаки вокруг бивака кольцом разложили дымокуры. Люди и лошади жались к дыму и сторонились чистого воздуха. Когда все необходимые бивачные работы были закончены, я приказал поставить свой камарник и забился под спасительный полог. Через час стемнело совсем. Взошла луна и своим мягким фосфорическим светом озарила лес. Вскоре после ужина весь бивак погрузился в сон: не спали только собаки, лошади да очередные караульные.

На другой день было ещё темно, когда я вместе с казаком Белоножкиным вышел с бивака. Скоро начало светать; лунный свет поблек; ночные тени исчезли; появились более мягкие тона. По вершинам деревьев пробежал утренний ветерок и разбудил пернатых обитателей леса. Солнышко медленно взбиралось по небу всё выше и выше, и вдруг живительные лучи его брызнули из-за гор и разом осветили весь лес, кусты и траву, обильно смоченные росой.

Около первой зверовой фанзы мы действительно нашли небольшую тропинку, отходящую в сторону. Она привела нас к другой такой же фанзочке. В ней мы застали двух китайцев. Один был молодой, а другой – старик. Первый занимался охотой, второй был искателем женьшеня. Молодой китаец был лет двадцати пяти, крепкого телосложения. По лицу его видно было, что он наслаждался жизнью, был счастлив и доволен своей судьбой. Он часто смеялся и постоянно забавлял себя детскими выходками. Старик был высокого роста, худощавый и более походил на мумию, чем на живого человека. Сильно морщинистое и загорелое лицо и седые волосы на голове указывали на то, что годы его перевалили за седьмой десяток. Оба китайца были одеты в синие куртки, синие штаны, наколенники и улы, но одежда молодого китайца была новая, щеголеватая, а платье старика – старое и заплатанное. На головах у того и другого были шляпы: у первого – соломенная покупная, у второго – берестяная самодельная.

---

⁷⁷ И-да-фоу-цзы – долина первой дороги.

Манзы сначала испугались, но потом, узнав, в чём дело, успокоились. Они накормили нас чумизной кашей и дали чаю. Из расспросов выяснилось, что мы находимся у подножия Сихотэ-Алиня, что далее к морю дороги нет вовсе и что тропа, по которой прошёл наш отряд, идёт на реку Чжюдямогоу⁷⁸, входящую в бассейн верхней Улахе.

Тогда я влез на большое дерево, и то, что увидел сверху, вполне совпадало с планом, который старик начертил мне палочкой на земле. На востоке виднелся зубчатый гребень Сихотэ-Алиня. По моим расчётам, до него было ещё два дня ходу. К северу, насколько хватал глаз, тянулась слабо всхолмлённая низина, покрытая громадными девственными лесами. В больших лесах всегда есть что-то таинственное, жуткое. Человек кажется маленьким, затерявшимся. На юг и дальше на запад характер страны вновь становится гористый. Другой горный хребет шёл параллельно Сихотэ-Алиню, за ним текла, вероятно, Улахе, но её не было видно. Такая топография местности меня немало удивила. Казалось, что чем ближе подходить к водоразделу, тем характер горной страны должен быть выражен интенсивнее. Я ожидал увидеть высокие горы и остроконечные причудливые вершины. Оказалось наоборот, около Сихотэ-Алиня были пологие холмы, изрезанные мелкими ручьями. Это результат эрозии.

Сориентировавшись, я спустился вниз и тотчас отправил Белоножкина назад к П. К. Рутковскому с извещением, что дорога найдена, а сам остался с китайцами. Узнав, что отряд наш придёт только к вечеру, манзы собрались идти на работу. Мне не хотелось оставаться одному в фанзе, и я пошёл вместе с ними.

Старик держал себя с большим достоинством и говорил мало, зато молодой китаец оказался очень словоохотливым. Он рассказал мне, что у них в тайге есть женьшеневая плантация и что именно туда они и направляются. Я так увлёкся его рассказами, что потерял направление пути и без помощи китайцев, вероятно, не нашёл бы дороги обратно. Около часа мы шли косогорами, перелезали через какую-то скалу, потом спустились в долину. На пути нам встречались каскадные горные ручьи и глубокие овраги, на дне которых лежал ещё снег. Наконец мы дошли до цели своего странствования. Это был северный нагорный склон, поросший густым лесом.

Читатель ошибётся, если вообразит себе женьшеневую плантацию в виде поляны, на которой посеяны растения. Место, где найдено было в разное время несколько корней женьшеня, считается удобным. Сюда переносятся и все другие корни. Первое, что я увидел, – это навесы из кедрового корья для защиты женьшеня от палящих лучей солнца. Для того чтобы не прогрелась земля, с боков были посажены папоротники и из соседнего ручья проведена узенькая канавка, по которой сочилась вода.

Дойдя до места, старик опустил на колени, сложил руки ладонями вместе, приложил их ко лбу и дважды сделал земной поклон. Он что-то говорил про себя, вероятно, молился. Затем он встал, опять приложил руки к голове и после этого принялся за работу. Молодой китаец в это время развешивал на дереве красные тряпицы с иероглифическими письменами.

Женьшень! Так вот он каков!

Нигде на земле нет другого растения, вокруг которого сгруппировалось бы столько легенд и сказаний. Под влиянием литературы или под влиянием рассказов китайцев, не знаю почему, но я тоже почувствовал благоговение к этому невзрачному представителю аралиевых. Я встал на колени, чтобы ближе рассмотреть его. Старик объяснил это по-своему: он думал, что я молюсь. С этой минуты я совсем расположил его в свою пользу.

Оба китайца занялись работой. Они убирали сухие ветки, упавшие с деревьев, пересаживали два каких-то куста и полили их водой. Заметив, что воды идёт в питомник мало, они

---

⁷⁸ Чжу-цзя-ма-гоу – долина семьи Чжу, где растёт конопля.

пустили её побольше. Потом они стали полоть сорные травы, но удаляли не все, а только некоторые из них, и особенно были недовольны, когда поблизости находили элеутерококк.

Предоставив им заниматься своим делом, я пошёл побродить по тайге. Опасаясь заблудиться, я направился по течению воды, с тем чтобы назад вернуться, по тому же ручью. Когда я возвратился на женьшеневую плантацию, китайцы уже окончили свою работу и ждали меня. К фанзе мы подошли с другой стороны, из чего я заключил, что назад мы шли другой дорогой.

Незадолго перед сумерками к фанзочке подошёл отряд. Китайцы уступили нам немного буды, хотя у них самих её было мало. Вечером мне удалось уговорить их провести нас за Сихотэ-Алинь, к истокам Вай-Фудзина. Провожатым согласился быть сам старик, но по своей слабости он мог пройти только до водораздела. Дальше проводником обещал быть молодой китаец. Ему непременно нужно было добраться до земледельческих фанз и купить там муки и чумизы. Старик поставил условием, чтобы на него не кричали и не вступали с ним в пререкания. О первом пункте не могло быть и речи, а со вторым мы все охотно согласились.

Чуть только смерклось, снова появился гнус. Китайцы разложили дымокур внутри фанзы, а мы спрятались в свои комарники.

Успокоенные мыслью, что с помощью провожатых перейдём через Сихотэ-Алинь, мы скоро уснули. Теперь была только одна забота: хватит ли продовольствия?

На следующий день в восемь часов утра мы были уже готовы к выступлению. Старик пошёл впереди, за ним последовал молодой китаец и два стрелка с топорами, затем остальные люди и вьючные лошади. Старик держал в руках длинный посох. Он ничего не говорил и только молча указывал направление, которого следовало держаться, и тот валежник, который следовало убрать с дороги. Несмотря на постоянные задержки в пути, отряд наш подвигался вперёд всё же довольно быстро. Китайцы долго держались юго-западного направления и только после полудня повернули на юг.

Ближайшие предгорья Сихотэ-Алиня состоят из порфириоиды и порфиристого туфа. Горные породы на дневной поверхности распались на обломки и образовали осыпи, покрытые мхами и заросшие кустарниками.

В Уссурийском крае едва ли можно встретить сухие хвойные леса, то есть такие, где под деревьями земля усеяна осыпавшейся хвоей и не растёт трава. Здесь всюду сыро, всюду мох, папоротники и мелкие осоки.

Сегодня первый раз приказано было сократить выдачу буды наполовину. Но и при этом расчёте продовольствия могло хватить только на двое суток. Если по ту сторону Сихотэ-Алиня мы не сразу найдём жилые места, придётся голодать. По словам китайцев, раньше в истоках Вай-Фудзина была зверовая фанза, но теперь они не знают, существует она или нет.

Я хотел было остановиться и заняться охотой, но старик настаивал на том, чтобы не задерживаться и идти дальше. Помня данное ему обещание, я подчинился его требованиям.

Нужно отдать справедливость старику, что он вёл нас очень хорошо. В одном месте он остановился и указал на старую тропу, заросшую травой и кустарником. Это был тот старинный путь, по которому уссурийские манзы раньше сообщались с заливом Ольги. Этой дорогой в шестидесятых годах XIX столетия прошли Будищев и Максимович. Передо мной сразу встали их образы и сделанные ими описания. Судя по тому, насколько этот путь был протоптан, видно было, что здесь ранее происходило большое движение. Когда же военный порт был перенесён из Николаевска во Владивосток, китайские охотники перестали ходить этой дорогой, тропа заросла и совершенно утратила своё значение.

За последние дни люди сильно обносились: на одежде появились заплатки; изорванные головные сетки уже не приносили пользы; лица были изъедены в кровь; на лбу и около ушей появилась экзема.

Ограниченные запасы продовольствия заставили нас торопиться. Мы сократили большой привал до тридцати минут и во вторую половину дня шли до самых сумерек.

Такой большой переход трудно достался старику. Как только мы остановились на бивак, он со стоном опустился на землю и без посторонней помощи не мог уже подняться на ноги.

У меня во фляге нашлось несколько капель рома, который я берег на тот случай, если кто-нибудь в пути заболеет. Теперь такой случай представился. Старик шёл для нас, завтра ему придётся идти опять, а потом возвращаться обратно.

Я вылил в кружку весь ром и подал ему. В глазах китайца я прочёл выражение благодарности. Он не хотел пить один и указывал на моих спутников. Тогда мы все сообща стали его уговаривать. После этого старик выпил ром, забрался в свой комарник и лёг спать. Я последовал его примеру.

Прислушиваясь к жужжанию мошек и комаров, я вспомнил библейское сказание о казнях египетских: «Появилось множество мух, которые нестерпимо уязвляли египтян». В стране, где сухо, где нет москитов, случайное появление их казалось ужасной казнью, здесь же, в Приамурском крае, гнус был обычным явлением.

Чуть брезжило, когда меня разбудил старик китаец.

– Надо ходи! – сказал он лаконически.

Закусив немного холодной кашицей, оставленной от вчерашнего ужина, мы тронулись в путь. Теперь проводник-китаец повернул круто на восток. Сразу с бивака мы попали в область размытых гор, предшествовавших Сихотэ-Алиню. Это были невысокие холмы с пологими склонами. Множество ручьёв текло в разные стороны, так что сразу трудно ориентироваться и указать то направление, куда стремилась выйти вода.

Чем ближе мы подходили к хребту, тем лес становился все гуще, тем больше он был завален колодником. Здесь мы впервые встретили тис, реликтовый представитель субтропической флоры, имевшей когда-то распространение по всему Приамурскому краю. Он имеет красную кору, красноватую древесину, красные ягоды и похож на ель, но ветви его расположены, как у лиственного дерева.

Здесьшний подлесок состоит главным образом из актинидии, которую русские переселенцы называют почему-то кишмишом, жимолости Маака, барбариса, маньчжурского орешника с неровно-зубчатыми листьями и мохового мирта с белыми чешуйками на листьях и с белыми цветами. Из цветковых растений чаще всего попадались на глаза бело-розовые пионы, собираемые китайскими знахарями на лекарства, затем – охотский лесной хмель с лапчато-зубчатыми листьями и фиолетовыми цветами и клинтонил, крупные сочные листья которой расположены розеткой.

К сумеркам мы дошли до водораздела. Люди сильно проголодались, лошади тоже нуждались в отдыхе. Целый день они шли без корма и без привалов. Поблизости бивака нигде травы не было. Кони так устали, что, когда с них сняли вьюки, они легли на землю. Никто не узнал бы в них тех откормленных и крепких лошадей, с которыми мы вышли со станции Шмаковка. Теперь это были исхудалые животные, измученные бескормией и гнусом.

Китайцы поделились со стрелками жидкой похлёбкой, которую они сварили из листьев папоротника и остатков чумизы. После такого лёгкого ужина, чтобы не мучиться голодом, все люди легли спать. И хорошо сделали, потому что завтра выступление было назначено ещё раньше, чем сегодня.

Глава 13. Через Сихотэ-Алинь к морю

На следующий день, 16 июня, мы снялись с бивака в пять часов утра и сразу стали подыматься на Сихотэ-Алинь. Подъём был медленный и постепенный. Наш проводник по возможности держал прямое направление, но там, где было круто, он шёл зигзагами.

Чем выше мы поднимались, тем больше иссякали ручьи и наконец пропали совсем. Однако глухой шум под камнями указывал, что источники эти ещё богаты водой. Мало-помалу шум этот тоже начинал стихать. Слышно было, как под землёй бежала вода маленькими струйками, точно её лили из чайника, потом струйки эти превратились в капли, и затем всё стихло.

Через час мы достигли гребня. Здесь подъем сразу сделался крутым, но не надолго.

На самом перевале, у подножия большого кедра, стояла маленькая кумирня, сложенная из корья. Старик китаец остановился перед ней и сделал земной поклон. Затем он поднялся и, указывая рукой на восток, сказал только два слова:

– Река Вай-Фудзин⁷⁹.

Это значило, что мы были на водоразделе. После этого старик сел на землю и знаком дал понять, что следует отдохнуть.

Воспользовавшись этим, я прошёл немного по хребту на юг, поднялся на одну из каменных глыб, торчащих здесь из земли во множестве, и стал смотреть.

Прилегающая часть Сихотэ-Алиня слагается из кварцевого порфира. Водораздельный хребет идёт здесь от юго-запада на северо-восток. Наивысшие точки его будут около 1100 метров над уровнем моря. К северу Сихотэ-Алинь немного понижается. Западный склон его пологий, восточный значительно круче. Весь хребет покрыт густым хвойно-смешанным лесом. Гольцы находятся только на отдельных его вершинах и местах осыпей. На старинных китайских картах этот водораздел называется Сихотэ-Алинь. Местные китайцы называют его Сихота-Лин, а чаще всего Лао-Лин, то есть старый перевал (в смысле «большой, древний»). По гипсометрическим измерениям высота перевала, на котором мы находились, равнялась 980 метрам. Я окрестил его именем К. И. Максимовича, одного из первых исследователей Уссурийского края.

К востоку от водораздела, насколько хватал глаз, всё было покрыто туманом. Вершины соседних гор казались разобщёнными островами. Волны тумана надвигались на горный хребет и, как только переходили через седловины, становились опять невидимыми. К западу от водораздела воздух был чист и прозрачен. По словам китайцев, явление это обычное. Впоследствии я имел много случаев убедиться в том, что Сихотэ-Алинь является серьёзной климатической границей между прибрежным районом и бассейном правых притоков Усури.

Должно быть, я долго пробыл в отлучке, потому что в отряде подняли крик.

Казак согрели чай и ждали моего возвращения. Не обошлось без курьёза. Когда чай был разлит по кружкам, Рутковский сказал:

– Эх! Если бы сахар был!

– Есть, – отвечал казак Белоножкин и, пошарив у себя в кармане, вытащил из него почерневший от грязи кусок сахара.

– Где это ты, друг мой, его валял? – спросил Рутковский.

– Он Сихотэ-Алинь переваливал, – отвечал находчивый казак. Все рассмеялись.

Прополоскав немного желудок горячей водицей, мы пошли дальше. Спуск с хребта в сторону Вай-Фудзина, как я уже сказал, был крутой. Перед нами было глубокое ущелье, заваленное камнями и буреломом. Вода, стекающая каскадами, во многих местах выбила мно-

⁷⁹ Вай-фу-цзинь – внешний Фу-цзинь, текущий в сторону, обращённую к морю.

жество ям, замаскированных папоротниками и представляющих собой настоящие ловушки. Гранатман толкнул одну глыбу. При падении своём она увлекла другие камни и произвела целый обвал.

Спускаться по таким оврагам очень тяжело. В особенности трудно пришлось лошадям. Если графически изобразить наш спуск с Сихотэ-Алиня, то он представился бы в виде мелкой извилистой линии по направлению к востоку. Этот спуск продолжался часа два. По дну лощины протекал ручей. Среди зарослей его почти не было видно. С весёлым шумом бежала вода вниз по долине, словно радуясь тому, что наконец-то она вырвалась из-под земли на свободу. Ниже течение ручья становилось спокойнее.

Но вот ещё такой же глубокий овраг подошёл справа. Теперь ущелье превратилось в узкую долину, которую местное китайское население называет Синь-Квандагоу⁸⁰. За перевалом хвойно-смешанный лес начал быстро сменяться лиственным. Дуб монгольский рос преимущественно по склонам гор с солнечной стороны. В долине леса были разнообразнее и богаче. Здесь можно отметить мелколистную липу – любительницу опушек и прогалин, жёлтый клён с глубоко разрезанными бледными листьями, иву пепельную – полукуст-полудерево, крылатый бересклет, имеющий вид кустарника с пробковыми крыльями по стволу и по веткам. Из настоящих кустарников можно указать на таволожник иволистный с ярко-золотистыми цветами, особый вид боярышника с редкими и короткими иглами и с белесоватыми листьями с нижней стороны, жимолость Маака более 4 метров высоты с многочисленными розоватыми цветами и богородскую траву с лежащими по земле стеблями, ланцетовидными мелкими листьями и ярко-пурпурово-фиолетовыми цветами. В стороне от тропы были ещё какие-то кустарники, хотелось мне их посмотреть, но голод принуждал торопиться. На полях наблюдателя поражало обилие цветов. Тут были ирисы самых разнообразных оттенков от бледно-голубого до тёмно-фиолетового, целый ряд орхидей разных окрасок, жёлтый куро-слеп, тёмно-фиолетовые колокольчики, душистый ландыш, лесная фиалка, скромный цветочек земляники, розовый василёк, яркая гвоздика и красные, оранжевые и жёлтые лилии.

Этот переход от густого хвойного леса к дубовому редколесью и к полянам с цветами был настолько резок, что невольно вызывал возгласы удивления. То, что мы видели на западе, в трёх-четырёх переходах от Сихотэ-Алиня, тут было у самого его подножия.

Кроме того, я заметил ещё одну особенность: те растения, которые на западе были уже отцветшими, здесь ещё вовсе не начинали цвести.

В бассейне Ли-Фудзина было много гнуса, мало чешуекрылых. Здесь, наоборот, всюду мелькали кирпично-красные с радужными переливами крапивницы, бело-жёлтые с чёрными и красными пятнами аполлоны и большие тёмно-синие махаоны. Последние часто садились на воду и, распластав крылья, предоставляли себя течению реки. Можно было подумать, что бабочки эти случайно попали в воду и не могли подняться на воздух. Я несколько раз хотел было взять их, но едва только протягивал руку, они совершенно свободно подымались на воздух и, отлетев немного, снова опускались на воду.

Всюду на цветах реяли пчелы и осы, с шумом по воздуху носились мохнатые шмели с черным, оранжевым и белым брюшком. Внизу, в траве, бегали проворные жужулицы. Этим жукам за их хищный характер можно было бы назвать тиграми среди насекомых. По тропе ползали чёрные могильщики и трёхцветные скакуны. Последние передвигались как-то порывисто, и не разберёшь – прыгали они или летали. На зонтичных растениях держались преимущественно слоники и зелёные клопы, а около воды и по дорогам, где было посуше, с прозрачными крыльями и с большими голубыми глазами летали стрекозы.

Полюбовавшись насекомыми, я стал рассматривать птиц. Прежде всего я увидел завирушек. Они прыгали под деревьями и копошились в старой листве. Когда я стал подходить

---

⁸⁰ Син-гуань-да-гоу – большая пыльная, голая долина.

к ним, они отлетели немного в сторону и вновь опустились на траву. По берегам горных ручьёв, качая хвостиками, перебежали с камня на камень горные трясогузки. Птички эти доверчиво подпускали к себе человека и только в том случае, когда я уж очень близко к ним подходил, улетали, не торопясь. Около шиповников держались свиристели. Они искусно лазали по ветвям кустарников и избегали открытых пространств. В другом месте я заметил долгохвостых синиц, шныряющих в листве деревьев и мало обращающих внимание на своих соседей. Рядом с ними сутились подвижные гаички, совсем маленькие птички с крохотным клювом и коротким хвостиком.

Из млекопитающих, судя по многочисленным следам, здесь обитали дикие козули, олени, кабаны, медведи и тигры.

Несмотря на утомление и на недостаток продовольствия, все шли довольно бодро. Удачный маршрут через Сихотэ-Алинь, столь резкий переход от безжизненной тайги к живому лесу и наконец тропка, на которую мы наткнулись, действовали на всех подбадривающим образом. В сумерки мы дошли до пустой зверовой фанзы. Около неё был небольшой огород, на котором росли брюква, салат и лук.

По сравнению с овощами, которые мы видели на Фудзине, эти огородные растения были тоже отсталыми в росте. Одним словом, во всём, что попадалось нам на глаза, видна была резкая разница между западным и восточным склонами Сихотэ-Алиня. Очевидно, в Уссурийском крае вегетационный период наступает гораздо позже, чем в бассейне Усури.

Дальше мы не пошли и здесь около фанзочки стали биваком. Продовольствие в тайгу манзы завозят вьюками, начиная с августа. В самые отдалённые фанзы соль, мука и чумиза переносятся в котомках. Запасы продовольствия складываются в липовые долблённые кадушки, прикрытые сверху корьём. Запоров нигде не делается, и кадушки прикрываются только для того, чтобы в них не залезли мыши и бурундуки.

Чужое продовольствие в тайге трогать нельзя. Только в случае крайнего голода можно им воспользоваться, но при обязательном условии, чтобы из первых же земледельческих фанз взятое было доставлено обратно на место. Тот, кто не исполнит этого обычая, считается грабителем и подвергается жестокому наказанию. Действительно, кража продовольствия в зверовой фанзе принуждает соболёвщика раньше времени уйти из тайги, а иногда может поставить его прямо-таки в безвыходное положение.

Вечером старик китаец заявил нам, что далее он идти не может и останется здесь ожидать возвращения своего товарища.

На следующий день, 17 июня, мы расстались со стариком. Я подарил ему свой охотничий нож, а Мерзляков – кожаную сумочку. Теперь топоры нам были уже не нужны. От зверовой фанзы вниз по реке шла тропинка. Чем дальше, тем она становилась лучше. Наконец мы дошли до того места, где река Синь-Квандагоу сливается с Тудагоу. Эта последняя течёт в широтном направлении, под острым углом к Сихотэ-Алиню. Она значительно больше Синь-Квандагоу и по справедливости могла бы присвоить себе название Вай-Фудзина.

По этой реке в 1860 году спустился Будищев. По слухам, в истоках её есть несколько китайских фанз, обитатели которых занимаются звероловством. От места слияния упомянутых двух речек начинается Вай-Фудзин, названная русскими переселенцами Аввакумовкой.

Лес кончился, и перед нами вдруг неожиданно развернулась величественная горная панорама. Возвышенности с левой стороны долины покрыты дубовым редколесьем с примесью липы и чёрной берёзы. По склонам их в вертикальном направлении идут осыпи, заросшие травой и мелкой кустарниковой порослью.

Долина Вай-Фудзина богата террасами. Террасы эти идут уступами, точно гигантские ступени. Это так называемые пенеплены. В древние геологические периоды здесь были

сильные денудационные⁸¹ процессы, потом произошло поднятие всей горной системы и затем опять размывание. Вода в реках в одно и то же время действовала и как пила, и как напильник.

Против Тудагоу, справа, в Вай-Фудзин впадает порожистая речка Танюгоуза⁸², а ниже её, приблизительно на равном расстоянии друг от друга, ещё четыре небольшие речки одинаковой величины: Харчинкина, Хэмутагоу⁸³, Куандинза⁸⁴ и Воротная. По первой лежит путь на Ли-Фудзин, к местности Сяень-Лаза⁸⁵. На Хэмутагоу русские переселенцы нашли христианскую могилу и потому назвали реку Крестовой. По словам туземцев, Куандинза течёт по весьма извилистому ложу; она очень бурлива и порожиста. Долина Воротной реки обставлена высокими скалистыми горами и считается хорошим охотничьим местом.

Между Харчинкиной падью и Синь-Квандагоу, среди скал и осыпей, держатся горалы, имеющие по внешнему виду сходство с козлами. Животные эти относятся к антилопам, имеют размеры: в длину около 2 метров и в высоту до 0,8 метра. Шерсть их грязно-серо-жёлтого цвета, морда, спина и хвост – тёмно-бурые, горло и брюхо – белесоватые. На шее волосы несколько длиннее и образуют небольшую гриву; голова украшена небольшими, загнутыми назад рожками. В Уссурийском крае область распространения горала доходит до реки Имана включительно и в прибрежном районе – до бухты Терней (река Кудяхе). Живут они небольшими табунами в таких местах, где с одной стороны есть хвойно-смешанный лес, а с другой – неприступные скалы. День горал проводит в лесу, а ночью спускается в долину для утоления жажды. При малейшем признаке опасности он сейчас же перебегает на скалистую сторону сопки. Зная это, охотники делятся на две группы. Одни из них заходят в лес, а другие караулят животных в камнях. Вследствие того что горалы привязаны к определённым местам, которые хорошо известны зверопромышленникам, надо считать, что им грозит опасность уничтожения.

Часов в десять утра мы увидели на тропе следы колёс. Я думал, что скоро мы выйдем на дорогу, но провожавший нас китаец объяснил, что люди сюда заезжают только осенью и зимой на охоту и что настоящая колёсная дорога начнётся только от устья реки Эрлдагоу.

Лошади сильно истомились: они еле передвигали ноги и шатались. Пришлось сделать привал. Воспользовавшись этим, я поднялся на небольшую сопку, чтобы ориентироваться.

Общее направление реки Вай-Фудзина юго-восточное. В одном месте она делает излом к югу, но затем выпрямляется вновь и уже сохраняет это направление до самого моря. На западе ясно виднелся Сихотэ-Алинь. Я ожидал увидеть громаду гор и причудливые острые вершины, но передо мной был ровный хребет с плоским гребнем и постепенным переходом от куполообразных вершин к широким седловинам. Время и вода сделали своё дело.

Долина Вай-Фудзина будет продольная, хотя из направлений её притоков, текущих параллельно берегу моря и хребту Сихотэ-Алиня, как будто немного намечается денудационный характер.

Восточные предгорья Сихотэ-Алиня слагаются из гранитов, сиенитов и кварцевого порфира. Этот последний, встреченный нами ещё по ту сторону водораздела, тянулся и теперь.

⁸¹ От слова «денудация» – процесс разрушения и сноса горных пород под влиянием воздуха, воды, ледников. – (Примеч. ред).

⁸² Тан-ню-гоу-цзы – долина, где в топи завязла корова.

⁸³ Хэй-му-да-гоу – большая долина с чёрными деревьями.

⁸⁴ Куань-дин-цзы – широкая долина.

⁸⁵ Сянь-ян-ла-цзы – скала, обращённая к солнцу.

Высокие древне-чёрные террасы с левой стороны Вай-Фудзина, с массивным основанием (тоже из кварцевого порфира), особенно резко выступают близ устья Харчинкиной пади.

Часа через полтора я вернулся и стал будить своих спутников. Стрелки и казаки проснулись усталые; сон их не подкрепил. Они обулись и пошли за конями. Лошади не убегали от людей, послушно позволили надеть на себя недоуздки и с равнодушным видом пошли за казаками.

Китаец говорил, что если мы будем идти целый день, то к вечеру дойдём до земледельческих фанз. Действительно, в сумерки мы дошли до устья Эрлдагоу (вторая большая падь). Это чрезвычайно порожистая и быстрая река. Она течёт с юго-запада к северо-востоку и на пути своём прорезает мощные порфиновые пласты. Некоторые из порогов её имеют вид настоящих водопадов. Окрестные горы слагаются из роговика и кварцита. Отсюда до моря около 78 километров.

На другой стороне реки, под сенью огромных вязов, стояла китайская фанза. Мы обрадовались ей так, как будто это была первоклассная гостиница. Узнав, что мы последние два дня ничего не ели, гостеприимные китайцы стали торопливо готовить ужин. Лепёшки на бобовом масле и чумизная каша с солёными овощами показались нам вкуснее самых изысканных городских блюд. По молчаливому соглашению мы решили остаться здесь ночевать. Китайцы убрали свои постели и предоставили нам большую часть канов. Последние были сильно нагреты, но мы предпочли лучше мучиться от жары, чем страдать от гнуса.

От множества сбившихся людей в фанзе стояла духота, которая увеличивалась ещё оттого, что все окна в ней были завешены одеялами. Я оделся и вышел на улицу.

Ночь была тихая, тёплая, как раз такая, какую любят ночные насекомые. То, что я увидел, так поразило меня, что я совершенно забыл про мошек и глядел, как очарованный. Весь воздух был наполнен мигающими синеватыми искрами. Это были светляки. Свет, испускаемый ими, был прерывистый и длился каждый раз не более одной секунды. Следя за одной такой искрой, можно было проследить полет каждого отдельного насекомого. Светляки эти появляются не сразу, а постепенно, поодиночке. Рассказывают, что переселенцы из России, увидев впервые такой мигающий свет, стреляли в него из ружей и в страхе убегали. Теперь это не были одиночные насекомые, их были тысячи тысяч, миллионы. Они летали в траве, низко над землёй, реяли в кустах и носились вверху над деревьями. Мигали насекомые, мерцали и звезды. Это была какая-то пляска света. Вдруг вспыхнула яркая молния и разом озарила всю землю. Огромный метеор с длинным хвостом пронёсся по небу. Через мгновение болид рассыпался на тысячу искр и упал где-то за горами. Свет погас. Как по мановению волшебного жезла, исчезли фосфоресцирующие насекомые. Прошло минуты две-три, и вдруг в кустах вспыхнул один огонёк, за ним другой, десятый, и ещё через полминуты в воздухе опять закружились тысячами светящиеся эльфы.

Как ни прекрасна была эта ночь, как ни величественны были явления светящихся насекомых и падающего метеора, но долго оставаться на улице было нельзя. Мошкара облепила мне шею, руки, лицо и набилась в волосы. Я вернулся в фанзу и лёг на кан. Усталость взяла своё, и я заснул.

На другой день назначена была днёвка. Надо было дать отдохнуть и людям и лошадям. За последние дни все так утомились, что нуждались в более продолжительном отдыхе, чем ночной сон. Молодой китаец, провожавший нас через Сихотэ-Алинь, сделал необходимые закупки и рано утром выступил в обратный путь.

Вчера мы до того были утомлены, что даже не осмотрелись как следует, было не до наблюдений. Только сегодня, после сытного завтрака, я решил сделать прогулку по окрестностям. В средней части долина реки Аввакумовки шириной около полукилометра. С правой стороны её тянутся двойные террасы, с левой – скалистые сопки, состоящие из трахи-

тов, конгломератов и брекчий. Около террас можно видеть длинное болото. Это место, где раньше проходила река. Во время какого-то большого наводнения она проложила себе новое русло.

Из пернатых я здесь видел восточносибирских жаворонков. На побережье моря была ещё весна, и потому их звонкое пение несло отовсюду. Они то опускались к земле, то опять подымались высоко на воздух. Около ивняков кружился уссурийский малый дятел – действительно маленький, но так же пёстро окрашенный, как и другие его сородичи. Между листвой кое-где мелькали японские пеночки-непоседы. Они всё время были в движении, одновременно и веселились и охотились за насекомыми. По сторонам дороги, в кустах, мелькали зеленью овсянки. В сообществе с полевыми воробьями они клевали конский навоз и купались в пыли. Кроме того, в прибрежном районе водятся уссурийский перепел и уссурийский фазан. Первая птица весьма похожа на куропатку и держится по долинам рек в местах равнинных. Моя собака выгнала двух перепёлок. Они с криком поднялись у ней из-под самого носа. Отлетев шагов двести, перепёлки опять спустились в траву. На возвратном пути я видел двух фазанов. Когда петух поднимается из кустарников, он сперва взлетает кверху метра на три и при этом неистово кричит. Крик его немного похож на крик обыкновенного петуха, когда последний чего-нибудь испугается. В другом месте собака выгнала курицу с цыплятами. По фазану собака редко делает твёрдую стойку. Она ложится и начинает ползти на брюхе, иногда замедляя, иногда прибавляя шаг. Испуганная птица прежде всего старается спастись бегством; она хитрит, путает следы и часто возвращается назад. Потеряв след, собака начинает бросаться в стороны. Этим моментом фазан пользуется и взлетает на воздух. Курица всегда подымается молча и летит дальше, чем петух. Но в данном случае она вела себя иначе: летела лениво, медленно и низко над землёй, летела не по прямой линии, а по окружности, так что собака едва не хватала её за хвост зубами. Я сразу понял, в чём дело. У фазанухи были цыплята, и она старалась отвести от них собаку.

Я взял свою Альпу за поводок и пошёл назад. Китайцы уже приготовили обед и ждали моего возвращения.

Когда мы пили чай, в фанзу пришёл ещё какой-то китаец. За спиной у него была тяжёлая котомка; загорелое лицо, изношенная обувь, изорванная одежда и закопчённый котелок свидетельствовали о том, что он совершил длинный путь. Пришедший снял котомку и сел на кан. Хозяин тотчас же стал за ним ухаживать. Прежде всего он подал ему свой кiset с табаком.

– Кто это? – спросил я хозяина.

– Прохожий, – отвечал он.

– Знакомый тебе?

– Нет, – отвечал он и затем обратился к повару с приказанием приготовить для путника обед.

Пока пришедший курил табак, китайцы расспрашивали его о новостях. Он охотно рассказывал им то, что случилось в тех местах, откуда он прибыл, и что он видел по дороге. Оказалось, что китаец идёт с Ното и держит путь на реку Психун. Вечером, во время ужина, манзы, прежде чем самим сесть за стол, пригласили гостя. Все китайцы наперерыв старались ему услужить. Едва его чашка опорожнялась, как тотчас её наполняли снова. Потом гостю отвели лучшее место на кане и дали два одеяла: одно – для подстилки, другое – под голову, вместо подушки. Прохожий остался в этой фанзе на весь следующий день для отдыха.

У местного манзовского населения сильно развито внимание к путнику. Всякий прохожий может бесплатно прожить в чужой фанзе трое суток, но если он останется дольше, то должен работать или уплачивать деньги за харчи по общей раскладке.

На следующий день, 19 июня, мы распрощались с гостеприимными китайцами и пошли дальше. Отсюда начиналась колёсная дорога. Чтобы облегчить спины лошадей, я нанял две подводы.

В нижнем течении долина Вай-Фудзина очень живописна. Утёсы с правой стороны имеют причудливые очертания и похожи на людей, замки, минареты и т. д. С левой стороны опять потянулись высокие двойные террасы из глинистых сланцев, постепенно переходящие на севере в горы.

Здесь есть один только небольшой приток – Касафунова падь, которую местные китайцы называют Чамигоузой⁸⁶. Она длиной около 15 километров и имеет направление течения сперва на юго-восток, а потом на юг. Правый край Касафуновой долины нагорный, левый – пологий, слегка холмистый. Долина эта узкая и расширяется только в среднем течении, там, где в неё впадает речка Грушевая. Если идти вверх по реке, то с правой стороны видны какие-то карнизы, которые дальше переходят в широкие террасы. Окрестные горы покрыты листовым редколесьем дровяного характера.

Километрах в восемнадцати от моря видны обнажения известняков. Немного ниже Касафуновой пади в Вай-Фудзин с правой стороны впадают две реки – Сандагоу и Лисягоу⁸⁷. Последняя берёт начало с Тазовской горы, о которой речь будет ниже. Верховья реки Сандагоу слагаются из множества горных ручьёв, стекающих по узким распадинам. Раньше здесь были большие леса, изобилующие зверем, но лесные пожары в значительной степени обесценили это охотничье эльдорадо.

Колёсная дорога, проложенная китайцами по долине Вай-Фудзина, дважды проходит по реке вброд, что является большим препятствием для сообщений во время наводнения. Чтобы избежать этих бродов, надо идти по тропе. Она начинается около террас, с левой стороны долина подымается в гору и идёт по карнизу. Здесь тропа на протяжении 300 метров буквально висит над пропастью.

Лет сорок тому назад на террасах около устья реки Касафуновой жили тазы-удэгейцы. Большею частью они вымерли от оспенной эпидемии в 1881 году.

Удэгейцы эти на охоту ходили всегда на Тазовскую гору, командующую над всеми окрестными высотами, отчего она и получила своё настоящее название.

По всей долине Вай-Фудзина, от устья Эрлдагоу до Тазовской горы, разбросаны многочисленные фанзы. Обитатели их занимаются летом земледелием и морскими промыслами, а зимой соболеванием и охотой.

Самым большим притоком Вай-Фудзина будет река Арзамасовка. Она впадает в него с левой стороны. Немного выше устья Арзамасовки, на возвышенном месте, расположился маленький русский посёлок Веткино. В 1906 году в деревне этой жило всего только 4 семьи. Жители её были первыми переселенцами из России. Какой-то особенный отпечаток носила на себе эта деревушка. Старенькие, но чистенькие домики глядели уютно; крестьяне были весёлые, добродушные. Они нас приветливо встретили.

Вечером собрались старики. Они рассказывали о том, сколько бедствий им пришлось претерпеть на чужой земле в первые годы переселения. Привезли их сюда в 1859 году и высадили в заливе Ольги, предоставив самим устраиваться кто как может и кто как умеет. Сначала они поселились в одном километре от бухты и образовали небольшой посёлок Новинку. Скоро крестьяне заметили, что, чем дальше от моря, тем туманов бывает меньше. Тогда они перекочевали в долину Вай-Фудзина. В 1906 году в Новинке жил только один человек. Места, где раньше были крестьянские дома, видны и по сие время.

---

⁸⁶ Ча-ми-гоу-цзы – долина, в которой легко заблудиться.

⁸⁷ Ли-ся-гоу – нижняя грушевая долина.

Но и на новых местах их ожидали невзгоды. По неопытности они посеяли хлеб внизу, в долине; первым же наводнением его смыло, вторым – унесло все сено; тигры поели весь скот и стали нападать на людей. Ружьё у крестьян было только одно, да и то пистонное. Чтобы не умереть с голода, они нанялись в работники к китайцам с подённой платой 400 граммов чумизы в день. Расчёт производили раз в месяц, и чумизу ту за 68 километров должны были доставлять на себе в котомках.

Старики долго не могли привыкнуть к новым местам. У них были ещё живы воспоминания о родине; зато молодёжь скоро приспособилась: из них выработались великолепные стрелки и отличные охотники. Быстрое течение в реках их уже не пугало; скоро они начали плавать по морю. Для европейской России охота на медведя в одиночку считается героическим подвигом. Здесь же каждый юноша бьёт медведя один на один. Некрасов воспел крестьянина, который убил сорок медведей, а здесь были братья Пятышкины и Мякишевы, из которых каждый в одиночку убил более семидесяти медведей. Затем следуют Силины и Боровы, которые убили по нескольку тигров и потеряли счёт убитым медведям. Один раз они задумали связать медведя так, ради забавы, и чуть за это не заплатились жизнью. Каждый из этих охотников носил на себе следы тигровых зубов и кабаньих клыков; каждый не раз видел смерть лицом к лицу.

Фудзинские крестьяне серьёзно относятся к охоте. Они не только бьют зверя, но и заботятся о его сохранности. Факт этот знаменателен. Крестьяне собрались и на сходе порешили не трогать самок, телят и не бить самцов во время гона. Кроме того, они сами отвели заказник, сами установили границы его и дали друг другу зарок там не охотиться. Вновь прибывший элемент из России не пожелал с этим считаться и начал хищничать. Так как заказник возник по частной инициативе и находился на казённой земле, то привлекать виновников к ответственности они не могли. Этим воспользовались браконьеры, и благое начинание фудзинских крестьян окончилось ничем.

Ценность пантов в Ольгинском районе доходит до 1200 рублей пара. В деревне Пермской у крестьянина Пятышкина я видел панты высотой в 52 сантиметра и толщиной в 22 сантиметра (расстояние между рогами у основания равнялось 8 сантиметрам); на концах они только что начали разветвляться; вес их был 4,4 килограмма. Панты эти были проданы по очень низкой цене – за 870 рублей. По словам братьев Пятышкиных, в 1905 году от продажи четырёх пар пантов они выручили 2200 рублей.

Во время этих рассказов в избу вошёл какой-то человек. На вид ему было лет сорок пять. Он был среднего роста, сухощавый, с небольшой бородой и с длинными волосами. Вошедший поклонился, виновато улыбнулся и сел в углу.

– Кто это? – спросил Гранатман.

– Кашлев – Тигриная Смерть, – отвечало несколько голосов. Мы стали его расспрашивать, но он оказался не из разговорчивых. Посидев немного, Кашлев встал.

– Убить зверя нетрудно, ничего хитрого тут нет, хитро его только увидеть, – сказал он, затем надел свою шапку и вышел на улицу.

О Кашлеве мы кое-что узнали от других крестьян. Прозвище Тигриная Смерть он получил оттого, что в своей жизни больше всех перебил тигров. Никто лучше его не мог выследить зверя. По тайге Кашлев бродил всегда один, ночевал под открытым небом и часто без огня. Никто не знал, куда он уходил и когда возвращался обратно. Это настоящий лесной скиталец. На реке Сандагоу он нашёл утёс, около которого всегда проходят тигры. Тут он их и караулил.

Среди крестьян были и такие, которые ловили тигров живыми. При этом никаких клеток и западней не ставилось. Тигров они ловили руками и связывали верёвками. Найдя свежий след тигрицы с годовалыми тигрятами, они пускали много собак и с криками начинали

стрелять в воздух. От такого шума тигры разбежались в разные стороны. Для такой охоты нужны смелость, ловкость и отвага.

Беседы наши затянулись. Это было так интересно, что мы готовы были слушать до утра. В полночь крестьяне стали расходиться по своим домам.

На другой день мы отправились в село Пермское, расположенное на четыре километра ниже Фудзина.

Экономическое благосостояние пермских крестьян не заставляет желать ничего лучшего. Село это можно было назвать образцовым во всех отношениях. На добровольные пожертвования они построили у себя в деревне школу. У ребятишек было много книг по природоведению и географии России. Все крестьяне достаточно начитанны и развиты; некоторые из них интересовались техникой, применяя её у себя в хозяйстве. Кабака в селе Пермском не было. При нас один новосёл позволил себе выругаться площадной бранью. Надо было видеть, какую проборку задали ему старожилы. Все пермские крестьяне такие же разумные охотники, как и фудзинцы. Жили пермские крестьяне безбедно, долгов не имели и были вполне довольны своею судьбой.

Земля в долине Вай-Фудзина весьма плодородна. Крестьяне не помнят ни одного неурожайного года, несмотря на то что в течение сорока лет пашут без удобрения на одних и тех же местах.

В период летних дождей вода, стекающая с окрестных гор, переполняет реку и разливается по долине. Самые большие наводнения происходят в нижнем течении Вай-Фудзина, там, где река принимает в себя сразу два притока: Сыдагоу – справа и Арзамасовку – слева. По словам пермцев, умеренные наводнения не только не приносят вреда, но, наоборот, далее полезны, так как после них на земле остаётся плодородный ил. Большие же наводнения совершенно смыывают пашни и приносят непоправимый вред.

От устья реки Сыдагоу долина Вай-Фудзина сразу расширяется. Отсюда видно уже море.

От села Пермского дорога идёт сначала около левого края долины у подножия террасы, а затем отклоняется вправо и постепенно подходит к реке. Здесь растёт редкий лес дровяного характера, состоящий из низкорослой чёрной берёзы, дуба, японской ольхи со спирально скрученным стволом и ольгинской лиственницы. Песчаная почва сверху покрыта тонким слоем наносного ила, поросшего травой. Где только дерновый слой подвергся уничтожению, оголились пески. Вследствие этого дорога между селом Пермским и берегом моря считается тяжёлой.

Выйдя на почтовый тракт, я кончил съёмку, отдал планшет сопровождавшему меня стрелку и взял ружьё. Несмотря на пройденный длинный путь, моя собака всё время бегала по кустам, выискивая птиц. Один раз она сделала стойку по слуху. Я подошёл к ней. Она прыгнула в заросли, что-то схватила зубами, потрясла головой и бросила в сторону. Это оказалась маньчжурская полевая мышь, весьма распространённая по всему краю. Величиной она с обыкновенную домашнюю мышь, но с буро-жёлтой окраской и с белыми лапками. Эта мышь не так подвижна, как домашняя, и поэтому легко становится добычей хищных птиц. Кормом ей служат различные семена растений, дубовые жёлуди и корни трав. Забрав мёртвую мышь как охотничий трофей, я пошёл дальше по дороге.

На половине пути между селом Пермским и постом Ольги с левой стороны высится скала, называемая местными жителями Чёртовым утёсом. Ещё пятнадцать минут ходу, и вы подходите к морю. Читатель поймёт то радостное настроение, которое нас охватило. Мы сели на камни и с наслаждением стали смотреть, как бьются волны о берег.

Наш путь был окончен.

Из морского песку здесь образовались дюны, заросшие шиповником, травой и низкорослыми дубками, похожими скорее на кустарники, чем на деревья. Там, где наружный

покров дюн был нарушен, пески пришли в движение и погребли под собой всё, что встретилось на пути.

В пост Ольги мы прибыли 21 июня и разместились по квартирам. Все наши грузы шли на пароходе морем. В ожидании их я решил заняться обследованием окрестностей.

Глава 14. Залив Ольги

Залив Ольги (43° северной широты и 152°57' восточной долготы от о. Ферро) открыт французским мореплавателем Лаперузом в 1787 году и тогда был назван портом Сеймура. Во время крымской кампании несколько английских судов преследовали русский военный корабль. Пользуясь туманом, судно укрылось в какую-то бухту. Англичане потеряли его из виду и ушли ни с чем. Так как это случилось 11 июля, в день Ольги, то решили залив своего спасения назвать её именем. В память избавления своего от врага они поставили крест на высокой горе, которая с той поры стала называться Крестовою.

При входе в залив Ольги справа высится одинокая скала, названная моряками островом Чихачева. На этой скале поставлена сигнальная башня, указывающая судам место входа. Но так как летом в этой части побережья почти всё время стоят туманы, то она является совершенно бесполезной, ибо с моря её всё равно не видно.

Залив Ольги закрыт с трёх сторон; он имеет километра три в длину, столько же в ширину и в глубину около 25 метров. Зимой он замерзает на три месяца только с северной стороны. Северо-восточная часть залива образует ещё особую бухту, называемую местными жителями Тихою пристанью. Эта бухта соединяется с большим заливом узким проходом и замерзает на более продолжительное время. Тихая пристань (глубиною посередине 10–12 метров, длиною с километр и шириною 500 метров) постепенно заполняется наносами речки Ольги.

На восточном берегу залива находится китайский посёлок Ши-Мынь⁸⁸, называемый русскими Кошкой. Раньше посёлок этот был главным китайским торговым пунктом в Уссурийском крае. Ежегодно сюда приходило до сотни шаланд с товарами из Хунчуна. Охотники с реки Усури доставляли в Ши-Мынь соболиные меха, ценные панты и дорогой женьшень. Дары тайги выменивались на продукты морского промысла. С 1901 года, после китайских беспорядков в Маньчжурии, жизнь в посёлке стала замирать. По длинному ряду барачков, расположенных на берегу моря для склада товаров и разного сырья, можно судить о размерах торговых оборотов китайцев в заливе Ольги.

В самом углу залива находится русское селение, называвшееся ранее постом Ольги. Первой постройкой, которая появилась здесь в 1854 году, была матросская казарма. В 1878 году сюда приехали лесничий и фельдшер, а до того времени местный пристав исполнял их обязанности: он был и учителем, и врачом, чинил суд и расправу.

В 1906 году в посту Ольги была небольшая деревянная церковь, переселенческая больница, почтово-телеграфная станция и несколько мелочных лавок. В настоящее время пост Ольги не деревня и не село. Ольгинцы в большинстве случаев были разночинцы и запасные солдаты, арендовавшие землю в казне. Никто не занимался ни огородничеством, ни хлебопашеством, никто не сеял, не жал и не собирал в житницы, но все строили дома, хотя бы и в долг; все надеялись на то, что пост Ольги в конце концов будет городом и захваченная земля перейдёт в собственность, после чего её можно будет выгодно продать.

Русско-японская война тяжело отразилась на этом маленьком русском посёлке, отрезанном бездорожьем от других жилых мест Уссурийского края. Предметов первой необходимости, как керосин, свечи, мыло, чай и сахар, нельзя было достать ни за какие деньги. Да и теперь ещё население его, в ожидании лучших дней, перебивается с хлеба на квас. Некоторые жители не живут в посту Ольги, а уехали во Владивосток. Много домов брошено и заколочено досками. Домовладельцы рады-радешеньки сдать кому-нибудь свои постройки

---

⁸⁸ Ши-мынь – каменные ворота.

не только в аренду, но даже в бесплатное пользование, лишь бы кто-нибудь охранял их от расхищения.

Около поста есть старинное кладбище, совершенно запущенное. Через несколько лет оно будет совсем утеряно. На нём похоронили в 1860 году матросов, умерших от цинги.

Другой достопримечательностью поста была маленькая чугунная пушка на неподвижном деревянном лафете. Я видел её в полном пренебрежении на площади около дома лесничего. По рассказам старожилов, она привезена была в пост Ольги для того, чтобы во время тумана подавать сигналы кораблям, находящимся в открытом море.

В заключение ещё остаётся сказать несколько слов об одном местном обывателе, весьма способствовавшем процветанию этого уголка далёкой русской окраины. Я говорю о крестьянине И. А. Пятышине. Обременённый большой семьёй, этот удивительный труженик вечно находился в работе, вечно о чём-нибудь хлопотал. Сперва Пятышин открыл в посту Ольги торговлю, но, будучи по характеру добрым и доверчивым человеком, роздал в кредит весь свой товар и разорился. Потом он занялся рыболовством, но вода унесла у него невода. Тогда он стал добывать морскую капусту, но рабочие-китайцы, забрав вперёд задатки, разбежались. После этого он взялся за лесное дело – наводнение унесло у него весь лес. Пятышин собрал все свои остатки и начал строить кирпичный завод, но кирпич не нашёл сбыта; ломку мрамора постигла та же участь; не пошло в ход также и выжигание извести. Последнее дело, которым неудачно занимался Пятышин, – это подрядная постройка домов и разбивка улиц в посту Ольги. Другой на его месте давно опустил бы руки и впал в отчаяние, но он не упал духом и вновь занялся рыбной ловлей. Ни на кого он не жаловался, винил только судьбу и продолжал с нею бороться. Много неимущих переселенцев находило заработок у Пятышина, много личного труда и денежных средств он вложил в устройство поста Ольги. К сожалению, в своё время он ниоткуда не получал поддержки, бросил все, перекочевал на реку Нельму, где и умер.

Первые два дня мы отдыхали и ничего не делали. В это время за Рутковским пришёл из Владивостока миноносец «Бесшумный». Вечером Рутковский распрощался с нами и перешёл на судно. На другой день на рассвете миноносец ушёл в море. Рутковский оставил по себе в отряде самые лучшие воспоминания, и мы долго не могли привыкнуть к тому, что его нет более с нами.

Первая моя экскурсия в окрестностях залива Ольги была на гору Крестовую.

Крест, о котором говорилось выше, ещё стоял на месте, но уже покачнулся. В него была врезана металлическая доска с надписью. Теперь её нет. Осталось только гнездо и следы гвоздей.

С Крестовой горы можно было хорошо рассмотреть все окрестности. В одну сторону шла широкая долина Вай-Фудзина. Вследствие того что около реки Сандагоу она делает излом, конца её не видно. Сихотэ-Алинь заслоняли теперь другие горы. К северо-западу протянулась река Арзамасовка. Она загибалась на север и терялась где-то в горах. Продолжением бухты Тихой пристани является живописная долина реки Ольги, текущей параллельно берегу моря.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.